

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Евгений ШИШКИН
Правда и блаженство.
Роман 10
- Светлана ПАНКРАТОВА
Разлучница. Рассказ 147
- Анатолий КРЕЙДИЧ
Черная белка. Рассказ 156

Поэзия

- Виктор КОВРИЖНЫХ
Народная тропа 7
- Владимир УРУСОВ
Нам Родина — бездна 144
- Валерий ИСАЕВ
Где твоя родина? 152
- Поэтическая мозаика 159

Очерк и публицистика

- Евгений САВЧЕНКО
Экономика знаний
и реформа образования 3
- Андрей ФУРСОВ
Десталинизация-2011:
скрытые шифры (мотивы, цели,
интересы) 189
- Ксения МЯЛО
В зеркале юбилея 204
- Борис КЛЮЧНИКОВ
Исламофобия 217
- Станислав КУНЯЕВ
"Племя младое, незнакомое" 229
- Андрей УБОГИЙ
Русские реки 233
- Валерий ГАНИЧЕВ
Сражаясь за Родину 246

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий отпрыск
Аввакума...” 165

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в туник 175

Критика

Ирина МОНАХОВА
Белинский и Гоголь 270

Станислав КУНЯЕВ
Душа России 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 25.05.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,8. Заказ № 2558. Тираж 11500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЕВГЕНИЙ САВЧЕНКО

*доктор экономических наук,
губернатор Белгородской области*

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ И РЕФОРМА ОБРАЗОВАНИЯ

Сложившаяся в стране система профессионального образования разбалансирована. У всех ее участников – студентов, учащихся, образовательных учреждений, государства, общества, работодателей – интересы разобщены или не сформированы вовсе. К сожалению, профессиональное образование так и не стало объектом стратегического планирования.

Государством как самым ответственным субъектом системы профессионального образования не сформулирована конечная цель, а задачи, стоящие перед ним, не конкретны и очень размыты. По существу образование как отрасль развивается сама в себе, выстраивая правила игры в собственных интересах. Коммерциализация образования, практически исключила из процесса принятия решений двух ключевых игроков: государство и работодателя. Система профессионального образования упростилась до примитивизма, где взаимодействуют между собой два субъекта – с одной стороны учебное заведение, с другой – учащийся, студент, чьи родители, в большинстве своем, оплачивают так называемые образовательные услуги. Учебное заведение заинтересованно в оплате учебы, а студент в получении диплома. И в результате мы имеем – низкое качество подготовки выпускников, отсутствие ориентации на рынок труда, невостребованность многих выпускников по специальности.

Верхом расточительства сложившейся системы образования является выезд наиболее одаренных выпускников вузов за рубеж или, в лучшем случае, трудоустройство в иностранных компаниях на территории страны.

Продолжение существующей ситуации приведет в ближайшие годы к полной дискредитации профессионального образования и, как следствие, к дальнейшей деградации экономики страны.

Выход из ситуации видится в существенной перестройке взаимоотношений между всеми участниками системы образования. Другими словами, в рыночной экономике образование должно стать равноправным субъектом рынка, а действия государства должны быть направлены на:

а) обеспечение доступа всех желающих к образованию, независимо от их материального положения и статуса,

б) создание конкуренции среди учебных заведений за качество образовательных услуг,

в) выработку алгоритма взаимоотношений между выпускниками, учебными учреждениями и работодателями, направленных на достижение единой цели – обеспечить экономику, бюджетную сферу, прочие государственные структуры высокопрофессиональными кадрами. Для решения этих задач необходимо:

1. Освободить учащихся, студентов от платы за образование. Нести расходы должны государственный бюджет и заказчики, то есть работодатели. Соотношение между государственным финансированием и заказчиками – работодателями, а также величина оплаты должны устанавливаться расчетным путем в зависимости от профессии, вида образовательного учреждения и других факторов. Однако оно должно быть близким к паритету 50х50. Причем работодатель должен свою долю заплатить не сразу после принятия выпускника на работу, а через некоторое время, скажем, через год после того, как убедиться в качественной подготовке выпускника.

2. Представляется целесообразным через год работы вручать и диплом выпускнику. После совместной оценки его работы на предприятии специальной комиссией, состоящей из представителей учебного заведения, которое он окончил, предприятия, где он работает, и органов власти.

3. Региональные и федеральные органы власти должны сформировать перед учебными заведениями всех форм собственности долгосрочный (на 7–10 лет) заказ на подготовку специалистов и гарантировать их трудоустройство. Заказ формируется на основе, прежде всего, заявок работодателей, а также на основе прогноза и тенденций развития экономики, общества и государства. Что произойдет на рынке образовательных услуг с принятием данных решений?

Во-первых, поднимется ответственность за качество образования со стороны учебного учреждения, ибо оно может не получить оплату от работодателя за плохо подготовленного специалиста.

Во-вторых, выпускники учебного заведения будут намного серьезнее относиться к учебе, ибо они могут не получить диплом через год после работы на предприятии.

В-третьих, вся сфера профессионального образования будет готовить специалистов ровно столько, сколько нужно, и только тех, кто нужен. Очевидно, что многие учебные заведения в этой ситуации окажутся невостребованными. Но это куда меньшее зло, чем наводнение рынка труда неквалифицированными выпускниками.

В-четвертых, работодатели, включая и государственных заказчиков, будут ответственно относиться к заказу на выпускников системы профессионального образования и их оценке после одного года работы на предприятии.

В-пятых, все выпускники вузов и других учебных заведений будут гарантированно обеспечены работой.

Безусловно, данные предложения носят общий характер и не дают ответы на массу вопросов, которые возникнут после их принятия, например, что делать выпускнику, который не получил диплом, как быть со службой в армии, на какие статьи относить расходы предприятий на оплату за обучение принятых выпускников, порядок формирования заказа на подготовку кадров, как расходовать деньги, полученные учебными заведениями от работодателей – заказчиков, и многие другие. Важно понимать, что они носят второстепенный характер и обязательно найдут правильное и сбалансированное решение после принятия основополагающих решений.

Однако в этой схеме есть одно слабое звено: многие работодатели какое-то время могут экономить на заказе выпускников учебных заведений, рассчитывая, с одной стороны, на старые кадры, а также на прием готовых специалистов на рынке труда или переманивание их с других предприятий, с другой стороны.

Для того чтобы решить эту проблему, на мой взгляд, необходимо законодательно закрепить количество принимаемых на том или ином предприятии, учреждении выпускников вузов, ССУЗов, ПТУ, например, не менее 3% от численности работающих.

Можно на этом ставить точку. Однако логика вышеуказанных предложений подводит нас к чрезвычайно важной экономической проблеме, которая, на мой взгляд, является главным тормозом на пути перехода к новой модели экономического развития – экономике знаний. Речь идет о том, что знания, опыт, профессиональное мастерство работника не имеют в существующей экономике никакой стоимости и не являются капиталом, а соответственно и частью стоимости предприятия. Существует понятие стоимости рабочей силы, эквивалентом которой является величина заработной платы, но она далеко не отражает потенциала стоимости работника, если хотите, его капитализацию. И это вполне объяснимо для традиционной рыночной экономики, так

как вследствие постоянного повышения производительности труда, внедрения новых технологий рынок труда был и остается избыточным. Если где-то и возникал дефицит трудовых ресурсов, то проблему легко решали за счет привлечения работников из других регионов и стран. О социальных и политических последствиях подобного подхода, как правило, никто не думает.

Кроме того, затраты по общему и базовому профессиональному образованию всегда и везде брало на себя государство. Поэтому в таких условиях труд никогда не мог стать капиталом, а был просто статьей затрат при производстве товаров и услуг наряду с другими материальными ресурсами. Это противоречит элементарной экономической логике, поскольку новый капитал создается, как известно, от взаимодействия труда со старым капиталом и природными ресурсами в течение определенного времени. Каждый наемный работник, работая на предприятии, повышает свою квалификацию, обретает опыт, растет по служебной лестнице, и в итоге он производит новой стоимости за единицу времени значительно больше, чем раньше. Следовательно, востребованность его на рынке труда оказывается значительно выше. И в этом заслуга как самого работника, так и предприятия, где он работает.

Но сколько стоит работник как субъект экономических отношений на рынке капитала? Увы, ничего не стоит, поскольку такой практики, а значит, и методики не существует. В лучшем случае, при переходе на другое предприятие его опыт и мастерство могут быть оценены повышением заработной платы.

С другой стороны, мы знаем, как определить рыночную стоимость предприятия в целом или его части – акции, а стоимость работающего коллектива (в целом и персонально), безусловно влияющего на капитализацию предприятия, никого не интересует. Кстати, в профессиональном спорте стоимость спортсменов хорошо известна. А чем отличается высококвалифицированный менеджер, инженер, агроном или сварщик от профессионального спортсмена? Только родом занятий.

Справедливо ли такое положение дел? Думаю, что нет. Стимулирует ли отсутствие капитализации профессионального мастерства работника реализацию его творческого потенциала? Тоже нет.

Представим ситуацию, которая на практике наблюдается довольно часто. Выпускник вуза, за которого, в нашем случае после принятия вышеупомянутых мер, предприятие заплатит учебному заведению, допустим, 200 тыс. руб., проработал на предприятии 3–5 лет, стал опытным менеджером и принял решение перейти на другое предприятие, предложившее ему более привлекательные условия оплаты. Должны ли при этом между предприятиями и менеджером существовать какие-то экономические отношения? По логике – да, так как предприятие понесло затраты на подготовку менеджера, а фактически – нет, поскольку нормативно это нигде не закреплено. Для того чтобы такие отношения были, должна существовать общепринятая методика оценки рыночной стоимости любого наемного работника и оценка при этом вклада предприятия, где он работает, в формирование этой стоимости. Допустим, в нашем примере, менеджер был оценен в 1 млн руб. и доля предприятия в создании его стоимости равна 50%. В этом случае предприятие, где работал менеджер, вправе требовать от менеджера или предприятия, куда он переходит, компенсацию своих расходов в сумме 600 тыс. рублей, которая складывается из 200 тыс. рублей, которые предприятие заплатило в свое время вузу, и 400 тыс. рублей – половины от новой добавленной нормативной стоимости менеджера. Кроме того, если переход на работу инициировался новым предприятием, то, вполне возможно, оно заплатит и 400 тыс. рублей (разницу между 1 млн рублей и 600 тыс. рублей) самому менеджеру.

Более того, аналогичный подход должен быть реализован и при продаже или перепродаже предприятий. Проиллюстрируем это на следующем примере. Допустим, собственник приобрел предприятие за 1 млрд рублей, а через некоторое время реализует его за 4 млрд рублей. Есть ли заслуга наемных работников данного предприятия в повышении стоимости предприятия? Безусловно есть. А почему вся выручка от продажи достается собственникам предприятия? Это вопиющая несправедливость, которая ведет к росту социальной напряженности. Если принять, что суммарная стоимость вклада персонала данного предприятия была оценена в 1/3 часть от стоимости предприятия, то в результате этой сделки работники в виде бонуса получают 1 млрд рублей пропорционально своей персональной стоимости. И это будет справедливо. Или

другой пример: в случае выхода на пенсию работника, проработавшего всю жизнь на предприятии, он получит при расчете как минимум половину своей рыночной стоимости или той доли капитализации, которая приходится на данного работника. Кроме того, поскольку все работники того или иного предприятия через оценку собственной стоимости становятся частью общей стоимости предприятия, то они вполне могут рассчитывать и на дивиденды от текущей работы предприятий.

Подобные примеры, демонстрирующие социальную справедливость, экономическую целесообразность, корпоративную и государственную заинтересованность, можно приводить и дальше.

Безусловно, применение данной системы потребует коренного пересмотра действующего законодательства и ведомственного нормотворчества; но игра стоит свеч, ибо преимущества, будем называть вещи своими именами, новой экономической модели очевидны и даже при поверхностном взгляде заключаются в следующем:

Во-первых, все работники предприятия по факту установления трудовых отношений фактически являются его совладельцами, не обязательно являясь при этом его акционерами. Вследствие этого взаимоотношения между акционерами, топ-менеджерами и рядовыми работниками станут более бесконфликтными, ибо у всех появится общий интерес – рост собственной стоимости, стоимости предприятия, а значит, повышение его эффективности и конкурентности.

Во-вторых, у сотрудников компании независимо от должности и рода занятий появится стимул к повышению собственного профессионализма и улучшения качества работы, как основных критериев, от которых будет зависеть оценка и величина его стоимости.

В-третьих, упадет мотивация, с одной стороны, у работников к переходу с предприятия на предприятие, а с другой – у предприятий к переманиванию работников других предприятий, вследствие чего сократится текучесть кадров. Одновременно повысится уровень сотрудничества предприятий с учебными заведениями по подбору выпускников и выстраиванию эффективной корпоративной системы роста профессионального мастерства работников.

В-четвертых, повысится интерес у сотрудников и предприятий в целом к инновациям, внедрение и владение которыми резко поднимет стоимость персонала. У крупных предприятий в этой связи появится стимул к организации собственной научной и исследовательской базы.

В-пятых, изменится роль профсоюзов. Они будут бороться не только и не столько за повышение заработной платы работников, сколько за повышение капитализации персонала (а значит, и предприятия) и создание на предприятиях для этого необходимых условий.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что образование играет исключительно важную роль в создании капитала, ибо новую стоимость в любой сфере деятельности создает человек образованный. Но проблема заключается в том, что в настоящее время образование и экономика развиваются самостоятельно и механизмов общей заинтересованности, кроме административных, а посему неэффективных, нет. И существующую рыночную модель экономики такое положение худо или бедно устраивало, но это не устроит новую экономику – экономику знаний, в которой образование, знание, опыт должны стать основной частью создаваемого капитала, новой стоимости предприятия. И благодаря этому образование становится как бы частью экономики, а экономика – продолжением образования. В результате их взаимодействия достигается мощный синергетический эффект не только экономического, но и социального, а также духовно-нравственного развития, потому что изменяется конкурентная среда, в которой выигрывает не тот, кто изощреннее эксплуатирует наемного работника, а тот, кто создает условия для раскрытия личного потенциала персонала, который, в свою очередь, заинтересован в том же.

Экономика знаний по приказу и даже по чьей-то политической воле не возникнет. Для этого нужна новая экономическая среда, где основным капиталом являются знания, опыт, раскрепощенная энергия творчества персонала, где вновь созданный капитал распределяется не по логике священного права собственности, а по логике нового капитала. Именно в интересах построения новой экономики и должна проходить реформа образования, а предлагаемые меры всего лишь контуры и некоторые шаги в этом направлении.

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

НАРОДНАЯ ТРОПА

* * *

Я памятник себе воздвиг нерукотворный
в селе моём!.. Трубы водонапорной
побольше будет он по высоте!
Пока мечтам не писаны законы,
роняет небо звёзды на погоны,
и званье соответствует мечте!

А подо мной дома и огороды,
колодцы, трактора, животноводы,
на лавочке Серков-пенсионер.
Вы про известность мне не говорите.
Я здесь, в селе, гораздо знаменитей,
чем Вознесенский или Искандер!

Я памятник воздвиг... Высокий вроде,
мне видно, что растёт на огороде,
и виден лес, встречающий грозу.
Я над селом, как будто в карауле.
Кричат внизу: “Слезай, Витёк, покурим.
Прочти стихи про кузькину козу!..”

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич — автор пяти поэтических книг, член СП России. Работал трактористом, шофёром, составителем поездов на угольном разрезе. В настоящее время пожарный-спасатель пос. Старобачаты Кемеровской области.

И высотой горней окрыленный,
читаю им с восторгом, вдохновенно
про кузькину козу и про быка.
Что даже агроном наш на правленье
отметил: повышаю настроенье,
а значит, и надои молока.

Мой дом почти как штаб при поссовете,
посколь стихи печатаю в газете
под сводкою районных новостей, —
то жители доверчиво и просто
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой —
глаголом покарать лихих людей:

сантехника, завхоза райбольницы,
учётчика и Дуську-продащицу —
обвешивает, подлая, народ.
Я их глаголом яростным караю,
а сам в душе печально понимаю:
тропа ко мне травой не зарастёт...

СТАРОБАЧАТЫ

Всё перестроили в русском краю!
Только не трожьте деревню мою.

Тихие улочки Старобачат,
ветры степные полынью горчат.

В купах черёмухи и тальника
белую лебедь качает река.

Щука с Емелей и Чёрт с Водяным
мирно живут за окошком моим.

Звоны и ягоды в травах густых
вспомнят заглавия сказок моих.

Яви и вымысла зыбкая грань,
Здравствуй, лесная моя глухомань.

Милая родина, вечности птах...
Здесь лишь воскресну листвою на кустах!

Тешьтесь вы — Господи! — в вашем раю,
только не трожьте деревню мою.

Белая лебедь томится во мгле,
трудно не петь мне на этой земле...

* * *

Овраги за оградой и тальник.
Затем бугор за школою и — воля!..
Рассыпан петушиный звонкий крик
цветами перепёлкиного поля!

Потом — холмом возвышенный лесок,
наполненный мечтами и полётом.
Там дудочки зелёной голосок
томится за берёзовым заплотом.

Затем ручей, впадающий в Иню,
а дальше — лес застыл раскатом грома.
— А дальше? — Чёрт пугает ребятню,
чтоб далеко не бегала от дома.

* * *

Народ безмолвствует... Кричат
лишь только те, кому свобода —
обогащение иль блат,
дорога к власти или мода.

И так который год подряд
он равнодушен к зову власти.
Молчанье — словно знак согласия
идти хоть к Господу, хоть в Ад.

Народ терпения и пут
испил, изведал мерой полной
позор, предательство и подлость
от государственных иуд.

И вот безмолвствует народ,
ни слёз, ни ругани, ни жалоб.
Его ничто уже, пожалуй,
не удивит, не потрясёт.

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

ПРАВДА И БЛАЖЕНСТВО

РОМАН

*Наверху — обман и блаженство,
правда и радость — внизу.*

Часть первая

I

Это было счастливое время в России. Начало шестидесятых.

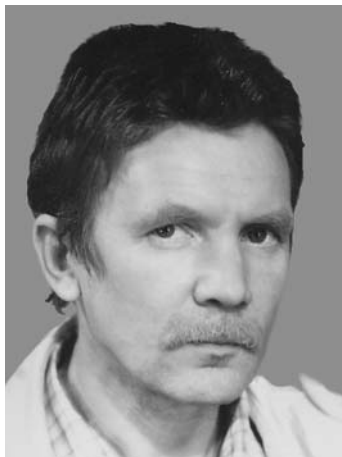
Уже затянулись ожоги войны, и слезы о погибших не были так солонны... Страна зализала раны и наново отстроилась, — и дерзнула на космос. Первенец землян во вселенной Юрий Гагарин чаровал солнечной улыбкой советских людей и вместе с ними грезил о Марсе.

И вольное было это время! После XX съезда КПСС и клейменной речи кулакастого Никиты Хрущева о культе Сталина по острогам и зонам прокатились освободительные сквозняки. Еще опасно косился советский гражданин на “черные воронки” и держался стороной “серого дома”, но анекдоты про нового генсека, про хрущевскую кукурузу уже шпарил без оглядки.

ШИШКИН Евгений Васильевич родился в 1956 г. в городе Кирове (Вятка). Работал на заводе, служил в армии, окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Высшие литературные курсы в Москве. Автор книг «До самого горизонта», «Только о любви», «Монстры и пигмеи», «Южный крест», «Концерт», «Бесова душа», «Закон сохранения любви». Автор пьес и сценариев к документальным фильмам. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Информация о полном авторском тексте романа – на официальном сайте писателя:
www.shishkin-ev.ru

ВЛАДИМИР УРУСОВ

НАМ РОДИНА — БЕЗДНА

* * *

За перевалом рассыпалась стая,
спи у костра, если есть
волчья молитва и клятва простая:
долг — наша честь, наша честь...

Вспомнит ли ягод незрелую горечь
окаменевший солдат,
или зареет пустынная полночь
этот рябиновый сад?

Песня врагу и молчание другу,
лишь бы взглянуть свысока —
пулей пробитая, бродит по кругу
полная фляга песка.

Пропасть направо, колодец налево,
Тает в глазницах свинец...
Пей свой туман, ненасытная Дева,
Славь свою бездну, Стрелец!

УРУСОВ Владимир Глебович родился в 1947 году в Калининградской области. Окончил Московский горный институт, работал геофизиком на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале. Автор пяти сборников стихотворений, в том числе "Три любви — три степени свободы", "Всплеск живой воды", "Медленный ветер". Член Союза писателей. Живет в Москве.

Ст. Куняеву

Солнечный ветер зарылся в песок,
ночь охладела, дыханье вернула —
и покатилась звезда на восток,
в дым глинобитных окраин Кабула.

Много ли вёрст до ничейной земли?
И в облаках, неизвестно откуда,
долго за ними по следу брели,
воду живую искали верблюды.

В той стороне пробуждения нет!
Глубже колодца гранитная пропасть —
пьёт свою бездну двугорбый скелет,
к сердцу прижав вертолётную лопасть.

Слава солдатам — корона царю...
Лишь бы дышали безумные реки
за перевалом, у тьмы на краю,
с каменным рыцарем в бронзовом веке.

НОЧЬ В КАБУЛЕ

В пятом ангаре армейского штаба —
вряд ли поверит, кто там не бывал —
вечер, осевший на серые лапы,
всех мотыльков собирает на бал.

Песней любви захлебнётся связистка,
сонным вином напоит медсестра,
и не понять, далеко или близко
дрогнет звезда в поцелуе костра...

Чаша иссякнет — другая найдётся!
Вдоль по теченью танцующих волн
тают и делят слепые колодцы
тени без званий и дым без имён.

Светятся маски ночными глазами,
Снежная пыль догоняет зарю.
Лейся, огонь, — отпечатана в камне
тьма и дорога у Бога в раю!

ЧЕТВЁРТАЯ СТРАЖА

Нам Родина бездна, Илья нам пророк.
Израненный стрелами молний,
шагает вдоль неба блуждающий полк
одной неделимой колонной.

Костры там не гаснут и звёзды горят,
собрав золотые истоки,
на западе светится вечный закат
и тьма шелестит на востоке...

Огромны пространства, пусты зеркала.
Под солнцем в бродячем тумане
не души, а волны живого тепла
земля надышала над нами.

И пусть по кругам за последним холмом
растает четвёртая стража,
пока ты бессмертен, отеческий дом —
полна материнская чаша!

СЛАВЯНКА

Ведёт сержант свою колонну,
четыре ранца — три ствола.
Опять на два его погона
тоска зелёная легла:
одно осталось от Союза
на карте белое пятно...
Невелика волшебность груза,
пока во фляге есть вино.

И вот загадка непростая —
привал на стрелке ледяной,
горит костёр, не угасая,
и где-то бродит часовой.
А за палаткой вьюга злится,
и непонятно никому —
святая Русь или волчица
в холодном мечется дыму?

Солдат сказал — кругом измена,
другой привстал — везде враги.
И нитью дрогнула антенна
из бездн не Курской, но дуги...
И не домотана портянка,
и вновь задвинут нож в сапог.
Прощай с приветом, пой, Славянка —
сегодня с нами только Бог!

СВЕТЛАНА ПАНКРАТОВА

РАЗЛУЧНИЦА

РАССКАЗ

— Ра-аскинулось море широко, и волны бушуют вдали-и, — по привычке начала было Татьяна, но тут же осеклась.

Не пелось сегодня, с утра уже нагрянули покупатели, по-хозяйски прошлись по саду-огороду, оглядели подвал, кухню, поднялись на второй этаж, другим ходом спустились на террасу, зачем-то постучали по ёмкости для воды. Задатка не оставили, пообещав подумать.

— Думайте, — усмехнулась Татьяна, повернувшись спиной к воротам, — не обдумайтесь только.

Татьяна баба ушлая, вёрткая, хватистая. Жизнь особо разнеживаться не давала. С двадцати пяти лет без мужа, сына поднимала, матери помогала. На квартиру сама заработала, на две машины, дачу отгрохала на диво всем соседям по участку.

— Не знаю, как это люди без денег могут жить, — удивляется Татьяна, — я лично не могу.

Фотография у неё есть занятная. “Евры” по дивану рассыпаны, а Татьяна среди них лежит, кошкой сытой жмурится. Из Германии, наверное, мешок с твёрдой валютой привезла. Три года там обиталась. На чужой земле и любовь нашла.

— Я ещё в молодости от одной улышалась... “Мы с ним спим, переплетаясь телами”, — потягивая коньяк, рассказывала Татьяна Иринке, подружке

ПАНКРАТОВА Светлана Геннадьевна родилась в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. В 2008 году стала лауреатом Всероссийского конкурса имени В. И. Белова, в 2010-м — лауреатом конкурса им. Ю. С. Самсонова (Иркутск). Печаталась в коллективных сборниках, журнале “Волга XXI век”. Живет в Саратове.

задушевной, — и всё думала, как это “переплестись телами”?.. Неудобно же. После сорока только сподобилась понять, что ещё как удобно, и вообще...

До Германии Татьяна проводницей работала. Одному богу известно, чего ей стоило на берлинский поезд пробиться. Иначе бы не поднялась. По областям да тамбовам мотаться — всё равно что побираться. А просить Татьяну не умела, вот и везла контрабанду из европейской столицы, потом на своём горбу пёрла шампуни да кремы по парикмахерским и продавцам знакомым. Оптом брали. Винишко, минуя таможду, доставляла, средства моющие, когда и бытовую технику бэушную. Купленные пять лет назад “Жигули”, конечно, процесс реализации упрощали, но и новых забот добавляли немало. “Старичок” 81-го года выпуска слишком уж часто в серьёзном ремонте нуждался.

Но так или иначе, на ноги Татьяна прочно встала, а уж когда дача светлыми обоями да свежей краской засияла, то и вовсе себя счастливой почувствовала.

Дача...

На взгорке стоит, весь посёлочек к её стопам припадает, а она ничего, не чванится. Не королевишна, чай, и сама — труженица, хозяйюшка. В огромных окнах Волга отражается. Бескрайняя, как море. Серебро с лазурью... Век смотри, не насмотришься.

Такой красотой в одиночку любоваться — то же самое, что за изобильным столом без сотрапезников сидеть. Вот и созывала Татьяна гостей со всех волостей. И всем рада была. Кормила, поила, бельём кипенно-белым кровати да точаны застилала, на пляж на “жигулёнке” возила. Это только кажется, что Волга близёхонько плещется, за крышами соседних дач, а на самом деле, чтобы все заборы обойти, километров пять по дороге извилистой топать придётся.

Счастье долгим не бывает, вот и Татьянино одним ненастным августовским днём рухнуло. Пришла на работу, а Иринка за спинами проводников какие-то непонятные знаки руками делает.

— Чего ты? — подошла Татьяна.

— Мамедова начальником поезда поставили, — шепнула Иринка, — только узнали все, тебе хотела позвонить...

— Да ты что! — тоже шёпотом удивилась Татьяна. — Он же всего ничего у нас. И поопытнее найдутся.

— Теперь — всё, — с ужасом проговорила Иринка, — прикроет лавочку.

— Да брось ты, — отмахнулась Татьяна, — мы его знаем как облупленного. Вместе же...

— Вот потому и... всё. Посмотришь!

Иринка как в воду глядела. Житья им с Татьяной не стало. Придирки, насмешки, проверки, выговоры. С контрабандой пришлось завязать, так только, по мелочёвке кое-что перевозили.

— Чего он взъелся-то? — недоумевала Татьяна. — Как подменили.

— Выслуживается, — вздыхала Иринка.

— Сволочь он, сам-то по-прежнему товар возит, — не выдержала Татьяна после взбучки, полученной в присутствии всей бригады. — У нас половина — без мужиков, у всех дети. Кого растить, кого в институте учить. Чё на зарплату-то, да? Да пошёл он! Не могу больше.

Написала заявление “по собственному”, доверенность на машину на сына сделала, матери наказала за дачей присматривать и рванула к Ритке, подруге молодости. Муж Ритки-баскетболистки когда-то чуть ли не за “Автодор” играл, последние годы оба немецких детишек учат мячи в корзину забрасывать. У Ритки Татьяна с Енцем и познакомилась.

— Ты особо-то не надейся, — предупредила Ритка, узнав о романе, — мы для них...

— Какие? — обиделась Татьяна.

— Родителям своим он тебя представить не решится. Спорим?

Но родители и так никоим образом не вписывались в те отношения, что у Татьяны с Енцем сложились.

— Знаешь, — всё за той же бутылкой коньяка откровенничала Татьяна, — мы с ним на первом свидании в кино пошли, а я в кино тыщу лет не была. И как-то отвыкла, что ли, не знаю... Ничего не помню, чего там показывали. Потом вышли, а городок маленький, уютный, чистенький. Домишки такие... как в сказке. Вечер тёплый, луна, словно привязанная, за нами плывёт. И мы идём с ним, два старых дурака... как пионеры. Я ещё подумала: “Хорошо, что он меня за руку взял, а то бы... взлетела, как воздушный шарик...”

Иринка пьяно расплакалась.

— Чего ты? — улыбнулась Татьяна, погладив подругу по высветленным волосам.

— Не бывает так, Тань... ну в молодости ещё, ладно...

— Дура ты!

— Я дура, а ты вернулась.

— Отстань! Мать у него немощная. Чего она, одна должна жить? Енц к ней уехал, на другой конец Германии. Он так и сказал: “Я единственный сын, должен быть рядом, раз отец умер”.

— По-русски сказал?

— По-немецки.

— Мог бы и тебя взять, — продолжала расковыривать рану Иринка.

— На дачу поедешь? — спросила Татьяна.

— Некогда... на твою, своя у меня... с прошлого лета. Забыла? — Иринка виновато посмотрела на подругу.

За те три года, что Татьяна амурсы на немецкой земле разводила, родной город здорово изменился. Он стал другим не внешне, а будто душа его захлопнулась. Татьяна это сразу почувствовала. Бесшабашный, хулиганистый, горластый, гулевой, по-кучечески показушный, щедрый под настроение, вечно немного хмельной от волжских просторов, украшенный золотыми огнями, всей Россией воспетыми, он всегда был живым и сильным. Теперь же походил на вольного и жаркого скакуна, стреноженного для чьего-то злого удовольствия.

— Не вчера началось, — поджала мать сухие губы, выслушав Татьянины речи, — вспомни, когда маленькая-то была... Разве так было? Гуляночки-то, а? При всём народе! Дворами! Улицами гуляли! Одной гармонии мало, две давай. Потом... магнитофоны. А сейчас ещё чудней... По барам да ресторанам, как по норам, разбредутся и песни под это... караоке. Смех.

Но Татьяна не смеялась. Думала о деньгах. Их она любила до головокружения, до того, что хотелось мурлыкать под хруст купюр или, сделав из них веер, танцевать какой-нибудь страстный танец, чёрт-те что выделывая каблучками и пышной юбкой, непременно алой.

Но какой смысл в любви, если её некому передать... Раз есть деньги, нужно собирать друзей, пить с ними вино, говорить обо всём на свете, петь, пусть и под караоке. Для того и крытую террасу Татьяна сделала огромной, чтобы всем места хватало. Первые-то два года раз пять приходилось плотника с другого конца посёлка звать — от плясок-трясок половицы пополам переламывались. У Татьяны-выдумщицы и цыганские костюмы, и русские, индейский даже есть, с головным убором из настоящих перьев. Сценарии писали, песни сочиняли, розыгрыши устраивали. Соседи, как на спектакли, приходили.

— Неужели продашь? — спросила мать, сидя посреди террасы в плетённом кресле и глядя на Волгу. — Ну и правильно. Чего тут? За рыбой и то мужики вниз на лодках ходят. Тральщики — туда-сюда, туда-сюда, всё дно уже выскребли.

— Это здесь при чём? — раздражённо спросила Татьяна, набирая номер на мобильном. — Рыбачка... тоже мне. Да не тебе я, Кать. Здравствуй. Чего делаешь? А... А... Делать вам нечего. Бери его и ко мне приезжайте. М-м... У меня не сломана, встречю вас. Дни-то какие стоят! А... А... Ну давай!

— Чего? — осторожно спросила мать.

— Костика записали в какую-то школу, супер-пупер. Всё лето заниматься будут. Репетиторов наняли. На один бы день могли вырваться, так маши-

на в ремонте. К чёрту! — вскочила Татьяна, швырнув телефон на стол. — К Галке поеду! За шкурку её приволоку! Дачи у неё нет, внуки ещё в колясках. — Эсэмэска пришла, — поднялась и мать.

“Думаю о тебе каждый день, — в слух и на ходу читала Татьяна, — мама здорова. Какая у вас погода?”

— Это, — потрясла Татьяна телефоном, — не он! Это... я не знаю кто мне пишет! Сплетенье тел, сплетенье душ, судьбы сплетенье... Господи-и!

По дороге к Галке заехала на свои торговые точки. После возвращения из Германии Татьяна предпринимательницей заделалась, арендовала по шесть квадратов в двух супермаркетах, ездила в Москву за игрушками-безделушками, сама стояла за прилавком, ещё и трёх продавцов наняла, их и приходилось контролировать.

“От выручки нужно платить, а не деньщину, — думала Татьяна, подъезжая к Галкиному дому, — тогда проворнее будут. Бизнесменша из меня...”

“А-а, это ты... — разочарованно сказал Галкин голос в домофоне. — Поднимайся”.

— Отлично выглядишь, — выдавила Татьяна, поражаясь тому, что только сейчас заметила, как нелепо стареет Галка.

“Да ведь ей к шестидесяти. А какой была! На фирменные поезда ставили. Фигурка точёная, а сейчас...” — подумалось Татьяне.

— С ними будешь отлично выглядеть! — закричала Галка.

— С кем, с ними-то?

— С Танюшкой этой! С сыночком моим! Уехали только. Это она его, змеюка, научила! Заявились! “Отдари, мама, хотя бы половину отцовской квартиры. Все квартиры на тебе, а у нас дети, семья. Завещание-то ты на Ольгу сделала. Мы-то как же?” “Какая, говорю, семья, если вы не расписаны даже!” Во-от! Ты за рулём? Чай будешь? Искал чуть не до сорока лет! Нашёл! Сокровище! Разведёнку! Родила скорей одного за другим, третий на подходе. А всё, чтобы квартиру оттяпать у дурака! Шиш с маслом она у меня получит, а не квартиру. Я ему сказала: “Распишешься, прокляну!” Змея! Ох, какая змея! Ты чего без звонка-то? Случилось чего?

— Да мимо ехала, — глуповато улыбнулась Татьяна, — дай, думаю...

— Война у меня, подруга! Пострашнее мировой! Не думала, что доживу до такого! Кварти-иру, мама! Дур-рак! У родной сестры готов из горла вырвать, а этой... отдать! К матери с такими разговорами не постыдился приехать! Да этих... танюшек, как грязи, а квартира... ты заработай её пойдди! Потом и кровью всё добыто! Потом и кровью! Я не я буду, если не разведу их! Не дам им жить! Ишь, пристроилась...

— Ладно, — поднялась Татьяна, — поеду. На точки ещё надо заскочить. На минутку я... по старой памяти. Помнишь, как...

— Ничего я не помню, Татьяна! Чего мне помнить, когда родную дочь того и гляди голяком по миру пустят! — залилась Галка самыми настоящими слезами.

“И горе её... настоящее. Хорошо, что у меня один наследник, хоть таких проблем не узнаю”, — подумала Татьяна и резко затормозила. На лавочке у соседнего дома плакала Танюшка..

— Эй, тёзка, довезу, куда нужно, — открыла дверцу Татьяна.

— Приве-ет! — поднялась Танюшка и переваливаясь, подошла к машине. Села, давась рыданиями.

— Куда тебя?

— Домой. К нему. Мы у матери его были. Ну, он психанул потом. Да я бы и сама добралась. Он отойдёт. Характер такой.

— А ревёшь чего? — Татьяна вырулила на центральную улицу.

— Да-а, — прерывисто вздохнула Танюшка, — наорались у матери его. Вцепилась в квартиру эту. Три ведь у неё, и все на неё записаны. Случись что с ним, и впадём с детьми... к маме моей, на двенадцать метров. Она говорит, что я вцепилась в него... А мы... мы будто искали друг друга. И наши. И дети... потому что мы хотим, чтобы много детей, не меньше трёх, — Танюшка нежно погладила свой живот. — Станем старыми... много внуков... Дачу купим, они все у нас... на даче...

— Всё, не успели проскочить, — опустила руки Татьяна, — пробка.

— Я не понимаю, что-то же ему принадлежит в этих квартирах. На него же давали когда-то, — словно не заметив, что остановились, продолжала Танюшка, — а она — ни в какую!

Внезапно ливанул дождь. Татьяна подняла стёкла, включила “дворники”. Танюшка и перемены погоды не заметила, а продолжала недоумевать, смеяться, плакать, что-то подсчитывать, загибая тоненькие пальцы.

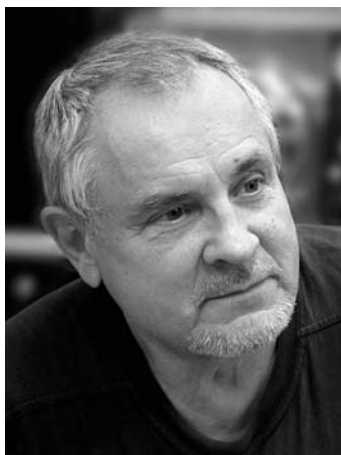
В соседних машинах тоже о чём-то разговаривали, курили, болтали по мобильным, делали потише или погромче музыку, слушали новости. Татьяна вспомнила недавний вечерний разговор с сыном. Иногда она называла его “Достоевским”, той же болезнью сызмальства мучился. Но в последнее время ничего, тьфу-тьфу, закончил институт, попробовал было проводником поработать, но в третьем же рейсе с ним случился чудовищный приступ. Начальство вызвало Татьяну, отчитало за подделку медепровок. Сейчас собственное дело открыл, ездит пока на том же “жигулёнке”, но начал копить на новую машину. Встречается с женщиной. Двойня у неё, славные мальчишечки. “Ты женись на ней, — уговаривала Татьяна, — женись. Не надо тебе своих детей, а то... передастся. А так, пусть. Я их... буду любить. Помогать буду. Мало ли что, что своих хочешь! На жизнь нужно смотреть реально. Жизнь, она... не как хочешь, а как получится”. Татьяна старалась не смотреть сыну в глаза, родных внуков хотелось до слёз, до спазм в горле, но Енц сказал, что болезнь эту хоть и начали сейчас кое-где лечить, но рисковать всё же не стоит, если есть наследственная предрасположенность. Енц — медик, социальный работник, тамошним “достоевским” помогает на плаву держаться.

А Танюшка всё переливала и переливала из пустого в порожнее, выстраданное её горе стекало с подкрашенных губ тусклыми капельками слов, и Татьяне стало казаться, что тёзка навеки прописалась в её машине, что в мире больше нет ни домов, ни дач, а есть только офисы, университеты, супермаркеты, рекламные щиты, отмытые от пыли дождевой водой. И почему-то не радовали ни тяжёлые листья будто помолодевших деревьев, ни девчонки, скачущие под разноцветными зонтиками через озёрки луж, ни упрямо пробивающееся сквозь тучи солнце.

И глядя на бескрайнюю реку машин, мокрых, неловких, нетерпеливо пофыркивающих, Татьяна неожиданно для себя громко и дурашливо запела:

*Р-раскинулось море шир-роко,
И волны бушуют вдали-и...
Товарищ, мы едем далёко-о,
Подальше от нашей земли...*

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ

ГДЕ ТВОЯ РОДИНА?

* * *

Родина — это там,
где озеро
Скрылось за великовозрастным камышом.
Замерло.

И не кажет носу.
Где стило разлеглось челном — нежится.
Туман разбух, как свинья перед опоросом.

Грузила по борту позвякивают —
Речь о своём ведут-тешатся.

Дедушка на корме
Весло

В утреннюю густую воду
С трудом вворачивает,
Охает, ахает.

Капли с весла громко и отрешённо падают.
Камышины торчком —
что бы то значило?

ИСАЕВ Валерий Николаевич родился в 1941 году в Ленинграде. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. Доктор медицинских наук, действительный член Академии медико-технических наук. Работал по профилю в Рубцовске (Алтай) и в Москве. Автор 12 книг прозы и 6 поэтических сборников. Среди них «Огонь плящий», «Первый и последний», «На краю». Лауреат премии Александра Невского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Никак не возьму в толк.
Столбы комариные, переполненные злом — яры, гудут.
По затону шлепки-пощёчины крупных рыб...,
Мелочь весело прядает.
На ямке в дедушкиных руках
Болт не достаёт уже дна —
Из рук выскальзывает,
в черноту глубины падает.
Голодным отчаянным криком прокричал
То ли кобель из деревни,
То ли из лесу волк.
Пора!
А тут...
Птичка села мне вдруг на плечо — ещё чего?
Сеть засыпать вот-вот,
А она всё смотрит
в глаза мне,
прямо в глаза!
Догадайся, мол, сам!
Жалуется на кого-то —
Аж плачет.
Ну как тут?
Её для чего-то же Бог послал.

* * *

Родина — это там —
Где
Старая пуня
Спрятала у себя наше лето —
Все как один денёчки,
Травинку — к травиночке, листик — к листочку,
Жар твой и мой восторг,
И наших трапез в лугу хлебные крошки,
Кузнечиков наковаленки и молоточки,
Вопросы твои и мои ответы,
И разговоры про то и про это...
Счастливые, радостные насквозь!
Сколько всего накопилось! —
Нам того и снилось...
Теперь это только в снах,
Постольку, поскольку мы с тех самых пор...
поврозь.

* * *

Родина — это там,
Где буксует полуторка,
Лошадь зимником не идёт —
в грязи застревает,
Падает перед повозкой,
Изверг мужик по глазам её палкой — озверевает — бьёт...
Смотреть на то муторно и несносно.
...Это там, где
Из непролазной грязи, из непроходимых болот, калюж

Выходят в люди, в народ
самые что ни есть настоящие князи,
И идут со своим народом в обнимку —
Всё и вся испытавшие,
Всё на своём веку повидавшие и познавшие.
Братья и сестры
Бескормиц,
потопов,
обледенений,
стуж.

* * *

Родина — это там,
Где долготерпение
Нашло себе надёжнейший приют.
Тут терпят, если всяко обижают,
Когда, ослабившись, сойти с ума желают,
И если бьют,
И если неуют,
И если в душу и в глаза плюют,
Здесь терпят, если закрома пусты не по своей воле;
Тут всё снесут — страдания по воле,
Разлуки, хвори, детский плач
(Что пострашнее, чем любой палач).
Стенанья и рыдания в голос,
И засухой спалённый колос...
Единственное не перенесут —
Когда у матери-России с головы
Спадёт хотя б один волос.

* * *

Родина — это там, где
Первый бодрящий морозец
Травы скуёт в лугу.
Речка засуетится, в заиндевелых кручах завозится —
Скоро ей покоряться неумолимому, молчному льду.
Вчерашнее ещё тепло
Навсегда схоронится в ближайшем притихшем стогу.
Изморозь выбелит помрачневший и загустевший свет,
Свет станет ещё светлее, тишина — ещё тише...
Ранним морозным лугом иду к реке —
Веление свыше.
Следом — хрустящий на весь белый свет след.
Коромысло как посох в руке.
И на все вопросы только один ответ “Да”.
И будто умерло раз и навсегда
Разнесчастное это “НЕТ”...
И кажется мне, что сама Земля
Глазами моими видит,
Грудью моей, как никогда, вольно и ненасытно
Дышит.

* * *

Родина — это там,
Где
Первый снег.
Я в дедушкиных валенцах на босу ногу
Иду на огород.
Колени голые мне овекает свежесть,
Горячая фуфайка согревает плечи.
От счастья кругом голова,
Как от хорошей долгожданной встречи...
И не пойму:
Так хорошо мне на душе!
А ОТЧЕГО?
Ужели ж от того,
Что первый снег,
Что первый, ласковый покуда холод?
А сердце наставляет, поправляет:
“Да потому что молод,
Молод,
Молод...”

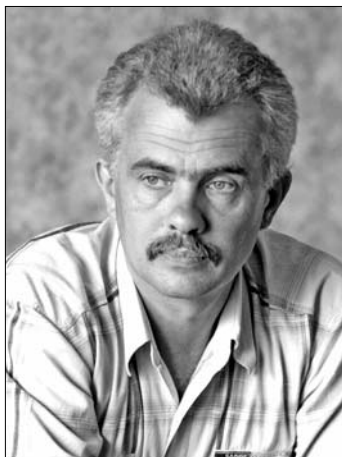
* * *

Её давно уже там нет.
А для меня она всегда перед глазами.
Та старенькая груша — детства золотой привет.
...В деревню как приедем, —
Сразу кто куда —
Коза тут, пёс, телёночек, петух орёт на крыше...
Я ж сразу к своей груше!
Никто и никогда её уже давно не видит,
А я вот... вижу!
То я в воде по пояс на рыбалке,
Вот я верхом на гусаке,
То балансирую на высоте,
Заглядываю в ласточкины гнёзда под бантиной.
Я помню хорошо ту хворостину
И бабушкин предупреждающий наказ:
“Ещё увижу... Чтоб это было всё в последний раз...”
Вот и сейчас,
Когда, не прячась за чужую спину,
Я забираюсь ради дела чёрт знает куда,
Хоть на библейскую осину,
Всех заставляя волноваться сильно —
Всегда я шкурой вспоминаю
Тот бабушкин из детства моего
Наказ под хворостину:
“Чтоб это было всё в последний раз!”

Исполнилось 70 лет давнему другу нашего журнала, человеку огромного обаяния и светлого таланта — Валерию Николаевичу ИСАЕВУ. От всего сердца поздравляем нашего автора, желаем ему несокрушимого здоровья, творческих удач и мира в душе!

Редакция

АНАТОЛИЙ КРЕЙДИЧ

ЧЕРНАЯ БЕЛКА

РАССКАЗ

Мое далекое-далекое детство прошло немалой своей частью в лесу. Я носился с такими же полудикими сорванцами, как сам, по непролазной чаще, по деревьям, как обезьяна, пугая косуль, лисиц и зайцев, которых было тогда полно. Мы возами возили грибы и корзинами ловили рыбу в лесных болотистых прудах, дружили с бобрами, кормили хлебом и червями птенцов в гнездах и еще успевали изо дня в день пасти коров.

Однажды, загнав свое послушное стадо в черемшаник, мы (то есть я, Колька Сымоньков да еще двое меньших, чем мы, сорвиголов, которые никакой роли в моей истории не сыграли) разожгли небольшой костер, поиграли с ножиком (кто проигрывал, зубами вытягивал из земли крепко загнанный туда колышек), достали из кармана несколько картошек и завернули их в горячие угольки. Малышня мигом насобирала самых вкусных в мире грибов — рыжиков, и мы поджарили их вместе с салом, нанизав на лозовые прутья. Позавтракали и разлеглись, выставив вверх животы (благо коровы, вот они, рядом; хорошо слышно, как хрустит, рвется в их крепких зубах жесткая лесная трава). И тут я заметил на одной из высоченных и голых до самой вершины осин дупло, а в нем остренькую черную мордочку — подвижную и очень уж любопытную.

— Смотрите, — показал я грязным от угля, жира и обгоревшей картошки пальцем на дупло, — белка. Черная белка!

КРЕЙДИЧ Анатолий Николаевич родился в 1965 г. в д. Завершье Дрогичинского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Автор ряда книг прозы. Лауреат премии журнала «Маладосць» и премии Белорусского союза молодёжи в области журналистики и литературы. Живёт и работает в г. Иваново.

— Черных белок не бывает, — возразил кто-то из малышей, когда голова зверька показалась снова.

— А вот и бывают, — не сдавался я. — Рыжие живут на соснах, а черные — на осинах.

Теперь мне стыдно, что я — дитя леса, оказывается, так мало знал о его обитателях. Но спишем это на возраст.

Колька не влазил в наш спор, только повел глазами на верхушку осины, снова закрыл их и продолжал дремать, закинув ногу на ногу и надвинув на нос кепку.

Меня разобрано любопытство.

— Полезу, — решительно сказал друзьям.

— Не залезешь. Высоко, и сучьев нет.

— Зато у меня ремень есть.

С помощью этой очень полезной во всех отношениях штуки я достаточно быстро добрался до крошечного дупла. Начал заталкивать внутрь руку и едва просунул. Там нащупал что-то мягкое, теплое и подвижное. “Ага, вот ты где”. Рука вместе с пушистым комочком сама выскочила из узенького лаза (может, так думаю сейчас, от страха, который удваивал силу). Удивительно, но в своем доме зверек не кусался, а тут впился в кончик пальца и едва не пропорол его навывлет. Я прижал свою добычу к ноге, но она тотчас прокусила дырявые штаны. Закричав от боли, я, совершенно не понимая, что делаю, бросил зубастое создание на землю.

После этого решил проверить, не остались ли в дупле маленькие бельчата. Их оказалось двое. Но эти были не страшные, и я слез, положив их за пазуху.

Брошенный мною зверек лежал на мягком травяном ковре мертвый.

— Наверное, от страха очоурился? Прямо на лету, — предположили малыши.

Я подарил им свои крохотные пушистые трофеи, забинтовал рану на пальце полосочкой ткани, оторванной от тряпки, в которую было завернуто сало, а Сымоньков Колька достал из кармана ножик, и мы все вместе обстушили зверька. Очень уж хотелось узнать, что у него там за внутренности, у этого малого и длинного черного хищника. Но как только чрево под лезвием разошлось, быстренько позатыкали носы.

— Фу-у, какой вонищий, — завывли малыше.

— Гадость какая, — сморщился Колька и швырнул бедного зверька в кусты. Но его унюхала собака — наш верный пастушок Волчок, и Сымонька повесил мою черную белку, к которой я потерял всякий интерес, на сучок подальше от костра.

На этом и закончилась бы одна из многочисленных историй моего детства, если бы через целых семь лет не подарила мне судьба ее продолжение. Случилось это внезапно, когда из памяти уже начали постепенно уходить картинки той поры.

Был один такой вечер, когда я решил проводить с танцев Сымонькову Ярину — старшую сестру Николая (тогда он был уже в армии, а я собирался отправиться за ним вслед только весной). Не хочу перед вами хвастаться, но что было, то было. Провести Ярину домой считалось у нас большой честью даже для ребят старшего возраста, не то что для меня — кавалера сопливого. Только так уж как-то получилось: я пригласил ее на вальс, и в тот момент, когда мы кружились (простите — толклись) в тесной хате среди других пар, я попросил у нее разрешения сопроводить её домой. Она сразу же согласилась, и это было чудо из чудес. Я еле дождался, пока гармонисты спрячут в футляры свои голосистые инструменты, и не сводил с нее влюбленных глаз.

Ярина была в белом, расписанном мелкими цветочками, платье, в сапожках, которые сейчас, конечно, насильно не заставил бы носить ни одну девушку, но которые тогда считались настоящей роскошью (таких не было ни у одной ее подруги, и все танцевали в ботинках), а волосы она собрала в огромный, как круглый каравай, гугель. Ярина была, как созревшая ягода вишни. Казалось — еще год-два, и перезреет.

Из дома мы выходили последними, и я с жадностью наблюдал, как грациозно она накидывает на свою милую головку яркий “марьяньский” пла-

точек, старенькое, но вполне еще пригодное для ношения пальто с блестящим черным воротничком — пожалуй, самым богатым ее украшением.

— Ого, какой воротник. Блестит. Из куницы, наверное? — Мне нужно было что-то сказать: пусть не думает, что у меня от счастья отняло язык.

— Да, из куницы, — гордо подтвердила она.

И уж когда мы выкатились на голубую и скрипучую от снега и сильного мороза тропку, она рассказала то, что услышала от отца. Это была та самая история. Только не было в ней меня (то ли Колька, рассказывая отцу, специально не упомянул мое имя, то ли отец забыл, кто тогда лазил на осину), а было короткое продолжение. К вечеру Колька, который хорошо знал, что это была никакая не черная белка, а ценный меховой зверек, сбегал на то место, снял мертвую куницу с сучка, а отец — признанный в округе мастер по изготовлению кож, сделал из нее аккуратный воротничок.

Ярина же свой рассказ завершила так:

— Тот дурачок, наверное, и сейчас еще думает, что на свете существуют черные белки, — и залилась веселым, совсем не язвительным смехом.

Я тронул тогда мех, который ласково окаймлял ее шейку, и рука моя будто снова провалилась в то ненавистное дупло: такое же мягкое и теплое, будто бы это живая “черная белка”. Я хотел сказать ей, что дурачок тот неусветный стоит сейчас перед ней, но слишком близко оказались наши лица, мы молча поцеловались. Для меня тот поцелуй был первый в жизни, и я растерялся, начал прятать глаза, а она, конечно же, целованная, и не раз (да простит мне моя жена эти слова), лишь игриво рассмеялась и толкнула меня в пушистый сугроб.

— Ну что ты за кавалер такой, робкий совсем. Заячья твоя душоночка!

И она навалилась на меня, начала забрасывать снегом. Он кололся, обжигал лицо, зато взбодрил, оживил, и я загреб Ярину в охапку, опрокинул через себя, насел сверху и, наблюдая, как тают на покрасневшемся, нежном личике холодные кристаллики, вдруг выдохнул (боялся, что потом уже не осмелюсь):

— Это же я тот дурачок, который считал куницу черной белкой, — и быстрее, боясь, что от этих слов она смутится, добавил: — Но я очень рад, что она досталась тебе.

Ярина не растерялась. Не тот характер. Да все же не промолчала. Когда мы вразвалочку подходили к ее дому, предложила:

— Мне что-то не по себе. С тобой так нехорошо обошелся мой брат. Лучше я отдам тебе этот воротник. Ведь он твой. Ты же когда-то натерпелся из-за него.

— Что ж, — ответил я, — пусть будет мой. Но я дарю его тебе. Это мой тебе подарок.

— Нет, это слишком дорогой подарок. Я не приму его.

— Тогда давай поженимся, и он станет нашим, — выпалил я и рассмеялся, потому что если бы не сделал этого, то сгорел бы от стыда, от такой своей дерзости.

— А-а-а, вишь ты какой — тихо-о-оня. Куда заверну-у-ул, — закатила она черные свои глазки. — А все-таки правду говорят, что в тихом болоте черти водятся. Иди уже, же-е-енишок!

После того вечера мы стали встречаться часто. Этот небом посланный воротник будто сроднил нас. Ей, наверное, неудобно было отказываться от моей компании (хотя я на два с половиной года моложе Ярины), а может, как она и сейчас мне доказывает, наоборот, встреча со мной всегда была желанной для нее. В итоге мы поженились. Перед самым моим уходом на службу.

Сейчас у нас трое взрослых детей и внуки. Мы ни разу за всю совместную жизнь не поссорились (попробовали бы вы в чем-либо с ней не согласиться, я тогда посмеялся бы), а воротник тот из “черной белки” и теперь еще тлеет потихоньку в клеенчатом мешочке. Реликвия.

Ну, а Николай Сымоньков — заведующий бойней в заготовительной конторе, наверное, до сих пор думает, что я ничего не знаю о его фокусемарокусе. А может, и забыл уже о нем — годков-то немало прошло. Только я не в обиде. Я благодарен ему.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ЕКАТЕРИНА КОЗЫРЕВА

СЛАВА ОТЕЧЕСКИХ ЛЕТ

Гордость и горечь побед
Выйдет на майский парад,
Славой отеческих лет
Жил и держался народ.
От орденов золотых
Плещется площадь огнём...
Дайте до смерти дожить!
А до Победы дойдём.

ОТЕЦ

Фанерный ящикек наследства,
Потрёпан краски синий лён,
От раскрестьяненного детства
Отец в небесное влюблён...
Несёт портфель васильковый,
А в нём тетрабочка лежит,
И пламенно о жизни новой
Рабочий-мастер говорит:
Что вот насытится голодный,
Что сытый будет разуместь...
А он, ремесленник свободный,
Свободно в синеву глядеть.

ВДАЛИ ОТ РЫНКА

Одна по городу брожу,
Вдали от рынка,
И помогаю встать бомжу
В худых ботинках.

Он пережил и дождь и зной,
А как иначе?
Дрожит, как лист, передо мной,
Худой, бродячий.

Оброс щетиной и репьем,
Отвержен тоже.
Поэт и бомж — идем, бредем...
Спаси нас. Боже!

ИГОРЬ ЛУКЪЯНОВ

* * *

На черных крышах деревень поморских,
Где в полный рост — тупик и нищета,
То здесь, то там
Грибами из навоза —
Телетарелок белых лепота.
Такие у реальности гримасы...
И в “ящичках” вовсю на фоне их
Народные шуты и педерасты
Тусуются на шабашах своих...

* * *

Кто в двадцать лет погиб в Афгане
И в списки Славы внесены,
Все в основном — Сереги, Вани
Из сельской русской стороны.

К родной земле — горючей вестью,
Где грела юности звезда,
Солдатский долг исполнив с честью,
Они вернулись навсегда.

Они дрались своей во имя
Страны, а не афганских гор.
И у страны свой долг пред ними,
Но тут... особый разговор...

ПЕСНЯ

Был тот голос живой
Иль была то — “фанера”,
Я не думал о том.
Жег мне душу тогда
Этот лживый надрыв:
“Господа офицеры!”
Офицеры — то верно.
Но при чем — “господа”?
У них нету усадеб,
У них нету поместий.
Родом все — из рабочих.
Родом все — из крестьян.
Но потомственной
Праведной
Воинской чести
В них не меньше,
Чем в тех,
Кто из знатных дворян.
Нет,
Россию
На бело- и красногвардейцев
Не хочу я делить:
Примирили года.
Но зачем же

В Чапая гоняющих в детстве
Глупой моде в угоду
Низводить в “господа”...

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ

* * *

Шли вперед и снова гибли наши,
Пробираясь среди гнилых болот.
Сколько их, отверженных и павших —
Армия, дивизия встает...

Вот они могучими рядами
По широкой площади идут
С песнями. Осыпаны цветами,
И гремит в честь воинов салют.

* * *

Увидеть родину весной...
С. Куняев

Я понимаю, что со мной:
Увидеть родину весной
Хочу, когда среди хрупких ив
Реки сверкающий разлив
Вновь отражает небеса,
В которых мамыны глаза...

Хочу, чтоб мой проснулся дед, —
Весенним солнцем разогрет,
Идет по высохшей меже,
И так приятно на душе:
Хмельна земля, парит навоз,
В проулке слышен стук колес.

Простая жизнь, простой уклад,
Пес ловит блох, он тоже рад.
Бабуля, выйдя на крыльцо,
Подставит солнышку лицо.
А рядышком — смысленный внук.
Он правит самодельный лук...

Что ж, Пасха скоро, в выходной,
Играет ветер с муравой,
Что пробивается в лугах,
И стаи милых звонких птах
К земле спускаются с высот,
И синева к себе зовет.

И жаворонки в вышине
Заздравный гимн поют весне,
По ней соскучившись давно,
Любить им родину дано.
И руки тянутся к земле.

* * *

Ты — ласточка весенняя моя,
Летишь стрелой в родимые края,
Где тучи проплывают над холмом,
Где храм стоит и жизнь моя — в былом,
А в настоящем — видится с тобой,
Но где? Когда? Я не вернусь домой.

Кто ждет меня? Возможно, только мать,
Степной простор я буду вспоминать,
Где корни живы древние мои,
Где свет идет от утренней земли,
Где льется жизнь, раздвинув берега,
И каждая тропинка дорога.

Но я давно от дома вдалеке,
Чтоб знать, как отражаются в реке
Леса, овины, небо, облака,
Как вдаль стремятся судьбы и века,
И сходятся, расходятся пути.
Лети, моя касаточка, лети...

НИКОЛАЙ ОБОЛОНСКИЙ

* * *

На краю деревенского вальса,
Не кляня за невзгоды судьбу,
“Слава Богу, хоть раз отоспался!” —
Улыбнулся покойник в гробу.
Почесалась о прясло лосиха.
Высоко прогудел самолет.
И опять в этой заводи тихо,
И тоска вновь веревочки вьет.
Сквозь проемы обломанных веток
Заслезилась деревни огни...
Собираюсь здесь жить напоследок,
Отмечая зарубками дни.
Я на днях насадил топорище.
В “Военторге” купил сапоги.
Пусть не ждут меня бабы, не ищут,
Под глазами не пудрят круги.

* * *

Вечер благоуханный,
Будто у мамы в сенцах.
Сыплется с неба манна,
На токовище сердца.

Вязкой смолой усталость
Переполняет клетки.
Где ты? Еще осталось
Место на верхней ветке.

Как я люблю пред бурей,
Радостно-откровенный,
Слушать, глаза зажмурив,
Звездный привет Вселенной!

Значит, кому-то нужен,
Может быть, даже нравлюсь.
По заблестевшим лужам
За горизонт отправлюсь

Ночью туда, где небо
Трется щекой о землю,
Где нежно шепчутся вербы
В зарослях жарких хмеля.

НА КРАЙ РАССВЕТА

Пчелы измазаны воском,
Сажую — ветер в трубе.
Слышатся звезд отголоски
В каждой нескладной судьбе.

Значит, помечены Богом,
Но за грехи — до зари
Мать собрала на дорогу
Сыну сушить сухари.

Эх, дурачина-Емеля!
Послан конвой за тобой...
Встань, если сможешь с похмелья,
Мамке сходи за водой...

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН

РАЙЦЕНТР

Все готово для взрыва в березовых почках,
Чтобы щедро разбрызгать зеленую краску.
Большеглазая, юная мать-одиночка
По весенней распутице тащит коляску.
По родному селу, что зовется райцентром.
До больницы дорога вдоль школьной ограды.
Непутевая девка по местным расценкам,
Обреченная на нездоровые взгляды.
Через грязь, через лужи с натугой бурлацкой.
От вопросов устав и устав от советов.
Ну а ветер весенний настойчив и ласков,
И она улыбается шалому ветру.

* * *

Город измаялся, осоловел, —
Сумерки вроде, а где же прохлада?

Женщина, легкая, как соловей,
Серенькой птичкой в аллее горсада.
Сядет на лавочку. Встанет. Пройдет,
Снова присядет и вскинет головку,
Можно подумать — сейчас запоет...
Нет. Не отважилась, как-то неловко —
Люди кругом. Все идут и идут,
Мимо и мимо (какие им песни?)...
Душно. Вот если бы ветер подул...
Сколько скопилось за жизнь этих “если”?
Поздно уже. Но душа-то поет,
Не подчиняясь сухому рассудку.
Сад закрывают.
Что делать — пойдет,
Купит гвоздичку и сядет в “маршрутку”.

НА ЗАКАТЕ

Спиною к дому,
А лицом к дороге
Сидит старик
Весь вечер на пороге.

В закатном солнце
Золотится пыль.
Блестит
К стене приставленный костыль.

Дорога
Вдаль идет издалека.
И неподвижен
Взгляд у старика.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 23. “На заклятие за Россию...”

Виктор Мануйлов вспоминал, что в 1921 году Есенин говорил с ним о Клюеве с большой нежностью, как о старшем брате, говорил о том, что без Клюева он остался бы несмышлёнышем и в жизни, и в поэзии. Незадолго до этого разговора Есенин писал Иванову-Разумнику письмо из Ташкента в Москву, где Клюев поёт у него “Россию по книжным летописям и ложной зарисовке всех приходимцев”, что “Клюев совсем стал плохой поэт, так же как и Блок”. Ещё до этого он отправил Разумнику письмо, где высказался о своих прежних учителях и наставниках в том же ключе, и, не получив ответа, счёл необходимым объясниться ещё раз. Объяснялся по поводу “мастерства в нашем языке”, но, по сути, убеждал самого себя в необходимости разрыва с прежними наставниками и рачителями ради высвобождения из-под их влияния и дальнейшего “раздвигания зрения над словом”... Второе письмо так и осталось неотправленным, и понимание того, чем он в жизни обязан Клюеву, никуда не делось.

Клюев же снова и снова возвращался памятью к жестоким есенинским строчкам: “Ты сердце выпеснил избе, но в сердце дома не построил...” И волей-неволей задавался вопросом – каков же дом самого Серёженьки?.. Разные слухи доходили до него. Николай Ильич Архипов, приехавший из Москвы, многое порассказал о есенинской жизни, о быте на Пречистенке, об Айседоре Дункан, захомотавшей “братика”... Снова и снова вставала пред глазами Клюева картина: его возможное пришествие на порог нынешнего есенинского “дома”.

*Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домово́й о́граде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб, Христа ради!*

Как бы тяжело ни жилось Клюеву в эти годы, как бы материально он ни нуждался – милостыню не просил. Просить её придётся спустя несколько лет, уже в Москве, вышвырнутому из литературы поэту. Так прозвучало ещё одно жуткое пророчество о будущей нерадостной жизни.

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 5 за 2011 год.

*Я скоротал все просёлки,
Придорожные пни и камни!..
У горничной в плоёной наколке
Боязливо спрошу: “Куда мне?”*

*В углу шарахнутся трости
От моей обветренной палки,
И хихикнут на деда-гостя
С дорогой картины русалки.*

Два мира, две жизни, два диаметрально противоположных друг другу об-
раза. Нищий – и бывший его собрат во дворце с горничной. Обветренная
палка – и трость, с которой так любил фотографироваться в те годы Есенин.
И даже русалка – на “дорогой картине”, для услаждения “народным”...

*За стеною Кто и Незнаю
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где Бог и Древо печное.*

Вопрос и ответ не узнавших странника становятся живыми-чужими, что не
“в затонах тишины созвучьям ставят сеть”, но ловят Чужое в Чужом... И стран-
ник, бывший поэтом, возвращается к родимому печному Древу, которое
в следующей строфе преображается в одно мгновение.

*Под смоковницей солодовой
Умолкну, как Русь, навеки.*

Он шёл к печному Древу, а очутился под смоковницей... Его не узнал брат
во Слове, а вместо Древа Жизни – дерево, что по Библии, если не приносит
доброе плода, то его “срубают и бросают в огонь”. Там – модная трость,
здесь – смоковница, напомнившая ещё раз о “недобром плоде”, что прино-
сит ныне Есенин.

И не просто смоковница... Солодовая. Солод–то есть, да пива нету. Пива
того, духовного, что причащало его с “братцем” на их “вечерях”. И ещё даль-
ше отсылает этот не пригодившийся “солод” – к “пивушку”, которым прича-
щался сам Клюев у “христов”, к “пивушку”, которое, по их словам, “человек
плотскими устами не пьёт, а пьян бывает”... Но не сектантский смысл несёт
в себе эта коннотация – она вызывает в памяти у понимающего смысл проис-
ходящего старые радельные напевы: “Ай, кто пиво варил, ай, кто затирал?
Варил пивушко Сам Бог, затирал Святой Дух”... Здесь – воспоминание о бла-
готворном духовном пиршестве, что никогда не вычеркнет из своей жизни ни
один, ни второй.

Поистине, бездонно клюевское слово. И сам он это подтверждает любо-
му “фоме неверующему”.

*В моё бездонное слово
Канут моря и реки.*

А смертный мотив, столь часто повторяющийся в “Львином хлебе”, здесь
объединяет поэта и мать–Русь, упокоившихся до Судного дня.
Кого же оставляют они на Земле?

*Домовину оплачет баба,
Назовёт кормильцем и ладой...
В листопад рябины и граба
Уныла дверь за оградой.*

*За дверью пустые сени,
Где бродит призрак костлявый,
Хозяин Сергей Есенин
Грустит под шарманку славы.*

Кто же реально ближе к смерти? Клюев, которого проводят ласковым словом, или живой Есенин, слышащий “шарманку славы” и стук костей?

Да не просто слышащий – “грустящий” под шарманку свалившейся на него славы.

Тут и качество самой славы явлено. И печаль о братике, совсем ей не радуемся.

Запомнит это Есенин. Запомнит – и через несколько лет со всей грустью ответит Клюеву в “Чёрном человеке”.

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

“Роща в сентябрь” – это сказано в унисон с клюевским “листопадом рябины и граба”. И когда Николай Ильич Архипов в своих воспоминаниях привел слова Есенина, якобы говорившего Клюеву, что “деревья съехались, как всадники” – это его, клюевское, – то, скорее всего, речь шла о той же “осыпающейся роще”...

Но продолжался и незримый диалог. “Листопад рябины и граба” удивительным образом перекликнулся с “осенней гулкой ночью”, сначала обдавшей героев есенинского “Пугачёва” дождём, а в финале “общипавшей как тополь зубами дождей Емельяна”. “Призрак костлявый” проявился под пером Клюева в есенинском “доме” одновременно с появлением у Есенина “тени с верёвкой на шее безмясой” – призрака Петра III, чью личину натягивал на себя есенинский Пугачёв – дабы “обтянуть тот зловещий скелет парусами и пустить его по безводным степям, как корабль” – в предчувствии неминуемого конца.

Клюев писал своё стихотворение в ноябре 1921-го, когда Есенин вычитывал последнюю корректуру трагедии. “Пугачёв” выйдет через месяц, а ещё через месяц Николай прочтёт его почти одновременно с есенинским письмом, где братик ему напомнит: “А о тебе я всегда помню, всегда ты во мне присутствуешь”.

Ранее, в Петрограде, Клюев обронил в сердцах о любимом некогда Серёженьке: “Ему бы хоть в тюрьму попасть. Он понял бы луч солнечный и слово человеческое”. Теперь же, растроганный, корил себя за эти слова. А тут ещё Архипов передал ему на словах всё самое доброе, сказанное Есениным: “Учитель... люблю... ценю...” И, не скрывая нахлынувших чувств, писал свой ответ.

“Ты послал мне мир и поцелуй братский, ты говорил обо мне болезненные слова, был ласков с возлюбленным моим и уверял его в любви своей ко мне – за это тебе кланяюсь земно, брат мой великий!

Облил я слезами твоё письмо и гостинцы, припадал к ним лицом своим, вдыхал их запах, стараясь угадать тебя, теперешнего. Кожа гремучей змеи на тебе, но она, я верую, до весны, до Апреля урочного...

Семь покрывал выткала Мать-жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а заветным. Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный Калым за Невесту-песню.

Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обречён на заклятие за Россию, за Ерусалим, сошедший с неба.

Молюсь лику твоему невещественному.

Много слёз пролито мною за эти годы. Много ран на мне святых и грехом смердящих, много потерь невозвратных, но тебя потерять – отдать Мариенгофу, как сноп васильковый, как душу сусека, жаворонковой межи, правды нашей, милый, страшно, а уж про боль да про скорбь говорить нечего...

Коленька мне говорит, что ты теперь ночной нетопырь с глазами, выполосканными во всех щёлоках, что на тебе бобровая шуба, что ты ешь за обедом мясо, пьёшь настоящий чай и публично водку, что шатия вокруг тебя – моллюски, прилипшие к килю корабля (в тропических морях они облепляют днище корабля в таком множестве, что топят самый корабль), что у тебя была длительная, смертная /с/хватка с “Кузницей” и “Пролеткультом”, что теперь они ничто, а ты победитель.

Какая ужасная повесть! А где же рязанские васильки, дедушка в синей поддёвке, с выстроганным ветром бадожком? Где образ Одигитрии-путеводительницы, который реял над золотой твоей головкой, который так ясно зрим был “в то время”?

Но мир, мир тебе, брат мой прекрасный! Мир духу, крови, костям твоим!

Ты, действительно, победил пиджачных бесов, а не убежал от них, как я, — трепещущий за чистоту риз своих. Ты — Никола, а я Касьян, тебе все праздники и звоны на Руси, а мне в три года раз именины...”

Он писал Есенину о несоответствии внешнего и внутреннего в нём, внушал себе, что эта “змеиная кожа” — “до Апреля урочного”, и сам прекрасно знал, что не “бежал” же сам, “сохраняя чистоту риз”, да и сохранить их было невозможно. Оттого и “много ран... грехом смердящих”. Но грехи его — другие, нежели у Серёженьки... А цену “битвы” с пролеткультовцами он знает сам, и “Пугачёва” читал с осознанием того, что переступил Есенин роковую черту.

“Клычков с Коленькой послал записку: надо, говорит, столкнуться нам в гурт, заявить о себе. Так скажи ему, что это подлинная баранья идеология; — да какая же овца безмозглая будет искать спасения после “Пугачёва”? Не от зависти говорю это, а от простого и ясного сознания Величества Твоего, брат мой и возлюбленный.

И так сладостно знать мне бедному, не приласканному никем, за своё русское в песнях твоих...

Золотая пролеткультовская рота кормится на подножном корме, на густо унавоженными ассигнациями в советских лугах. Это всё вытащенное за хвост из всех петербургских помойных ям смердящее тряпье (обломки урыльников, килечные банки и черепья) повергло меня в отчаяние. Я им спел: “На полях прлолеткультских, тамо седохом и плакахом, вспоминая об ассигновке. Повесили свои арфы на Фонтанке...”

Князев пишет книгу толстущую про тебя и про меня. Ионов, конечно, издаст её и тем глуше надвинет на Госиздат могильную плиту. Этот новый Зингер, конечно, не в силах оболванить того понятия, что поэзия народа, воплощённая в наших писаниях, при народовластии должна занимать самое почётное место, что, порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, самым глубоким в народе. Нам с тобой нужно принять это как знамение — ибо Лев и Голубь не простят власти греха её. Лев и Голубь — знаки наши — мы с тобой в львиноголубинности. Не согрешай же, милый, в песне проклятиями, их никто не слышит. “Старый клён на одной ноге”, страж твой неизменный. Я же “под огненным баобабом мозг ковриги и звёзд постиг”. И наваждение — уверение твоё, что я всё “сердце выпеснил избе”. Конечно, я во многом человек конченный. Революция, сломав деревню, пожрала и мой избяной рай. Мамушка и отец в могиле, родня с сестрой во главе забрали себе всё. Мне досталась запечная Мекка — иконы, старые книги — их благоухание — единственное моё утешение.

Но я очень страдаю без избы, это такое уродство, не идущее ко мне положение. Я несчастен без своего угла. Теперь я живу в Вытегре — городишке с кулачок, в две улицы с третьей поперёк, в старом купеческом доме. Спас Нерукотворный, огромная Тихвинская, Знамение, София краснокрылая, татарский Деисус смотрят на меня со стен чужого жилья. И это так горько — не описуемо...”

“Проклятия” в глазах Клюева, которыми согрешает Есенин, — это читанный-перечитанный Николаем “Сорокоуст” и всё та же “Исповедь хулигана”. А что касается схватки с “Кузницей” и Пролеткультом — то не о Есенине здесь в пору вести речь, а о самом Клюеве, в стихах которого “пролеткультовская рота” достаивается отнюдь не злой иронии, что слышна в письме. Нет — пару лет назад Клюев “схватывался” с этой “ротой”, как с врагом красоты, уничтожителем всех русских сокровищ, всего духовного наследия Руси-России.

*Эй, заплечный рогатый мастер,
Готовь для искусства дыбу!
Стальноклювым вороном Гастев
Взгромоздился на древо-судьбу,*

*Клюёт лучезарные дули:
Ухо Скрябина, тютчевский глаз...
В голубом васильковом июле
Свершится мужицкий сказ:*

*Городские злые задворки
Заметелят убийства след,
По голгофским русским пригоркам
Зазлатится клюевоцвет.*

Дошло ведь до того, что на стражу вечной красоты России, “лика Коммуны и русской судьбы” вызывается... Распутин.

*Григорий Новых цветистей Бессалько,
В нём глубь Байкала, сётка бобров.
От газетной ваксы и талька
Смертельно выводку слов.*

*Пересыплют в “Известиях” Киш
Перья сиринов сулемой,
И останутся от России
Кандалы с пропащей сумой.*

Страшное видение грядущего... И оно всё же сменяется видением благотворным. Клюев верит: о н и все – ничто, а его победа неизбежна.

*Брат великий, сосцы овина
Пеклеванный взрастили цвет,
Избяных напевов ряднина
Свяжет молот и злак в букет.*

...И теперь вспоминает он ещё об одном “рядовом” пролеткультовской “роты” – Василии Князеве, авторе “Красного евангелия”, “Песен красного звонаря”, стихотворца не менее плодовитого, чем Демьян Бедный, сочинителя книги, с которой во многом пойдёт на десятилетия отсчёт поэтической репутации Клюева. “Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)” – так будет она называться, а отрывки из неё уже печатались и в “Грядущем”, и в “Красной газете”. Сам Клюев слышал в Питере в князевском исполнении приговор себе самому. “Пахотная идеология”... “Ржаной океан” мистицизма... “Клюев – умер. И никогда уже не воскреснет: не может воскреснуть: – нечем жить!” “Жизнь Есенина” в этом своеобразном сочинении своеобразно “продлилась”, а нынешнее состояние поэта оценивалось как “промежуточное”, более того – ему необходимо: имажинизм, дескать, для него – “лаборатория, док, ангар, гараж, университет, академия... тайная мастерская Дедала...” И это тоже – будет повторяться с перерывами, а в наши дни – с восхищённым придыханием: “Какая ужасная повесть!”

Послушав в устном исполнении Князевым отрывки из “Ржаных апостолов”, Клюев подарил пролеткультовцу двухтомник “Песнослава” с дарственной надписью: “Товарищу Василию Князеву в вечер чтения его статьи обо мне. Н. Клюев. Да славятся уста солнца и сосцы матери-ковриги. Хлеб победит!”

Клюев не знал, что Есенин уже объяснился со своей “пустозвонной братией”... Не попался ему на глаза журнал “Знамя” со статьёй “Быт и искусство”, где, повторяя и развивая отдельные положения “Ключей Марии”, Есенин вырезал, как резцом: “У собратьев моих нет чувства родины во всём широком смысле этого слова, поэтому у них так и не согласовано всё. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния... Они ничему не молятся, и нравятся им одно только пустое акробатничество, в котором они делают очень много головокружительных прыжков, но которые есть не больше, не меньше, как ни на что не направленные выверты”.

Главное для Николая было всё же в другом. Он перестаёт видеть разницу в отношении к народным поэтам новой и старой власти. Каких-то 5 лет на-

зад, совсем в другой жизни писал он Есенину: “У меня накопилось около двухсот газетных и журнальных вырезок о моём творчестве, которые в своё время послужат документами, вещественными доказательствами того барско-интеллигентского взгляда на чистое слово и того, что салтычихин и аракчеевский дух до сих пор не вывелся даже среди лучших из так называемого русского общества...” Теперь новое барство, “пролетарское”, смотрит на него аракчеевским взглядом, и Николай констатирует с тяжёлым сердцем: “...Порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе...”

Он жалуется, что сестра и брат обокрали его. Что сидит он “на хлебе пополам с соломой, запивая его кипятком” и “просит Бога только о непостыдной и мирной смерти”, что местные исполкомы и политпросветы не имеют никакого понятия о нём как о писателе, “они набиты самым тёмным, звериным людом, опухшим от самогонки”... Представление о нём они, конечно, имеют, но Клюев рисует совершенно безнадёжную картину, не упоминая при этом о своём исключении из партии. Достаточно упоминания того, что “с ними порвала Советская власть”... И далее – как его надул издатель Ионов, какие гроши он получил и за “Песнослов”, и за “Медного кита”, и за “Четвёртый Рим”... И о том, что из берлинского издательства “Скифы” ничего не прислали за изданные “Избьяные песни” и “Песнь Солнценосца”. И в конце – величание Есенина за его последние книги.

“Покрываю поцелуями твою “Трерядницу” и “Пугачёва”. В “Треряднице” много печали, сжигающей скорлупы наружной жизни. “Пугачёв” – свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее “Бориса Годунова”, хотя там и золото, и стены Кремля, сафьянно-упругий сытый воздух 16–17 века. И последняя Византия.

Брат мой, пишу тебе самые чистые слова, на какие способно сердце моё. Скажу тебе на ушко: “Как поэт я уже давно, давно кончен”, ты в душе это твёрдо знаешь. Но вслух об этом пока говорить жестоко и бесполезно.

Радуйся, возлюбленный, красоте своей, радуйся обретший жемчужину родимого слова, радуйся закланию своему за мать-ковригу. Будь спокоен и счастлив...”

Словно намеренно растравляя себя, Клюев завершает письмо буквально князевскими словами. Словно нарочито уничтожаясь (а уничтожение здесь паще гордыни), стремится вдохнуть свою последнюю жизненную силу в “брата и сопесенника”.

“За своё русское в песнях твоих...” “Обретший жемчужину родимого слова...” Это после проклятий “Исповеди хулигана” в “Четвёртом Риме”. “Радуйся закланию своему за мать-ковригу...” Это после “Песни о хлебе” есенинской и своей “Матери-Субботы” – где подлинное “заклание за мать-ковригу”... И ведь в конце – после признания своей “кончины”, “как поэта” – выпрашивает у “брата”: читал ли он второй том “Песнослова”, и как он ему кажется? И каков “Четвёртый Рим”? И прав ли Брюсов, громя “Песнослов” в “Художественном слове”?

Есенин ответил Клюеву не скоро. Перед этим он написал письмо Иванову-Разумнику, который сообщил ему, что затевает новый журнал “Эпоха”. Есенин только этого и ждал – подобной весточки от бывшего наставника; душа в “новом дружеском сообществе” исстрадалась до предела.

“Журналу Вашему или сборнику обрадовался чрезвычайно. Давно пора начать – уж очень мы все рассыпались, хочется опять немного потесней “в семью едину”, потому что мне, например, до чёртиков надоело вертеться с моей пустозвонной братией, а Клюев засыхает совершенно в своей Баобабии. Письма он мне пишет отчаянные. Положение его там ужасно, он почти умирает с голоду. Я встормошил здесь всю публику, сделал для него, что мог, с пайком и послал 10 милл./ионов/ руб. Кроме этого, послал ещё 2 милл./иона/ Клычков и 10 – Луначарский. Не знаю, какой леший заставляет его сидеть там? Или “ризы души своей” боится замарать нашей житейской грязью? Но тогда ведь и нечего выть, отдай тогда тело собакам, а душа пусть уходит к Богу. Чужда и смешна мне, Разумник Васильевич, сия мистика дешёвого православия, и всегда-то она требует каких-то обязательно неумных и жестоких подвигов. Сей вытегорский подвижник хочет всё быть календарным святителем вместо поэта, поэтому-то у него так плохо всё и выходит”.

Вот и получается на поверку, что в последнее время Есенин думает о Клюеве с добром, находясь от него на расстоянии. Когда же встретится или прочтёт письмо с нотами, напоминающими об учительстве и покровительстве, сей же час взывает ретивое, и начинается смешение воедино Клюева-поэта и Клюева-человека, причём в самых неприятных для Есенина проявлениях... А напоминание о "Четвёртом Риме", читанном со всё увеличивающимся раздражением, стало, видимо, последней каплей.

"Рим" его, несмотря на то, что Вы так тепло о нём отозвались, на меня отчаянное впечатление произвёл. Безвкусно и безграмотно до последней степени со стороны формы. "Молитв молоко" и "Сыр влюблённости" – да ведь это же его любимые Мариенгоф и Шершеневич со своими "бутербродами любви". Интересно только одно фигуральное сопоставление, но увы – как это по-клюевски старо!.. Ну да это ведь погрёк для него очень небольшой, как Клюева. Знаю, в чём его сила и в чём правда. Только бы вот выбить из него эту оптинскую дурь, как из Белого – Штейнера, тогда, я уверен, он написал бы ещё лучше, чем "Избятные песни". Ещё раз говорю, что журналу Вашему рад несказанно. Очень уж опротивела эта беспозвоночная тварь со своим нахальным косноязычием. Дошли до того, что Ходасевич стал первоклассным поэтом?.. Дальше уж идти некуда. Сам Белый его заметил и, в Германию отъезжая, благословил. Нужно обязательно проветрить воздух. До того накурено у нас сейчас в литературе, что просто дышать нечем..."

Уже высказав всё, что думал по поводу творчества своих новых "собратьев", Есенин намеренно ёрнически смешивает Клюева с Мариенгофом и Шершеневичем, словно отталкиваясь от горьких слов "сопесенника" – "тебя потерять – отдать Мариенгофу как сноп васильковый, как душу сусека, жаворонковой межи, правды нашей, милый, страшно, а уж про боль да про скорбь говорить нечего". Дескать, не мариенгофский я и не клюевский, а "ласки любимых облепили меня, как икра бутерброд" Шершеневича то же, что "влюблённости сыр" Клюева. Делает вид, что невдомёк ему: "метафорическое одичание" Шершеневича ничего общего с "пищным раем" Клюева не имеет и иметь не может... И здесь же – "знаю, в чём его сила и в чём правда". Дескать, может писать даже лучше, чем его любимые "Избятные песни".

Самому же Клюеву в письме, написанном перед отъездом за границу, обещает помочь материально, как может.

"Недели через две я еду в Берлин, вернусь в июне или в июле, а может быть и позднее. Оттуда постараюсь также переслать тебе то, что причитается со "Скифов"... В Москву я тебе до осени ехать не советую, ибо здесь пока всё в периоде организации и пусто – хоть шаром покати. Голод в центральных губ/ерниях/ почти такой же, как и на севере. Семья моя разбрелась в таких условиях кто куда. Перед отъездом я устрою тебе ещё посылку. Может, как-нибудь и повертись... Потом можешь писать на адрес моего магазина приятелю моему Головачёву... Это на случай безденежья. Напишешь, и тебе вышлют из моего пая, потом когда-нибудь сочтёмся. С этой стороны я тебе ведь тоже много обязан в первые свои дни..."

Что до поэзии, то здесь Есенин, не в пример тому, что было в письме Разумнику, предельно сух и лаконичен: "Уж очень ты стал, действительно, каким-то ребёнком – если этой паршивой спекулянтской "Эпохе" (издательству. – С. К.) за гроши свой "Рим" продал. Раньше за тобой этого не водилось. Вещь мне не понравилась. Неуклюже и слащаво. Ну, да ведь у каждого свой путь".

Это ответ на слова Клюева: "Каждому свой путь. И гибель!" А следующая строчка Есенина – словно протянутая рука уже не на бытовой почве: "От многих других стихов я в восторге". И этот восторг тут же перебивается укором Клюеву по поводу Клычкова. "...Ругать его брось, потому что он тебя любит и сделает всё, что нужно". Это – ещё один посыл к тому, чтобы собраться, наконец, старым друзьям "в семью едину".

А что до "оптинской дури", то Есенин здесь как будто перечёркивает даже сказанное ранее в "Ключах Марии", где Клюев, по его словам, "вместо голоса из-под камня Оптиной пустыни... повеял на нас безжизненным кружевным ветром деревенского Обри Бердслея"... Только то, что ныне выходило из-под клюевского пера, уже не напоминало ни о какой Оптиной пустыни.

*От иконы Бориса и Глеба,
От стригольничьего Шестокрыла*

*Моя песенная потреба,
Стихов валунная сила.*

*Кости мои от Маргарита,
Кровь от костра Аввакума.
Узорнее аксамита
Моя золотая дума.*

Дониконовская икона, сборник поучений святых отцов, Людогощинский крест секты стригольников, отрицавших “лживых учителей”, “лихих пастырей”, молившихся и каявшихся матери-земле и “от земли к воздуху зряше”... “Валунная сила” — от единения сил Матери — Сырой земли, Бога-отца, Иисуса, с которым как с равным беседуют Богородица и Иоанн Предтеча на не-традиционном “сидячем” деисусе на срединной горизонтали двенадцатиконечного Людогощинского креста 1360 года в новгородской церкви Фрола и Лавра на Людогощей улице — и Аввакумов костёр, вечный символ стояния за истинную веру, костёр, из пламени которого в клубах дыма, по староверческому преданию, протопоп вознёсся на небо.

...В это же время Николай Архипов записывал за Клюевым рассказанные им сны. Сны частью благотворные, но более — страшные и пророчащие о недобром. Два сна поначалу записались, в которых Есенин присутствует.

“Нездоровилось мне... Всю ночь дождь клевал окошко. А когда задремал я, привиделся мне сон.

Будто горница с пустыми стенами, как в приезжих номерах бывает, белесоватая. В белесоватости — зеркало, трюмо трактирное; стоит перед ним Сергей Есенин, наряжается то в пиджак с круглыми полатами, то с фалдами, то клетчатый, то синий с лоском. Нафиксатурен он бобриком, воротничок до ушей, наперед с отгибом; шея жёлтая, цыплячья, а в кадыке голос скачет, бранится на меня, что я одёжи не одобряю.

Говорю Есенину: “Одень ты, Серёжа, поддёвочку рязанскую да рубашу с серебряным стёгом, в которые ты в Питере сокручен был, когда ты из Рязанских краёв “Радуницу” вынес!..”

И оделся будто Есенин, как я велел. И как только оделся, — расцвёл весь, стал юным и златокудрым. И Айседора Дункан тут же объявилась: женщина ничего себе — добрая, не такая поганая, как я наяву о ней думал. Ей очень прилюбилось, что Есенин в рязанском наряде...”

Что происходит? Происходит обретение Есениным гармоничного соответствия внешнего и внутреннего (наконец-то!), русского облачения с коловратовой сущностью. И даже Дункан хорошеет и уже “не такая поганая” (ещё не знаемая Клюевым) рядом с Есениным, вернувшимся в Русь.

“Потом будто приехали мы к большим садам. Ворота перед нами — столбы каменные, и на каждом столбе золотые надписи с перстом указующим высечены: направо — аллея моя, налево — Сергея Есенина...”

И знаем мы, что если пойдём все по одному пути или порознь — по двум, — то худо нам будет...” (А ситуация безвыходная. И путь, как на распутье у ви́тязя, лишь один — прямой). “Сговорились и пошли напрямки...”

Темно кругом стало и ветрено... Вижу я фонтаны по садовым площадкам, а из них не вода, а кровь человеческая бьёт...

И не прошли мы дальше, а свернули вправо, туда, где деревья зелёные...”

Свернули, зная, что “худо будет”. Обоим. Но свернули на дорогу, “нежным песком усыпанную”, подальше от кровавых фонтанов. “Меж деревьев стали изваяния белые попадаться, лица же у изваяний закрыты как бы золотыми масками...”

Стал я узнавать изваяния: Сократа, Сакья-муни, Магомета, Данте...

И вышли мы опять к воротам, в которые вошли, к калитке с моим именем. Подивились мы и порешили пройти и тем путём, который есенинским назван.

Вижу я — серая под ногами земля, с жилками, как стиральное мыло. И по всему пути — огромные мохнатые кактусы посажены, шипы — по ножевому корню. Меж кактусов, как и на первом пути, — болваны каменные, и на всяком болване по чёрной маске одето: Марк Твен, Ростан, Д’Аннунцио, а напоследок Сергей Клычков зародышем каменным уселся. И вместо носа у него дыра, а в дыру таково смешно да похабно сигарка всунута...

Стали мы с Есениным смеяться...

В смехе я и проснулся”.

Что же в итоге? Клюевская тропа — тропа мудрецов, не разгаданных до конца и поныне. Есенинская — тропа тех, кто нарасхват был, гениев, чью жизнь и судьбу определяло “человеческое, слишком человеческое”... А смех их двоих во сне — к горячим слезам наяву.

Второй сон с участием Есенина — ещё более драматический.

“Два сна одинаковые... К чему бы это? Первый сон по осени привиделся.

Будто иду я с Есениным лесным сухмянником, под ногой кукуший лён да богородицына травка. Ветер лёгкий можжевельовый лица нам обдувает; а Серёженька без шапки, в своих медовых кудрях, кафтанец на нём в синюю стать впадает, из аглицкого сукна и рубаха белая белозёрского шитья. И весь он, как берёзка на поже, лёгкий да сквозной.

Беспокоюсь я в душе о нём — если валежина или пень ощёрый попадёт, указую ему, чтобы не ободрался он...

Вдруг по сосняку фырк и рыск пошёл, мяряданье медвежье...

Бросились мы в сторону... Я на сосну вскарабкался, а медведь уже подо мной стоймя встал, дыхом звериным на меня пышет. Серёженька же в чашу побегал прямо медведице в лапы... Только в лесном пролежне белая белозёрская рубаха всплнула и красной стала...

Гляжу я: потянувшись в стволлинах сосновых соки так видимо, до самых макушек... И не соки это, а кровь, Серёженькина молодая кровь...

Этот же сон нерушимым под Рождество вдругорядь видел я. К чему бы это?”

Клюев знал — к чему. Видеть во сне медведя — значит, встретиться наяву с могущественным врагом, жестоким, решительным, но не очень умным. Убить во сне медведя — победить наяву своего врага. А быть растерзанным — к поражению.

“Лёгкий да сквозной” Серёженька к смерти своей сам пошёл. Клюев — до поры на дереве отсиделся.

Страшной реальностью наяву сон этот обернётся.

* * *

Когда в декабре 1921 года Николай Архипов ехал в Москву, он вёз от Клюева подарок — Ленину. Вырезку цикла “Ленин” из второго тома “Песнослава” с дарственной надписью:

“Ленину от моржовой поморской зари, от ковриги-матери из русского рая красный словесный гостинец посылаю я — Николай Клюев, а посол мой сопостник и сомысленник Николай Архипов.

Декабря тысяча девятьсот двадцать первого года”.

Ведь на что-то же рассчитывал Николай, отправляя сие послание. Опальный, отторгнутый от “авангарда”, известный поэт и бескомпромиссный борец за Коммуну в её идеальном, подлинно народоправном воплощении, он пытался уже напрямую дать понять вождю — каким хочет его видеть поэт, по какому пути хочет направить. Он и здесь оставался наставником для того, кто едва ли желал внимать подобным “наставлениям”.

И через несколько лет, уже в новой исторической реальности Клюев будет продолжать твердить своё.

— Красные знамёна — это языки пламени подземного, адова, преисподнего огня. Ленин — земная чёрная сила.

Красные знамёна обернутся адовым огнём. “Красный олень” и “пурпурно-горящий Лев” обратятся в “земную чёрную силу”, и эта чёрная сила — будет отзвуком на письмо Ленина, опубликованное после его кончины, где будущий вождь, ещё сидя в Швейцарии, описывал свои встречи: “...один — еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат — бундовец и т. д. Понатёрся, но лично неинтересен... Другой — воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Чернозёмная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать...”

Да не в благодарность ли за эти слова Ленин после своей смерти и был наделён “чернозёмной силой”?

А в последнем из посвящённых Ленину стихотворений, что писалось од-

новременно с посылкой, не земля, но столкновение космических энергий и предчувствие трагедии.

*Ленин на эшафоте,
Два траурных солнца — зрачки,
Неспроста журавли на болоте
Изнывают от сизой тоски.*

*И недаром созвездье Оленя
В Южный Крест устремило рога...
Не спасут заклинанья и пени
От лавинного злого врага!*

Кто — враг? Да вся мировая стихия, взбаламученная и этим человеком, который, как смертный человек, взойдёт на эшафот, сметённый этой стихией, поднявшей и всю человеческую муть, но останется вселенским мифом наподобие индийского Пуруши или греческих титанов.

*Муравьиные косные силы
Гасят песни и пламя знамён...
Волга с Ладогой — Ленина жилы
И чело — грозовой небосклон.*

*Будет буря от Камы до Перу,
Половодье пророчит Изба,
Убегут в грозовую пещеру
Чёрный сглаз и печалей гурьба!*

Это стихотворение приложено к посланию не было. Оно войдёт в книгу “Ленин”, вышедшую за два месяца до кончины “самого человеческого человека”. Книгу Ульянов уже не прочтёт, но цикл из “Песнослава” просмотрит внимательно и оставит в своей библиотеке.

...Через 13 лет, уже из ссылки, Клюев напишет в “Красный Крест” Екатерине Павловне Пешковой: “Ленин посылал мне привет как преданнейшему и певучему собрату”. Трудно сказать, в какой форме этот привет был передан. Возможно, вождь поблагодарил за подарок поэта через ту же Крупскую, которая передала слова мужа Архипову. Дословно их никто не зафиксировал. И остаётся только догадываться — с каким лицом Ленин читал клюевские строки:

*Ленин, лев, лунный лён, лучезарье:
Буква “Люди”, как сад, как очаг в декабре...
Есть чугунное в Пуде, вифанское в Марье,
Но Христово лишь в язве, в пробитом ребре.*

Что думал над этими стихами человек, который мечтал разжечь пожар мировой революции и на пепелище выстроить новый мир — и вынужден был, как истый государственный, скреплять железными обручами страну и воссоздавать в новом виде Российскую Империю? Что думал он — люто ненавидевший Церковь и священство, и тянувшийся к чернозёмному крестьянину, не забывшему Бога, и ради него вынужденный отказываться от примитивных утопических догм? Что бродило в его голове, склонившейся над стихами поэта, написавшего его таким, каким никто и никогда не писал и уже не напишет? Нам этого знать не дано...

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Разложение

Corruptio (лат.) — разложение.

Словарь

Вопрос об эффективности ведущейся борьбы с криминализацией — это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет.

В. Зорькин, председатель Конституционного Суда

Прямое, как по линейке вычерченное, Новорижское шоссе. Через каждые шесть метров — рекламные щиты, призывающие покупать недвижимость в Montevilla, Millenium Park и в другом Миллениуме — выписано кириллицей — Гринфилдс, в Грин-Хилл, а также в Маленькой Италии, Английских дачах, Французской Ривьере (подмосковной, а следовательно, сухопутной, в отличие от средиземноморского прообраза) и в совсем уж недостаточном Ла Манше. Из русских названий — Княжье Озеро (ну, разумеется — Княжье!), Николина Гора и звучное — Соловьи.

Какое маниакальное стремление хотя бы по названию превратить русскую землю в этакое “заграничье”, если уж злодейка-судьба не позволила сразу свалить в благословенный Лондон или на Ривьеру настоящую — подальше от “нашей раши”! Что делать, приходится зарабатывать деньги здесь, а потому хоть на краткое время заглядывать в Белокаменную и её окрестности.

А вот и сами гринхиллы и гринфилдсы. За высоченным забором с внушительным КПП, уместным, скорее, на въезде в какую-нибудь секретную ракетную часть, громоздятся драконьи кровли готических замков, выглядывают кокетливые треуголки псевдоальпийских шале, прут домины безо всякого стиля — с китайскими башенками-пагодами над “античным” фронтоном — дичайшая эклектика, выдающая сорочью сущность их хозяев: выцепить там, прихватить здесь, позаимствовать ещё где-то, глядишь — гнёздышко для семейных утех готово.

Рассказывают, что всё это подмосковное великолепие, разместившееся на нескольких, поистине золотых, милях между Новой Ригой и пресловутой Рублёвкой, ещё более выразительно смотрится сверху — из кабины прогулоч-

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 год, № 2, 3 за 2011-й.

ного вертолёта. Благо, тут же у дороги выросли ангары и расчищена площадка с десятком новёхоньких, с Запада выписанных вертолётов.

Знакомый банкир после воздушного круиза уверял: “Зрелище незабываемое! И знаете, Александр Иванович, — добавил он, понизив голос, — ведь это не бизнесмены обосновались — чиновники”. Роскошные виллы покупают подчас какие-нибудь столоначальники с зарплатой 2–3 тысячи долларов.

Эмоциональную реплику подкрепляет статистика. Ещё в 2004 году было проведено исследование о том, кто приобретает недвижимость на Рублёвке. Выяснилось: “бизнесменов среди покупателей всего 30%, в то время как чиновников — 70%” (“Независимая газета”, 01.11.2010).

Международная организация Transparency International оценивает “рынок” российской коррупции в 300 млрд долл. (“Время новостей”, 15.04.2010). **В рейтингах коррупции, ежегодно публикуемых этой организацией, Россия опускается всё ниже. Конечно, на Западе не благоволят нашей стране и зачастую нарочно ставят в конце всевозможных списков. Однако Белоруссию “мировая закулиса” ненавидит не в пример сильнее, между тем соседи выигрывают у нас почти двадцать позиций. Россия располагается на 154-м месте в окружении таких стран, как Конго, Гвинея-Биссау, Папуа — Новая Гвинея (для тех, кто не знает: Папуа населяют в основном дикари, ещё не вышедшие из родоплеменного строя и совсем недавно занимавшиеся людоедством)*.**

Рублёвка и Новая Рига, гордящиеся причастностью к “мировой цивилизации”, выписывающие из Парижа и Нью-Йорка автомобили, мебель, зеркала, мрамор, “малую архитектуру” садов и парков, осваивающие теннис, а в последнее время и гольф, на деле являются олицетворением самой дикой, самой дремучей формации, какую знало человечество. Они — символ российской коррупции, отбросившей нашу страну на мировые задворки.

В так называемых цивилизованных странах вопрос с имуществом чиновников решается просто. Должностное лицо и его ближайшие родственники обязаны декларировать покупки и указывать источники потраченных средств. Знаменитая 20-я статья Конвенции ООН против коррупции предписывает: “При условии соблюдения Конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния незаконное обогащение (здесь и далее разрядка моя. — А. К.), то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать” (цит. по: “Независимая газета”, 28.03.2011).

Казалось бы, чем не готовый рецепт борьбы с несправедливым обогащением? Тем более, наши руководители с пиететом, если не с первобытным благоговением, относятся ко всему, что пришло с Запада. Сама российская Конституция представляет собой сколок с западных, в частности французской, о чём с особой гордостью публично говорил один из её творцов — Сергей Филатов. Я не раз слышал его рассказы об этом на совещаниях в подмосковных Липках. Однако именно 20-я статья почему-то (действительно — почему?) решительно не устраивает российскую элиту.

История злключения антикоррупционной статьи стала темой кулуарных пересудов и газетных публикаций. Прочитав материал “НГ”: “Ещё 17 февраля 2006 года депутатам Государственной Думы было предложено принять федеральный закон о ратификации упомянутой конвенции ООН. Но оказалось, что законопроект содержал такое количество оговорок в отношении положений конвенции, что, по сути, превращал её в фикцию. Уже в первой статье этого закона были сделаны оговорки в отношении 11 положений конвенции, в том числе и содержащихся в 20-й статье. Закон был принят единогласно со всеми оговорками, в том числе и в отношении упомянутой статьи. Россия получила возможность игнорировать её нормы, что с успехом и делает до сих пор” (“Независимая газета”, 28.03.2011).

* Lenta.ru/2011/03/.../_Printed.html.

“Кастрировав” закон, власти тут же стали прилагать титанические усилия, чтобы вернуть ему действенность. В следующем, 2007 году указом В. Путина была сформирована Межведомственная рабочая группа для “подготовки предложений по реализации в законодательстве РФ положений Конвенции ООН по коррупции”. Её возглавил В. Иванов, близкий сотрудник Владимира Владимировича. Наделённая широчайшими полномочиями группа просуществовала более года и тихо почилла, не оставив публичных следов своей деятельности.

Но экспертам удалось выяснить, что возражения против 20-й статьи были обусловлены... чем бы вы думали? – заботой о “правах человека”. Ну ещё бы, все знают, как трепетно российские власти относятся к этим правам! В едином порыве не допустить их нарушения сплотились Минюст, Росфинмониторинг и МВД. Те самые ведомства, которые призваны с коррупцией бороться (там же).

По каким-то причинам (наверное, не столь уж сложно догадаться, по какому) начальство проигнорировало разъяснения Конституционного Суда – высшей инстанции по толкованию Конституции. КС в 2001 году разъяснил, что особые или, как сказано в постановлении, “специальные” требования, предъявляемые к госслужащим, “не могут рассматриваться (разрядка моя. – А. К.) как неправомерные ограничения конституционных норм”. Иными словами, чиновники, получая немалые права и льготы, должны – в отличие от простых граждан – доказывать свою чистоту перед законом. Трактовать это как нарушение “прав человека” – откровенная демагогия.

Пощажу читателей, избавив их от дальнейшего описания перипетий нашей борьбы. Отмечу лишь, что и закон 2008 года “О противодействии коррупции” не смог “реабилитировать” злополучную 20-ю статью.

Да, чиновники сегодня обязаны декларировать доходы и имущество. Но от объяснения, на какие деньги куплены столичные апартаменты баснословной стоимости, все эти “мерседесы” и “феррари”, во множестве стоящие в гаражах, подмосковная недвижимость и виллы за рубежом, они освобождены.

Заставить их объясниться недавно потребовали депутаты-коммунисты. Но лидеры “Единой России” блокировали инициативу. По утверждению “НГ”, глава ЦИК “ЕР” А. Воробьёв разъяснил, что “говорить о законопроекте, касающемся декларирования расходов для политиков... пока преждевременно” (“Независимая газета”, 18.03.2011).

За прошедшие годы уже и президент сменился. Д. Медведев сделал борьбу с коррупцией едва ли не главной темой избирательной кампании. В июле 2008 года по его инициативе был принят план по противодействию коррупции. Но, по свидетельству экспертов, “этому документу переломить ситуацию не удалось” (“Время новостей”, 15.04.2010).

Действительно, “количество фактов взяточничества в России за прошлый (2009-й. – А. К.) год возросло на четверть” (“МК”, 07.04.2010) – данные главы администрации президента С. Нарышкина. Увеличился и размер взятки. В 2009-м он составлял немногим более 23 тыс. руб., а в 2010-м вырос без малого в три раза и превысил 61 тыс. руб (lenta.ru/news/2011/03/.../printed.htm).

Коррупционный оборот достиг 50% ВВП – утверждают члены общественной приёмной “Чистые руки”. Данные общественников совпадают с цифрами, обнародованными Всемирным банком, – 48% ВВП. При этом самая коррумпированная сфера – “оказание государственных и муниципальных услуг” (news.com/.../korruptsija_print.html).

Журналисты иронизируют: “Коррупция растёт от борьбы с ней” (“МК”, 07.04.2010).

В минувшем году Д. Медведев утвердил новый Национальный план противодействия коррупции. В документе много верных положений и констатаций. Однако главный упор сделан не на законодательные меры, а на моральное совершенствование общества. “Гораздо важнее не концепции, не документы, – заявил президент, – а важнее общее состояние дел, важнее отношение к этому явлению в нашей стране, в государстве, среди чиновничества и среди обычных людей” (“Время новостей”, 15.04.2010).

Спора нет, общественный настрой влияет на положение дел. Но для профессионального правоведа по крайней мере странным представляется утверждение, что “документы” не столь уж важны.

В результате борьба с незаконным обогащением напоминает ситуацию из басни Крылова: “А Васыка слушает да ест”.

Сегодня коррупцию не обличает только ленивый. Показательно: в один и тот же день 16 апреля 2011 года параллельные антикоррупционные акции провели активисты проправительственного движения “Наши” и их оппоненты из числа либеральной оппозиции.

“Наши” собрали в столице до 50 тысяч человек. Правда, эффект от столь массового выступления подпортило появившееся вскоре сообщение о том, что прокуратура – цитирую – “отменила постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, связанного с расследованием причастности главы Росмолодёжи Василия Якеменко к деятельности “Акбарса” – организации, которой руководили члены преступного сообщества” (“Независимая газета”, 21.04.2011).

Для неискущённого читателя поясню: В. Якеменко, ныне глава Росмолодёжи (что-то вроде федерального министра), является идеологом и создателем проекта “Наши”. Что же до ТОО “Акбарс”, то, по утверждениям СМИ, Василий Якеменко значился среди его учредителей. Впоследствии все они, кроме него, “стали фигурантами объёмного уголовного дела, по которому проходят как лидеры организованного преступного сообщества “29-й комплекс” из Набережных Челнов. На его счету – бандитизм, похищения людей и убийства. Группировка также славилась своей жестокостью – она начала свою криминальную деятельность с того, что обложила данью торговцев на рынке, а несговорчивым отрубала руки и головы” (newsru.com/.../akbarspens_print.html).

Пресс-секретарь В. Якеменко Кристина Потупчик заявила, что паспортные данные главы Росмолодёжи оказались в реестре учредителей фирмы “Акбарс” по ошибке, причиной которой стала кража паспорта у Якеменко (“Независимая газета”, 23.03.2011).

Однако один из учредителей “Акбарса” Наиль Нуриахметов во время допроса утверждал, что “Василий Якеменко приезжал в офис фирмы, работал около шести месяцев, занимался документацией” (там же).

В марте 2011 года отдел Следственного комитета по городу Набережные Челны начал “проверку причастности главы Федерального агентства по делам молодёжи РФ Василия Якеменко к деятельности фирмы “Акбарс”, связанной с бандитской группировкой” (там же).

Вскоре после скандала В. Якеменко встретился с В. Путиным, который говорил с ним о “патриотическом воспитании молодёжи”. Эксперты расценили это как знак высочайшей поддержки (там же).

В итоге в возбуждении уголовного дела было отказано. Однако через месяц (борьба внутри тандема?) расследование возобновили...

Недавно агентство “Медialogия” составило список самых громких коррупционных скандалов, ориентируясь на упоминания в СМИ за последние четыре года. Его опубликовала “Независимая газета” (05.04.2011).

Год 2006-й: расследование злоупотреблений в Фонде обязательного медицинского страхования и Пенсионном фонде, закончившееся отставкой министра здравоохранения и соцобеспечения М. Зурабова. Впрочем, главный фигурант скандала вскоре объявился на Украине в качестве посла РФ. Ну разумеется, кому же ещё представлять некогда великую державу?

2007-й: череда коррупционных скандалов в Счётной палате. Чиновники, призванные бороться со злом, сами оказались замаранными.

2008-й: аресты мэров крупных региональных центров – Волгограда, Томска, Архангельска.

Тогда же после кадровых скандалов в Следственном комитете был уволен начальник Главного следственного управления Д. Довгий.

В том же году в офисе и на квартире главы Приморского края С. Дарькина оперативная группа провела обыск, изъяв сейф с документами. Одновременно появилась информация о “чёрном списке” губернаторов, где значилось около сорока имён.

2009-й: председатель Верховного суда В. Лебедев заявил, что одно из самых коррумпированных ведомств в стране – МВД.

2010-й: громкая отставка Ю. Лужкова и серия расследований в структурах московского правительства.

Список этот легко и расширить и продолжить.

За место в рейтинге коррумпированности с сотрудниками МВД могли бы поспорить таможенники и налоговики. Работников таможни иной раз задерживают целыми сменами – за вымогательство и получение взяток. В конце 2010 года задержали смену сотрудников Воронежского северо-восточного таможенного поста. Зимой 2009-го аналогичный инцидент произошёл в Калининграде (newsru.com/russia/.../arest_print.html).

Нынешней весной сотрудники Главного следственного управления СКР по Москве при поддержке оперативников ФСБ провели обыски и выемки документов в центральном офисе столичного управления по налогам и сборам, дома и на даче заместителя начальника этого управления Ольги Черничук, а также в Санкт-Петербурге и Выборгском районе Ленинградской области. Обыски проводились в рамках расследования уголовного дела о попытке ООО “ЭС-Контрактстрой” незаконно получить из бюджета более 1,87 млрд руб. под видом возмещения НДС (“Коммерсантъ”, 07.04.2011).

В середине мая Следственный комитет наконец-то начал расследование, связанное с резонансным “делом Магнитского”. Этот юрист, арестованный и впоследствии погибший в СИЗО, обвинял московских налоговиков в хищении более 5,4 млрд долларов у российского бюджета (newsru.com/.../magnitskij_print.html).

К списку руководителей областных центров, арестованных за противоправную деятельность, следует добавить мэра Орла и вице-мэра Новосибирска. Последнего обвиняют в участии в преступном сообществе, на счету которого многочисленные убийства, покушения и другие тяжкие преступления (“Коммерсантъ”, 06.09.2011).

В апреле 2011 года задержан бывший первый вице-губернатор Орловской области В. Кочуев. Ему инкриминируют участие в хищении госсобственности на 45 миллионов рублей (“Коммерсантъ”, 19.04.2011).

Нынешней весной обвинения в коррупции выдвигали против губернаторов Тульской и Курганской областей. После обнародования декларации о доходах возникли вопросы к главе Брянской области (realty.newsru.com/article/.../denin).

Ранее блогер А. Навальный привлёк внимание к гигантскому финансовому состоянию племянницы губернатора Краснодарского края Анастасии Ткачёвой. По информации СМИ, 22-летняя студентка является совладелицей двух крупных заводов, крупного девелопера и компании, вложившей 3 млрд рублей в птицекомплекс. Навальный иронизировал: “Ну да, 22 года. Студентка. Ну племянница губернатора. Ну и что теперь? Это автоматически означает, что она не может заработать это всё честным путём?” (newsru.com/russia/.../navalny_print.html).

В многомиллионных аферах подозревают министров – республиканских и федеральных. В марте следственное управление СКР по Ингушетии начало расследование громкого коррупционного дела, фигурантом которого стала бывший министр здравоохранения республики И. Мальсагова. Её подозревают в нанесении ущерба на 200 млн рублей – на такую сумму оказалась завышена цена закупленной на государственные средства медицинской техники (“Коммерсантъ”, 31.03.2011).

Неугомонный А. Навальный утверждает, что министры федерального правительства ежемесячно получают как минимум 70 тыс. долл. наличкой, которую нигде не учитывают. Якобы деньги выплачивает один из крупнейших государственных банков в качестве “поощрения” (newsru.com/.../black-scheme_print.html).

Другой известный разоблачитель С. Белковский публично обвинил министра Т. Голикову в лоббировании частного бизнеса. “То министерство (Минздравсоцразвития. – А. К.) начинает бешено лоббировать антигриппозный препарат “Арбидол”, который, по мнению большинства специалистов, от гриппа совершенно не помогает, зато производится компанией “Фармстандарт” во главе с Виктором Харитоновым, вроде как другом и партнёром министра Голиковой. То продвигает через парламент новый закон “Об обращении лекарственных средств”, из-за которого наши русские больные лишились многих жизненно необходимых иностранных лекарств (опять же, как говорят, чтобы потрафить “Фармстандарту”)” (“МК”, 22.04.2011).

Досталось и мужу Т. Голиковой – министру промышленности и торговли В. Христенко: “...Эксперты металлургической области почти все, как один, уверены, что Виктор Христенко контролирует блокирующие пакеты (около 25%) акций Магнитогорского металлургического комбината (ММК) и Челябинского трубопрокатного завода (ЧТПЗ). Совокупная стоимость пакетов на сегодня – порядка \$3 млрд” (там же).

Так как совмещение государственной и коммерческой деятельности противозаконно, Белковский призывает расследовать дело и запальчиво замечает: “Вдруг выяснится, что металлургические эксперты несколько не заблуждаются? Тогда в оконцовке вырисовываются 10–12 лет. Строгого режима”. Вывод: “Пока не начнём сажать министров, никакой борьбы с коррупцией у нас не будет” (там же).

На фоне этих разоблачений сообщения о сомнительных сделках бизнесменов выглядят как скучная рутина. И всё же в общем потоке выделяется информация о решении лондонского суда рассмотреть по существу иск Бориса Березовского к Роману Абрамовичу. Разбирательство назначено на октябрь 2011 года. То-то много чего выплывет наружу...

Но, возможно, и самые громкие разоблачения уже не способны не то что вызвать негодование, но просто привлечь внимание русского человека. Он настолько ошеломлён размахом и наглостью махинаций, совершаемых на глазах общества, настолько раздавлен социальным неравенством и несправедливостью, что реагирует на всё с тупым равнодушием: ну берут взятки, и что? Не убивают же в конце концов! А так – кто без греха?

Но в том-то и дело, что пирамида коррупции основанием имеет откровенный криминал, запятанный в том числе и кровью. Осознать это помогли два не столь давних события – похороны убитого вора в законе В. Иванькова (Япончика) и покушение на другого криминального авторитета А. Усояна (Деда Хасана).

Похороны убитого в октябре 2009 года Япончика превратились, по свидетельству наблюдателей, в “самое масштабное траурное мероприятие после похорон столь известных и уважаемых россиян, как Борис Ельцин, Александр Солженицын и патриарх Алексий II” (“Время новостей”, 14.10.2009). Таков ныне статус криминального авторитета!

Корреспонденты сообщали, что проститься с покойным приходили многие друзья, “представляющие деловую, политическую и творческую элиту страны” (“Коммерсантъ”, 14.10.2009).

Покушение на Деда Хасана всколыхнуло интерес и к этой персоне. В распоряжение “Новой газеты” попал 23-страничный документ о наружном наблюдении, зафиксировавшем круг общения Хусояна в московском ресторане “Старая кибитка”. “Пообщаться с криминальным авторитетом... приезжали не только воры в законе, но и чиновники на автомобилях с правительственными номерами и спецпропусками” (newsru.com/.../ded_hasan_print.html).

Хотя спецпропусками, как выяснилось, обладают и откровенные бандиты. Цитирую: “На фото мужчины, приехавшего на автомобиле Land Cruiser с пропуском Верховного Суда РФ (!) на лобовом стекле, оперативники опознали находящегося в международном розыске за убийство, бандитизм, разбой и грабёж на территории Азербайджана вора в законе Юсифа Алиева по прозвищу Юська и Юсиф Бакинский. По оперативным данным, Юську лично короновал Дед Хасан, и теперь вор в законе контролирует азербайджанскую диаспору в Москве и имеет свою долю от продажи овощей и фруктов на столичных рынках” (там же).

Любопытных собеседников (и партнёров?) выбирают чиновники “на автомобилях с правительственными номерами”! Стоит ли удивляться, что, по утверждению известного борца с коррупцией доктора юридических наук Ю. Голика, “у нас некоторых мэры городов и даже губернаторы имеют воровские клички (“погонялы” – на их языке)” (“НГ-политика”, 01.03.2011).

Такова общая картина. Теперь пройдемся по отдельным секторам. **Наиболее коррумпированным ведомством народная молва нарекла МВД. И это не только “изустное мнение”, текуче изменчивое, как всё не под запись сказанное (мало ли что сболтнёшь в разговоре). Нет, оно официально запротokolировано статистикой. Российское отделение Transparency International провело опрос: в рейтинге коррупции высший**

балл респонденты выставили правоохранителям, вровень с ними поместив госслужащих, а чуть ниже судейских. При этом многие ссылались на личный опыт: только за последний год 27,7% опрошенных давали взятки людям в серых мундирах (“Коммерсантъ”, 10.12.2010).

С гласом народным созвучно и мнение профессионалов. Вспомним слова председателя Верховного суда В. Лебедева, сказанные об МВД. В унисон с ним высказался Ю. Голик: “...Правоохранительная система прогнила, и очень сильно” (“НГ-политика”, 01.03.2011). Схожим образом ситуацию оценивает журналист и депутат А. Хинштейн: “Сегодня в МВД продаётся всё. Или почти всё” (“МК”, 23.06.2010).

Напомню о наиболее резонансных делах. Не стану останавливаться на таких выразительных эпизодах, как стрельба по живым мишеням, садистское избиение задержанных, изнасилования или наезды на пешеходов. Нас интересует коррупция.

В конце минувшего года арестовали генерала Владимира Чеишвили, начальника Центрального управления материально-технического снабжения МВД. Как считают следователи, он способствовал заключению нескольких договоров с подставными фирмами на поставку продовольствия для нужд министерства. Ущерб государству – более 12 млн рублей (newsru.com/russia/.../ooo_print.html).

В том же году в отставку ушёл начальник Оперативно-поискового бюро МВД генерал Иван Балбашов. Поводом стал скандал: выяснилось, что сотрудники бюро выполняли заказы коммерсантов на слежку за конкурентами (“МК”, 23.06.2010).

В 2010-м глава ГУВД Москвы В. Колокольцев уволил начальника милиции общественной безопасности УВД Северного административного округа Хамита Абдрахимова, после того как его подчинённые похитили бизнесмена Гагика Егоряна. Как считают эксперты, похищение имело заказной характер (newsru.com/.../bossugronarcomrsm).

2011-й начался с задержания генерала Александра Белова. Он возглавлял бюро по координации борьбы с организованной преступностью на территории СНГ. Генерала подозревают в вымогательстве взятки в размере 46 миллионов долларов (“Коммерсантъ”, 20.01.2011)! Ничего не скажешь, хороши борцы с криминалом!

Много шума произвело расследование чудовищного преступления в станции Кущёвской, где банда Сергея Цапка убила 12 человек, в том числе детей. Газеты утверждали, что “на кущёвскую банду работали все правоохранные органы – от прокуратуры до СКП” (newsru.com/russia/.../tsapok_print.html).

О трагедии не раз говорил президент. Причём главной причиной он назвал “расхлябанность правоохранных органов, а зачастую их прямое сращивание (разрядка моя. – А. К.) с криминалом” (цит. по: “Коммерсантъ”, 03.12.2010).

По следам проверок арестовали руководителя Кущёвского подразделения Центра по противодействию экстремизму полковника А. Ходыча. Его шеф в краевом управлении полковник А. Богданов и глава ГУВД Краснодарского края генерал С. Кучерук были уволены. Расследование выявило сотни преступлений, совершённых Цапком и его подручными за последние годы.

Тогда же на волне разоблачений в правительство РФ обратились жители города Гусь-Хрустальный (Владимирская область). Они жаловались на то, что в районе действуют четыре криминальных группировки. И вновь в центре скандала оказались правоохранители. В результате расследования к уголовной ответственности привлекли начальника отдела оперативно-розыскной части областного уголовного розыска Бориса Аванесяна и заместителя начальника криминальной милиции по Гусь-Хрустальному району и городу Сергея Бикмаева (“Коммерсантъ”, 20.01.2011).

Справедливость вроде бы восторжествовала! Однако дальнейшие события показали, что внутренняя спайка, ведомственная и региональная солидарность позволяют даже оскандалившимся сотрудникам уходить от ответственности. Генерала С. Кучерука отправил в отставку сам президент. Это случилось 30 ноября 2010 года. А 22 февраля 2011-го, трёх месяцев не прошло, министр МВД наградил генерала медалью “За заслуги в управленческой деятельности” (“МК”, 25.02.2011).

Правда, решение вызвало такой шквал общественной критики, что Р. Нурғалиев вынужден был его отменить. Но отставному генералу грех жаловаться: он стал заместителем генерального директора краснодарского “Крайинвестбанка”, главным акционером которого является администрация края (Life News Online. 14.01.2011).

В середине мая из Краснодара пришло сообщение, что суд признал незаконным увольнение другого фигуранта – полковника Александра Богданова (“Коммерсантъ”, 10.05.2011).

Остаётся надеяться, что компенсация в виде тёплого местечка не выпивается автоматом после увольнения...

Любопытно проследить за развитием истории последних недель. В середине мая Медведев уволил главную папаху Дальнего Востока – начальника управления МВД по Дальневосточному федеральному округу генерала Феликса Васильева. О причинах отставки не сообщают, однако газеты, ссылаясь на депутата Резника, пишут, что генерал прославился “тем, что якобы брал взятки не только деньгами, но и натуральным продуктом”. “МК”, со слов Резника, утверждает, что “Васильев в своё время пообещал “крышу” некоему предпринимателю, за что тот был обязан три раза в неделю организовывать бесплатный стол и ежемесячно поставлять к генеральскому столу двух баранов” (“МК”, 12.05.2011).

Признаюсь, этот чин вызывает у меня живейший интерес. Экая вызывающая “старорежимность”: “Барана подавай!” Наверное, так вершил суд и оказывал милость какой-нибудь боярин времён царя Иоанна Васильевича, отправленный на кормление в окраинные земли.

Таковы высшие офицеры МВД – “надежда и гордость” Системы. Что же говорить о “мелкой рыбёшке”? Достаточно просмотреть заголовки новостей с портала Newsru.com. “В Москве схвачен глава угрозыска* с подчинёнными, требовавший за бизнесмена выкуп в миллион долларов” (10.12.2010); “В Подмоскowie банда милиционеров (!) ограбила и убила служителя католической церкви, перевозившего деньги” (13.10.2010); “В Москве задержаны четверо милиционеров: два офицера-вымогателя и торговцы гашишем” (29.11.2010).

Нередко сотрудники МВД выполняют частные заказы. Специфические. Гаишники, по утверждению “МК”, “крышуют” отстойники с угнанными автомобилями и сопровождают их при транспортировке (“МК”, 08.04.2011).

При этом и сами блюстители закона не прочь попробовать себя в роли автомобильных воров: “На днях была задержана банда угонщиков, пытавшихся увести “лексус”. Одним из членов оказался 32-летний инспектор патрульно-постовой службы ОВД “Хамовники”. В его машине обнаружили многочисленные приспособления для угона – сканер, отмычку, пилу болгарку, 2 комплекта номерных знаков и т. д. Ранее, 6 марта 2011 года за угон автомобиля Honda Civic задержан инспектор одного из батальонов ДПС столичного ГУВД” (там же).

Случается, угоняют машины и у самих милиционеров. Но и в этих случаях есть повод задуматься о криминальной деятельности хозяев авто. Вновь обращаюсь к материалу “МК”: “У простого инспектора столичного ДПС угнали Porsche Carrera GT стоимостью от 2 миллионов рублей. Ещё один страж правопорядка лишился Lamborghini Murcielago (цена от 13 миллионов рублей). Затем у другого рядового сотрудника ГИБДД похитили кабриолет Bentley Azure (стоимость от 14 миллионов рублей). А всего за год у сотрудников столичной ГИБДД угоняется около 30 автомобилей стоимостью свыше 100 тысяч долларов каждый” (там же).

В этой связи вспоминаются разговоры политиков и журналистов о том, что причина коррупционности правоохранителей – их маленькие зарплаты. Дескать, повысьте оклады до 40–60 тысяч, и проблема решится сама собой.

Не верю! Те, кто привык раскатывать на авто стоимостью 100 тысяч долларов, не слишком впечатляются зарплатой в полторы – две тысячи. И менять образ жизни и образ действий они не станут. Нет, дорогие, люди “при исполнении” не из-за “куска хлеба” воруют. А все, что выше – это уже не от нуж-

* Начальник отдела уголовного розыска криминальной милиции ОВД “Никулино-Тропарёво”.

ды, а от психологии. Развращённой, порочной. Психологии воров. Таким не зарплату повышать надо, а поганой метлой гнать их из органов и трудоустраивать на стройках солнечного Магадана.

А то ведь дошло до того, что воры требуют от правоохранителей скидываться на общак. Газетчики утверждают, что с такой инициативой выступил В. Иванов (Япончик). “Он предложил, – сообщают “Аргументы недели”, – чтобы милиция и коррумпированные представители силовых структур тоже платили в общак. Формулировка была примерно такой: “Тот, кто ворует, должен платить” (“Аргументы недели”, № 37, 2010).

Если это правда, то Япончик переоценил договороспособность, а если говорить по-человечески, то и совесть своих партнёров из органов. Он думал, что они будут действовать по правилам, пусть и воровским. А его убили...

Гигантскую нишу на рынке коррупции занимают госкорпорации. Этому способствует их статус. Получая от государства средства, доступ к ресурсам, поддержку при заключении контрактов, они не отчитываются ни перед кем.

Злоупотребления достигли такого масштаба, что высказаться пришлось Д. Медведеву. Он пообещал, что большинство госкорпораций в ближайшее время будут расформированы, а заодно поручил Генпрокуратуре произвести проверку их деятельности. Весной 2010 года прокуратура обнародовала отчёт, где, в частности, отмечено: вскрыты факты “невыполнения возложенных законом на госкорпорации функций и задач, несоответствия деятельности корпораций целям, сформированным в законах об их создании, нецелевого и неэффективного использования (разрядка моя. – А. К.) госкорпорациями переданных им средств” (“Независимая газета”, 22.04.2010).

Неэффективность компаний с госучастием стала притчей во языцех не только в России, но и за рубежом. Немецкая газета “Тагесшпигель” недавно напомнила: “Так, например, государственная железнодорожная компания РЖД и трубопроводный концерн “Транснефть” при покупке оборудования и активов постоянно платят такую цену, которая на десять процентов превышает рыночную” (“Тагесшпигель”, 03.04.2011. Цит. по: InoСМИ.ru).

Немцы, похоже, осведомлены в этом вопросе: значительную часть закупок РЖД производит в Германии. Иной раз, добавлю, отказываясь от аналогов, производимых в России. А мы-то спроста считаем госкорпорации защитниками отечественного производителя, нашего рынка и вообще интересов государства Российского...

Особое внимание экспертов привлекают сделки “Газпрома”. С. Белковский утверждает: “...Недавно “Газпром”... продал частной газовой компании “НОВАТЭК” пакет её собственных акций на \$1,35 млрд дешевле (здесь и далее разрядка моя. – А. К.) её рыночной цены. И сразу же – компании “Газпромбурение” солидным бизнесменам братьям Ротенбергам – примерно на \$1 миллиард дешевле её рыночной цены. То есть компания обворовала себя (и своих акционеров, крупнейший из которых РФ) на \$2,35 млрд” (“МК”, 01.04.2011).

Белковский отмечает, что “эта сумма почти равна расходам федерального бюджета 2011 года на всю русскую культуру”. Полагаю, особенно интересно будет узнать об этом нищим библиотекарям, заведующим клубами, сотрудникам музеев и прочим арьергардным отрядам некогда могучей русской культуры, брошенной правительством на произвол судьбы в столкновении с диким (и вороватым, как мы могли убедиться) рынком.

Странной торговлей в убыток занимается “Газпром” и при заключении сделок со своими “дочками”. В феврале 2010 года пресс-служба Следственного комитета при МВД России сообщила о расследовании “по делу о хищении у компании “Газпром” (читай – у государства) более 60 млн руб.”. “В рамках расследования, – рапортует “НГ”, – были проведены обыски в ОАО “Газавтоматика” и его дочерних предприятиях ООО “Инвестгазавтоматика” и ООО “Фирма “Сервисгазавтоматика”, а также в ряде других структур”. Газета отмечает: “По данным следствия, в “цепочке” закупок были выявлены необоснованно привлечённые посредники... В следственном комитете утверждают, что стоимость оборудования умышленно завышали” (“Независимая газета”, 11.06.2010).

Щедро соря деньгами, “Газпром” в то же время увязает в долгах. Однако экономист Н. Кричевский обратил внимание, что 750 млрд руб. из огромного долга концерна пришлось на люксембургскую фирму “Газ Капитал”. “На что-то похоже её наименование, не правда ли? – ехидно спрашивает автор и продолжает: – Среди прочих заимодавцев встречаются и другие компании, названия которых лирично напоминают о “Газпроме”: например, “Газпром Интернэшнл” СА (задолженность “Газпрома” в пересчёте на рубли 27,1 миллиарда), “Газстрим” СА (задолженность 5,3 миллиарда), а также “Газпром И Пи Интернэшнл” Б. В. (прежнее название “Газпром Нидерлэндс” Б. В.), долг перед которой (23,2 миллиарда рублей на конец 2008 г.) в 2009 г. был погашен” (“МК”, 10.06.2010).

Казалось бы, в результате такого хозяйствования концерн может пойти по миру. Но нет, “Газпром” не бедствует. Прежде всего это относится к его руководителям. “17 членов правления получили в 2009 году в среднем по 61,4 миллиона рублей, а каждый из 11 членов совета директоров – по 14,5 миллиона” (там же).

За чей счёт пир, если не во время чумы, то уж точно в период кризиса? Не догадываетесь? За наш с вами, дорогие соотечественники! Ежегодно задирая тарифы, газовая монополия с лихвой компенсирует все потери. Да и сами “потерянные” средства, пройдя через цепочки посредников, оседают, как можно догадаться, не в чужих карманах...

Другая госкорпорация “Транснефть” в ходе строительства трубопровода ВСТО, по утверждению блогера А. Навального, украла 4 миллиарда долларов. Навальный ссылается на материалы проверки, произведённой Счётной палатой. Отчёт не был опубликован, но блогер поместил фотокопии документов на своём сайте. Сопроводив энергичным комментарием: “Сегодня я представляю вашему вниманию эти документы. Они превзошли все наши ожидания. Называется это: “Материалы, подготовленные ОАО “АК “Транснефть” по запросу Счётной палаты № 34-11-03-69/11-03”. За подписями реальных высокопоставленных сотрудников “Транснефти”, включённых в проверочные комиссии, сухим языком описывается: УКРАЛИ ВСЁ. Воровали. Завышали цены. Мухлевали с подрядами” (navalny.livejournal.com.526563.html)*.

Навальный напоминает, что руководителем “Транснефти” в “золотой период строительства” был Семён Вайншток. Блогер подчёркивает его близость к тогдашнему президенту, а ныне председателю правительства. Так это или нет, судить не берусь, но то, что В. Путин – сразу после скандальной публикации – объявил “Транснефти” благодарность за строительство ВСТО, факт общеизвестный.

Так же, как и то, что с главой “Газпрома” А. Миллером после всех компрометирующих публикаций в прессе был заключён новый трудовой договор.

К слову. Дотошные журналисты установили, что убыточные для себя контракты “Газпром” заключал не абы с кем, а с людьми, которых в прессе именуют “друзьями Путина”. “Газпромбурение” ушло к Аркадию Ротенбергу (напомню, на 1 миллиард долларов дешевле рыночной цены). В юности он якобы занимался дзюдо в одной секции с будущим “национальным лидером” и с тех пор поддерживает связи (newsru.com/.../rotenberg_print.html). “НАВАТЭК” выиграл на покупке акций у “Газпрома” 1,35 млрд долл. Возглавляет компанию Леонид Михельсон, а её совладельцем является Геннадий Тимченко, тоже лица “ближнего круга” (newsru.com/russia/...gazp_print.html). Ещё один “приближённый” Юрий Ковальчук через компанию “Лидер” и банк “Россия” контролирует “Газпромбанк” (там же).

Эксперты заговорили об “экономической модели “Кремль Inc” (newsru.com/russia/.../zatul_print.html). В рамках которой “власть превращается в деньги, а деньги во власть”, – как сформулировала австрийская газета “Стандарт” (цит. по: newsru.com/.../derstandart_print.html).

Впрочем, большинство сведений, призыванных конкретизировать хлесткий тезис, принципиально неverifiedируемы. Можно сколько угодно судачить о геленджикском “дворце Путина”, об “отчислениях “Петромед”, о миллиардах, якобы “спрятанных в Сочи и Тель-Авиве”

* Счётная палата в своих комментариях не оспаривает подлинность опубликованных А. Навальным документов, но ставит под сомнение сумму ущерба.

(inosmi.ru/.../165783628_print.html), но время для серьёзного разговора придёт только после того, как будут представлены соответствующие документы.

А вот расхищение средств госкорпорациями – процесс, поддающийся проверке. Он вызывает ощущение глубинной, губительной для государства угрозы. Хотя бы потому, что, по утверждению того же Навального, только сотрудники “Транснефти” облегли карман каждого совершеннолетнего жителя России на 1100 рублей (navalny.livejournal.com/526563.html).

Тревожит и то, что к нашей стране все эти “весёлые и находчивые” относятся “только как к территории по выкачиванию денег”, как справедливо сказано в электронном издании “Свободная пресса” (15.04.2011). С. Вайншток, построив ВСТО, а затем поруководив олимпийской стройкой в Сочи, отбыл в Лондон, одновременно ведя бизнес в Израиле.

Многие олигархи – лица с двойным гражданством. Г. Тимченко – гражданин Финляндии. Р. Абрамович, также из числа “друзей и знакомых”, – обладатель британского паспорта, Д. Якобашвили – шведского, В. Анисимов – швейцарского, Ю. Ковальчук – почётный консул экзотического Таиланда (“Свободная пресса”, 15.04.2011).

В случае чего они отбудут на новую родину. А многие и так давно проживают в Лондонграде.

11 мая газеты сообщили, что экс-мэр Москвы Ю. Лужков получил британскую визу и “отправился в Лондон навестить свою семью” (“МК”, 11.05.2011). Ну ещё бы, где же и жить семье московского градоначальника?

Документы, связанные с правлением Лужкова, уже доступны. И следователям, и журналистам. Хотя и с ними широкую публику знакомить не спешат. На страницы прессы просочилось на удивление немного. Видимо, уволенный и его обидчики пытаются прийти к какому-то соглашению. Получается плохо, и тогда происходит выброс компромата. Но дозированный – чтобы не отрезать пути к договорённости.

Пока самые громкие разоблачения пришли по каналам Wikileaks. С борьбой в российских верхах они не связаны. В опубликованной британской “Гардиан” секретной депеше посла США Джона Байерли, датированной 12 февраля 2010 года, сказано: “Лужков руководит системой, где, кажется, почти все и на всех уровнях замешаны в коррупции или преступных действиях в той или иной форме”. Американские дипломаты отмечали, что “московский преступный мир имеет трёхъярусную структуру. На вершине – Лужков. На втором ярусе – ФСБ, МВД и милиция. На нижнем уровне – рядовые преступники и коррумпированные инспекторы”. Байерли указывал на связь Лужкова с Вячеславом Ивановичем – “недавно убитым скандально известным боссом русской мафии” (“Гардиан”, 01.12.2010. Цит. по: InoPressa).

В отечественной печати время для откровений такого рода, по-видимому, не пришло. Зато здесь можно найти конкретику.

Сразу после отставки мэра московское управление Следственного комитета предъявило обвинение в получение взятки его заму А. Рябинину. Первое уголовное дело против него возбудили ещё в начале 2010 года. Однако Лужков, тогда ещё всесильный, лично заступился за своего заместителя, и прокурор Москвы Ю. Сёмин постановление отменил (newsru.com/russia/.../otkaty_print.html).

В ноябре 2010-го Федеральная служба по финансовому мониторингу выявила “системные проблемы” в деятельности мэрии, связанные с финансированием контрактов, в частности, в системе здравоохранения. “Неправильно поставленная тендерная составляющая” дала возможность увести “порядка 1,2 миллиарда рублей”, – заявил глава Росфинмониторинга Ю. Чиханчин (там же).

“О законности и честности “вспомнили” после отставки Лужкова”, – саркастически прокомментировали журналисты (там же).

В новом году за лужковское наследие взялись по-настоящему. В феврале Счётная палата выявила “многочисленные нарушения” в транспортном комплексе мэрии. С. Степашин оценил ущерб в 230 миллиардов рублей (“Коммерсантъ”, 03.02.2011). Глава столичного метрополитена

Д. Гаев, в прежние времена личность авторитетная и даже популярная, был уволен. Впоследствии на него завели уголовное дело.

Но все эти “снаряды” информационно-юридической войны падали рядом с отставным градоначальником, не задевая его лично. Ситуация изменилась в середине февраля, когда Следственный комитет начал расследование аферы по предоставлению “Банком Москвы” кредита на сумму 12,76 млрд рублей. В 2009 году банк выдал его компании ЗАО “Премьер-Эстейт”. Пикантная деталь: компания была создана всего за три месяца до сделки, и её уставной капитал составлял смехотворные 10 тысяч руб. (здесь и далее: newsru.com/russia/...inteko_print.html). “Премьер-Эстейт” купила земельный участок у Елены Батуриной, после чего само ЗАО было продано, а 13 миллиардов поступили на счёт жены мэра.

Следователи предполагают, что стоимость земли была завышена в шесть раз.

Проведены многочисленные обыски в “Банке Москвы”, фирме “Интеко” и других структурах. Глава “Банка Москвы” А. Бородин счёл за благо сбежать в Англию, а московский суд заочно вынес постановление об его аресте. К следователю вызывали и саму Е. Батурину – в качестве свидетеля, но она также находится за границей (там же).

Триллер с уголовным преследованием экс-первой леди столицы, а возможно, и её супруга ещё долго будет раскручиваться, к радости любознательной публики.

А вот скандалы, связанные с олимпийским строительством в Сочи, власти всячески пытаются приглушить. Между тем, эксперты подчёркивают: “Регион олимпийского Сочи – второй по коррупции в России после Москвы” (newsru.com/russia/.../sochco_print.html).

И эта оценка не голословна. Как могли убедиться читатели, все сведения, содержащиеся в этой главе, да и в работе в целом, подтверждены документально. В начале 2011 года Общественная палата РФ провела акцию “Стоп, коррупция!”, в рамках которой жители страны получили возможность рассказать об известных им случаях мздоимства. Чаще всех в Общественную палату обращались москвичи. На втором месте – жители Сочи (там же).

Эксперты отмечают небывало высокую стоимость олимпийского строительства. Затраты на подготовку к играм-2014 составляют 950 млрд рублей. Они “в десять раз превысили (разрядка моя. – А. К.) бюджеты прошедших зимних Олимпиад в итальянском Турине, американском Солт-Лейк-Сити и канадском Ванкувере”. Объяснение простое, но постыдное для нашей страны: “...Завышение смет, огромная доля откатов, очень неэффективное строительство, авралы, катастрофическая недоинвестированность инфраструктуры выбранного места” (newsru.com/finance/28jun2010/olimp_print.html).

Увы, ситуация знакомая россиянам. И про откаты, и про авралы, и про отвратительное качество строительных работ каждый знает не понаслышке. Разве что неожиданностью стало утверждение о “катастрофической недоинвестированности” сочинской инфраструктуры. Раз уж такое можно сказать о нашем лучшем курорте, своего рода витрине РФ, то как же охарактеризовать раздолбанные дороги, обшарпанные панельные дома, залатанные автобусы – всё, что мы видим в сотнях других городов?

В ходе подготовки к Олимпиаде выявилось ещё несколько проблем. Одна из них – угроза уникальной природе региона. Сотрудникам природоохранных организаций пришлось в жёсткое противоборство со строителями и чиновниками, обращаться за помощью к первым лицам государства и в международные инстанции. Но и после существенной корректировки первоначальных планов “по словам активистов экологического движения, усилия властей по подготовке к Олимпиаде оказывают опустошительный эффект на окружающую среду” (newsru.com/russia/.../sochi_print.html).

И эта проблема, если присмотреться, имеет отношение к коррупции. Для строительных организаций экономия на природоохранной деятельности – чуть ли не единственный способ “отбить” хотя бы часть средств, потраченных на откаты. Экологи жалуются на обилие нелегальных свалок. Понятно: вмес-

то того чтобы платить деньги за вывоз мусора, оставшегося после работ, строители бросают его, захламляя заповедные ландшафты.

Ещё один повод для беспокойства – удручающие результаты наших спортсменов в зимних видах спорта. В советские времена именно в них нашим чемпионам не было равных. Однако развал всех структур, всего строя жизни затронул и спортивную сферу. Результаты последней зимней Олимпиады в Ванкувере стали для нашей сборной провальными. Возможно, что и в Сочи вместо ожидаемого триумфа нас ждёт позорное фиаско.

Не стала бы пророческой реклама, которую пиарщики “Роснефти” крутят по всем телеканалам. Под видом будущих олимпийцев там “агукают” дети ясельного возраста. Как бы наши спортсмены не оказались в роли этих беспомощных несмышлёнышей в соревновании с соперниками из других стран, достигшими пика физического развития.

Показатели нынешнего года оптимизма не вызывают. Провалом закончились выступления и нашей хоккейной сборной, и биатлонистов, и фигуристов. Всего в чемпионатах мира по зимним олимпийским дисциплинам российские спортсмены в 2011 году завоевали 2 золотых, 7 серебряных и 5 бронзовых медалей. Для сравнения – у Норвегии 14 золотых медалей (всего 28), у Канады – 13 (всего 31), у Германии – 11 (всего 34), у Австрии – 11 (всего 21). В неофициальном командном зачёте Россия оказалась на 14-м месте по количеству завоёванного золота (“Коммерсантъ”, 17.05.2011).

В этих неудачах также различима коррупционная составляющая. После ванкуверского позора Счётная палата провела проверку эффективности использования средств, направленных на подготовку к Олимпиаде. Выявились многочисленные факты нецелевых расходов, необоснованного завышения цен на спортивный инвентарь, приобретаемый для спортсменов, невыплаты части призовых денег (“МК”, 02.07.2010).

Где гарантия, что всё это не повторится при подготовке к Олимпиаде в Сочи? Понятно, на этот раз денег дадут больше. Но и риск расхищения выделенных средств возрастает.

Тем более что в дело, наряду с чиновниками-коррупционерами, уже включился откровенный криминал. Одной из причин покушения на Деда Хасана эксперты считают его конфликт с другим вором в законе – Таризлом Ониани (Таро) за контроль – внимание! – “финансовых потоков, выделяемых частными инвесторами на строительство олимпийских объектов в Сочи” (“Коммерсантъ”, 17.09.2010).

И всё же главная проблема – многомиллионные откаты, которые бизнесу приходится выплачивать в обмен на заключение контрактов. К примеру, глава компании “Москонверспром” В. Морозов утверждает, что с него требовали 12% от стоимости строительного контракта на сумму 1,5 млрд рублей (newsru.com/russia/31may2010/sochi_print.html).

По словам В. Морозова, вымогал взятку замначальника главного управления капитального строительства Управления делами президента (УДП) В. Лещевский. И хотя кремлёвский чиновник всё отрицал, было возбуждено уголовное дело, а самого В. Лещевского отстранили от исполнения обязанностей до завершения следствия (newsru.com/.../ypravdelami_print.html).

Впрочем, попытка разоблачения окончилась трагикомедией: оперативники решили провести следственный эксперимент, на котором планировалось под видео- и аудиозапись передать деньги Лещевскому. В. Морозов выдал для этого собственные деньги – 15 млн рублей. Факт их передачи следователям (видимо, для соответствующей обработки) зафиксирован. Однако видео- и аудиозаписи, сделанные в ходе следственного эксперимента, были уничтожены. Что также подтверждено в постановлении СКП. Оперативники, со своей стороны, уверяют, что следственного эксперимента не проводили, задерживать В. Лещевского не собирались. И тут возникает пикантный вопрос: а куда делись 15 млн? С тех пор денег не видели!

Кончилось всё увольнением начальника 7-го оперативно-розыскного бюро ДЭБа полковника В. Скворцова, чьи подчинённые так лихо поработали с бизнесменом (“Коммерсантъ”, 19.04.2011). Своих постов лишились и начальник главного контрольного управления УДП Н. Михеев и его зам. И хотя

в Управлении делами президента заверяли, будто увольнения не связаны с сочинским скандалом, журналисты считают, что утратившие бдительность контролёры пострадали именно из-за дела В. Лещевского (newsru.com/.../ypravdelami_print.html).

В том, что взятки берут и на самом верху, убеждает арест высокопоставленного чиновника контрольного управления (КУ) президента России – начальника департамента контроля в социальной сфере Андрея Воронина. Его обвиняют в том, что вместе с бывшим заместителем министра здравоохранения А. Вилькеном и ещё одним VIP-чиновником он вымогал 1 млн долларов у московского представительства компании “Тошиба”. К чести правоохранительных органов следует отметить, что это дело они довели до суда. Воронин получил реальный срок – 3 года колонии общего режима (“Коммерсантъ”, 06.04.2011).

Ещё один сотрудник Управления делами президента Игорь Ерашов подозревается в вымогательстве взятки в размере 500 тыс. рублей. В настоящее время он находится под домашним арестом (“МК”, 27.04.2011).

О неприглядном деле в связи с реконструкцией Могилы Неизвестного Солдата у стен московского Кремля сообщает “Новая газета”. Реконструкция обошлась казне в 177 млн рублей. Приведу обстоятельную цитату с портала Newsru.com: “Как выяснила “Новая газета”, больше половины суммы ушло в оплату сомнительных контрактов на “строительство и монтаж” тех объектов, что уже были построены и смонтированы. Эти контракты выполнялись компаниями и курировались людьми, близкими к руководителям Управделами президента и принадлежащего ему предприятия “Строительное объединение”. Именно в карманах этих людей, как подозревает издание, осели десятки миллионов рублей, “заработанных” на ремонте столь священного объекта государственного значения” (newsru.com/.../unknown_print.html).

Обвинение чудовищное! Насколько оно справедливо, видимо, предстоит решать следствию. Если, конечно, газете удастся привлечь к произошедшему внимание широкой публики, а заодно и руководителей государства.*

Но то, что сфера госзакупок поражена коррупцией – факт неоспоримый. Его вынужден признать Кремль. Начальник Контрольного управления президента К. Чуйченко утверждает, что воровство при госзакупках может превышать 1 трлн рублей (“Независимая газета”, 09.11.2010).

Сама природа недостаточно прозрачных отношений между государством и бизнесом, где многое решает личный выбор чиновника, создаёт благоприятную среду для закулисных договорённостей и сомнительных сделок.

Коррупция в госструктурах приобрела поистине всеохватный размах. Об этом с тревогой говорит уже не одно лишь общество. С впечатляющей наглядностью высказался президент: “Десять миллионов контрактов заключается, и значительная часть из них содержит откаты, спиливается деньги” (там же). Выразительная характеристика! Показывающая: Система прогнила насквозь.

(Окончание главы следует)

* Со своей стороны пресс-секретарь УДП В. Хреков назвал статью “клеветнической” и пригрозил “Новой газете” судом (newsru.com/russia/.../udp_print.html).

.....

Внимание! Для тех, кто собирается приобрести книгу А. Казинцева “Возвращение масс”, уточняем индекс. Деньги следует направлять по адресу: 127051, Москва, Цветной б-р, д. 32, стр. 2. Казинцев А. И.

Напоминаем, что для иногородних читателей стоимость книги — 200 руб., для зарубежных — 350 руб. (доставка по ж.д.) или 550 руб. (доставка авиа).

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ-2011: СКРЫТЫЕ ШИФРЫ (МОТИВЫ, ЦЕЛИ, ИНТЕРЕСЫ)

*И в страхе бежал разбитый Главный
Буржуин, громко проклиная эту
страну с её удивительным народом,
с её непобедимой армией и с её неразга-
данной Военной Тайной.*

А. Гайдар “Сказка о военной
тайне, о Мальчише-Кибальчише
и его твёрдом слове”

“НОВЫЕ” ПЕСНИ О СТАРОМ

У нас снова заговорили о десталинизации. Главными десталинизаторами нового призыва стали М. А. Федотов (председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека) и С. А. Караганов (председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике). М. Федотов ещё в конце 2010 г. пообещал начать, по сути, “крестовый поход” против сталинизма (сразу вспоминается Крылов: “Ай, Моська, знать, она сильна”). Вкратце позиция очередной бригады десталинизаторов, сформулированная в проекте программы “Об увековечивании памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении” и в статье С. Караганова “Не десталинизация, а модернизация сознания” (“Независимая газета”, 01.04.2011), такова. Сегодня главная задача страны – модернизация сознания общества и элиты, без этого невозможны техническая и политическая модернизация. На пути модернизации сознания – нынешнее морально-этическое состояние общества, обусловленное тем, что мы до сих пор не заклеили античеловеческий режим, существовавший более 70 лет. И пока мы это не сделали, пока не дали политико-правовую оценку преступлений прошлого, не настроили мемориалов жертвам тоталитаризма, не будет национального примирения (элиты и общества), а следовательно, модернизации. Народ должен каяться, поскольку участвовал в самогеноциде (гражданская война, голодомор, коллективизация, репрессии 1930-х годов и т. д.). Репрессируемые, пишет С. Караганов, “были, как правило, лучшие представители народа. [...] Продолжать скрывать от себя свою историю – неявно оставаться соучастниками этого преступления”.

Вот такие “сапоги всмятку”. Читаешь, и вспоминается Н. Заболоцкий:

*Всё смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.
[...]
Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет —
Разум мой! Уродцы эти
Только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье.*

В предложениях “десталинизаторов-2011” в кучу сумбурно-истерически свалено всё, что можно. И тем не менее, когда начинаешь разбираться в этом потоке сознания, довольно быстро вылезают очевидные “уши” совершенно определённого качества — групповые (классовые) мотивы, интересы и цели и стремление устранить препятствия на пути их реализации с помощью жупела “сталинизм” и борьбы с теми, кто этой реализации мешает, как со сталинистами. Вот и займёмся этими “ушами”.

Прежде всего, хочу обратить внимание на несколько вопиющих, доходящих до уровня когнитивного диссонанса, противоречий “неразумных хазар”, собравшихся отмстить Сталину и заодно поучить народ уму-разуму. Затем посмотрим на реальные цифры политических репрессий с 1922-го по 1953 г. и разберёмся, во-первых, сколько из них приходится на период, когда Сталин действительно реально руководил страной, во-вторых, на содержание, композицию, причинно-следственный механизм этих репрессий.

За последние десятилетия появилось немало серьёзных и непредвзятых, написанных вовсе не сталинистами исследований сталинского периода вообще и борьбы за власть и репрессий в частности. Они представляют совершенно иную картину, чем то, что изображали Хрущёв на XX и XXII съездах КПСС, Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ”, “профессиональные” советологи на Западе, советские шестидесятники и диссиденты, а также перестроечная и послеперестроечная шпана от публицистики.

Сегодняшние десталинизаторы либо не знают этой литературы, и тогда грош цена их профессионализму да и интеллекту тоже, либо знают, но тогда, получается, сознательно лгут, скрывая реальную историю, то есть делают то, в чём они обвиняют неких “сталинистов” (кто это там громче всех кричит “держи вора!”?)

Чтобы не быть голословным, коснусь вопроса о количественном и качественном аспектах репрессий — нельзя позволять безнаказанно лгать, независимо от того, имеем мы дело с незнанием или сознательным умыслом, ну а затем — к вопросу о реальной десталинизации, которая началась при Хрущёве и завершилась в первой половине 1970-х годов при Брежневле — для этого придётся сделать краткий экскурс в советскую историю, осветить логику развития номенклатуры — её превращение из слоя-в-себе в слой-для-себя. Условием завершения этого процесса был демонтаж советской системы и СССР, причём именно десталинизация стала направлением главного удара по советской системе, по СССР, в самом начале перестройки.

В связи с этим возникает следующий вопрос: если СССР разрушен, если уже двадцать лет у нас другой строй, то зачем же опять десталинизация? Что является её мишенью на этот раз? По всему выходит, что сегодня главная мишень десталинизаторов, выражающих интересы, мотивы и цели определённой части правящего слоя, а именно — ультралиберального, сама Россия — Россия и русские. При этом причины здесь не национального, а в большей степени классового и цивилизационного (психоисторического) порядка: реализации капитализма, тем более в его социал-дарвинистской, ультралиберальной версии, проталкиваемой определённым сегментом правящих слоёв РФ (в борьбе с другими слоями, не говоря уже о населении), препятствует уже не советский строй, не социализм, а сама русская цивилизация, русский психотип, плохо совместимые с торжеством капитала. Здесь-то и возникла потребность в реанимации десталинизации, призванной выполнить и некото-

рые другие функции, которых я коснусь. И, наконец, последний по счёту, но не по значению вопрос, точнее, комплекс вопросов: а не является ли нынешний виток десталинизации контрпродуктивным по отношению к преследуемым целям? Насколько он адекватен ситуации в стране и, что не менее важно, в мире? Насколько адекватны этому миру и Хозяевам Мировой Игры не столько исполнители (с ними всё ясно), сколько заказчики антисталинских плясок — что день грядущий им готовит? Ананасы, рябчиков или нечто иное, например, “караул устал”, а то и похуже. Но обо всём по порядку.

ВОПРОСЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Для начала зафиксирую несколько противоречий, сразу же бросающихся в глаза. На дворе — 2011 год. Значительную часть правды о том, что происходило в стране в 1930—1940-е годы, многие знали уже тогда. После 1956 и 1961 годов (XX и XXII съезды КПСС) узнали почти все. Ну, а в перестройку, не говоря о постсоветском периоде, информация о “страшном прошлом” и его извергах, преследовавших несчастных “детей Арбата”, полилась как из рога изобилия. Вопрос: кто же это сегодня полускрывает историю, кто же это “скрывает от себя страшный грех семидесяти лет коммунизма — сталинизма — тоталитаризма”? Граждане десталинизаторы, оглянитесь кругом: изо всех дыр уже четверть века льётся информация о страшном “коммунизме — сталинизме — тоталитаризме”.

Далее. Авторы проекта зовут к замирению. Но неужели им в голову не приходит, что планируемая ими кампания десталинизации не замиряет общество, а, напротив, провоцирует в нём конфликт, резко обостряет его. Либо у “десталинизаторов-2011” когнитивный диссонанс, либо они сознательно лгут и их цель — спровоцировать конфликт, и мы имеем дело с банальной провокацией. В пользу второго говорит ещё одно противоречие. Федотов, Караганов и К^о осуждают репрессии, призывают наставить памятников жертвам (многие из которых, сегодня мы это знаем, были палачами народа — прежде всего русского) и в то же время сами, по сути, призывают к репрессиям. И дело здесь не только в предлагаемом ими запрете на профессию по идеологическим причинам для тех, кто не согласен с огульно-негативной оценкой Сталина, но в другом. Более половины (!) населения РФ, в том числе молодёжь, позитивно оценивает деятельность Сталина, его роль в русской истории — об этом свидетельствуют и опросы, и “Имя России”, и многое другое. Предлагаемый проект кампании десталинизации — удар по этой части населения, подавление её. А что такое репрессии? Это подавление одной частью населения другой в своих интересах. Так что же, господа, выходит — по вашей же логике, — вы не кто иные, как сталинисты? Каяться немедленно. И заодно — бегом к юрисконсульту — с правовой основой проекта явно не всё в порядке. Да и с моральной тоже.

Кстати, о морали. Десталинизаторы любят поразглагольствовать о ней, пнув недостаточно моральный, по их мнению, народ. При этом они и заикнуться не смеют о моральном облике не народа, а верхушки — в своей массе насквозь коррумпированной, социал-дарвинистской в духе худших образцов британского капитализма диккенсовских времён, холуйствующей перед Западом и млеющей от всего западного (от быта до вышедших в тираж рок-групп и второразрядных актёров и актрис), признающей только силу и богатство и, конечно же, презирающей народ. Понятно, пёс не может оскалиться на хозяйина, ну хоть хвостом не так сильно виляй.

Ещё одно противоречие, которое на наших глазах обретает не просто реальные, а вещественные очертания. “Десталинизаторы-2011” полагают “модернизацию сознания” необходимым условием модернизации экономики. За модернизацией сознания на самом деле скрывается задача заставить население принять ценности и взгляды ограбивших их новых хозяев жизни, отождествить себя с ними (социальная версия “стокгольмского синдрома”), признать грабёж 1990-х законным. Модернизация экономики, как известно, требует средств — и немалых. Штука, однако, в том, что “десталинизация-2011” объективно ведёт к приравнению сталинского и гитлеровского режимов, к признанию их обоих равно агрессивными и одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны, а следовательно, к пересмотру её итогов

с последующими исками в адрес РФ о материальной компенсации (по сути речь пойдёт о репарациях, которые обычно победители взимают с побеждённых) со стороны тех стран, на землю которых ступала нога советского солдата-освободителя, только теперь он будет “тоталитарным оккупантом”, а освободителями останутся лишь англо-американцы. “Десталинизация-2011” стимулирует также иски в адрес России со стороны бывших республик СССР. Первые ласточки (а точнее, вороньё) уже появились. Выплата репараций уведёт из страны огромное количество средств, столь необходимых для модернизации экономики. Неувязочка, господа десталинизаторы.

Или – увязочка? Или – так и задумано?

Теперь вот какой вопрос нашим страдальцам, зовущим народ к покаянию за участие в семидесятилетнем геноциде. Если авторы проекта заговорили о национальном примирении, это значит, что они исходят из факта наличия национального, а точнее – социального конфликта в стране. Именно социального, а не национального; национального – в лучшем случае по форме, с учётом числа нерусских среди “новых русских” (“элиты”) (см. восторги Л. Радзиховского по этому поводу). В РФ действительно налицо противостояние между богатыми и бедными, растущий разрыв, поляризация между ними – децильный коэффициент и индекс Джини зашкаливают. Ситуация весьма похожа на накал классового антагонизма в Великобритании 1830–1840-х годов, который Дизраэли, тогда ещё не премьер-министр, а романист, охарактеризовал как наличие “двух наций”. То есть социальный разрыв был таков, что верхи и низы оказались чуждыми друг другу как две различные нации (то же было в пореформенной России). Какой же выход видел Дизраэли? Простой: сокращение опасного разрыва социальными и экономическими мерами. Какие меры предлагают Федотов, Караганов и К^о? Экономические реформы? Нет. Социальное законодательство? Нет. У них вообще ни слова о социальных проблемах. Всё сведено к сфере сознания. Рецепт прост: каяться в соучастии в самогеноциде, то есть в (со)участии в системе, и на **такой** основе антагонистическим классам замирииться.

Когда-то Оруэлл заметил, что если для интеллектуала социализм – это вопрос теории, то для работяги – это лишняя бутылка молока для его ребёнка. Предложение “десталинизаторов-2011” – это, помимо прочего, предложение сытых. Более того, это подлое предложение, ибо, если учесть степень преемственности советской и постсоветской верхушек (в 90-е годы 70%, в провинции – 80%), то каяться должна именно верхушка, разворовавшая страну и ограбившая народ – перед народом. И, естественно, её холуи из “интеллектухи”, которые подводят под это научное и даже моральное обоснование (“свободу дали” – свободу вымирать ежегодно сотнями тысяч). Призывая к сопокаянию, десталинизаторы уравнивают вора и ограбленного.

И здесь возникает ещё один вопрос, так сказать, *ad hominem*. Если на мгновение принять точку зрения авторов программы на всю советскую историю – с 1917 по 1991 г. – как на самогеноцид, рассматривать её как войну тоталитарного государства с народом, то спрашивается: вы, болезные, воевали в этой войне на стороне народа? Гремели кандалами? Выходили на Красную площадь, протестуя против “тоталитарного государства”? Нет, насколько известно, и Федотов, и Караганов делали неплохую советскую карьеру, были встроены в систему – тоталитарную! И, выходит, были её солдатами, воевали на её стороне. Так что же вы других призываете каяться, начинайте с себя – рвите рубаху, на колени и кайтесь, кайтесь, кайтесь. Нет, к другим обращаетесь. Grosh цена таким призывам. С себя начинать надо, “правдолюбцы” вы наши.

Но, разумеется, элементарные здравый смысл и честность не позволяют нам согласиться с тезисом (в статье С. Караганова) о том, что “народу и элите после последних ста лет себя почти что не за что уважать. Единственное, чем можно по-настоящему гордиться, – Великая Отечественная война. Но её объединительный потенциал со временем истощается” (в значительной степени благодаря усилиям пропагандистских шавок Горбачёва и Ельцина, добавлю я).

Разберём этот пассаж. Прежде всего, обратим внимание на ещё одно проявление когнитивного диссонанса. Великая Отечественная война, победа в ней – это одно из высших, квинтэссенциальных достижений того, что “десталинизаторы-2011” именуют “коммунизмом – сталинизмом – тоталитариз-

мом". Только народ, организованный в такую систему (вне системы народ – толпа), мог сокрушить Третий рейх. Великая Отечественная война – триумф системы, которую обвиняют в самогеноциде и других страшных преступлениях тот же Караганов и подобные. Но тогда либо гордиться победой и системой, либо ненавидеть и отказывать Великой Отечественной в статусе объекта гордости, поскольку победа в войне была одержана советским народом, организованным в советскую (тогда – сталинскую) систему, по её логике, на основе её потенциала. Попытки доказать факт победы вопреки системе – удел умственно отсталых и убогих. По логике его статьи, Караганов должен больше всего ненавидеть именно победу в Великой Отечественной. Иначе все разглагольствования его и ему подобных о семидесяти годах самогеноцида бессмысленны. Развести Великую Отечественную и сталинскую систему невозможно, как ни пытайся. Вот, например, Сванидзе и другие пытались – бились-бились, да только сами разбились.

Победа в войне – далеко не единственное достижение СССР, есть и другие, и немало. Это и превращение страны к концу 1930-х годов в военно-промышленного гиганта, которого не раздавить – отсюда Победа, наша Победа; это и послевоенное восстановление – за 10 лет вместо прогнозируемых на Западе 20-ти; это и освоение космоса, это смертность 6–7 промилле (то есть 6–7 человек на 1000), достигнутая в 1960-е и не превзойдённая никем в мире до сих пор, и многое другое. Обычно антисоветчики и русофобы в таких случаях, злорадно полагая, что уели, задают вопрос: а какой ценой? А какова цена, спрошу я в ответ, возникновения всех новых социальных систем, например, капитализма – достаточно взглянуть на Англию времён Генриха VIII или Елизаветы I. Процент англичан, уничтоженных молодым капиталистическим обществом, будет существенно выше, чем людские потери эпохи становления молодого советского социализма. А какова цена “золотого века” Екатерины II, в основе которого – рабство 30 миллионов из 35 миллионов населения? Какой ценой куплено благосостояние русской буржуазии начала XX века?

А какой ценой создавалась Британская империя? США? А ведь США в XIX веке никто не угрожал – а сколько индейцев и негров уничтожено, тогда как СССР в 1930-е годы должен был форсировать коллективизацию и индустриализацию, иначе в начале 1940-х раздавили бы, и это стало бы окончательным решением русского вопроса, физическим стиранием русских из истории. По сравнению с “подвигами” англосаксов – всё познаётся в сравнении – численность жертв так называемых “сталинских репрессий” (о том, почему “так называемые” – ниже) смотрится как статистически средний масштаб репрессий любого молодого крупного общества, тем более такого, которое пережило мировую войну, революцию и гражданскую войну и для которого насилие имманентно. В обществе, прошедшем войну, революцию, анархию и гражданскую войну, живущем во враждебном окружении, жизнь вообще ценится весьма мало – и народом, и его властью. В СССР ситуация в этом плане изменилась только в конце 1930-х годов, с окончанием холодной гражданской войны, а точнее – национальной фазы (1927–1939 гг.) революции. Суть этой фазы состояла главным образом в подавлении “героев” интернационал-социалистической фазы революции (1917–1927 гг.), в защите России от левых глобалистов и их союзников на мировой арене и в выяснении отношений между различными кланами во власти – в партии, НКВД. Всё это – не говоря о том, что все молодые общества агрессивны – ранняя стадия развития любого общества, будь то рабовладельческое, феодальное или капиталистическое. Это холодная гражданская война, тем более масштабная, чем многочисленнее и современнее (“массовее”) общество, в эпоху масс все системообразующие долгосрочные процессы носят массовый характер. А следовательно, пришло время поговорить о количественном аспекте.

О ПОЛЬЗЕ ЗНАНИЯ СТАТИСТИКИ И ИСТОРИИ

С 1922 по 1953 г. по политическим статьям было осуждено 4 060 306 человек, из них к высшей мере было приговорено 799 455 человек. Это – не “импрессионизм” “Архипелага ГУЛАГ”, а документальные данные, полученные и проверенные исследователями РФ и США. Таким образом, речь идёт о менее чем 2% населения. Много это или мало? По мне, и 0,002 много.

Но это эмоции. Объективный научный подход требует сравнения, и тогда ситуация проясняется. Например, сравнить число крестьян, умерших во время голода 1931–1932 гг. в бедном СССР, и число американцев, умерших – что спустя 80 лет вынуждены признать в США – от голода во время Великой депрессии начала 1930-х в богатой Америке – 4–5 млн. Кроме того, нередко в СССР политические статьи “пришивались” в тех случаях, когда власть не желала признать факты крупного воровства своих представителей (народная власть не может воровать у народа) и других компрометирующих её неполи- тических преступлений её представителей. Но главное даже не в этом, а в другом.

Десталинизаторы записывают в годы “сталинских репрессий” и тот пери- од, когда Сталин не был № 1 в стране. Так, в 1921–1922 гг. власть в РСФСР была в руках Ленина и Троцкого, в 1923–1925 гг. № 1 был Зиновьев, в 1926–1928 гг. – Бухарин. Да, позиции Сталина постоянно укреплялись в 1920-е го- ды, в период союза с Бухариным он был сильнее, чем во время триумвирата с Зиновьевым и Каменевым, и всё же № 1 он формально стал только в 1929 г., разгромив команду Бухарина. Но только формально, поскольку даже в 1932 г., как показало дело Рютина, Сталин не мог единолично решать во- прос о том, как и кого репрессировать, даже если эти “кого” планируют его свержение. Ситуация изменилась лишь в 1935–1936 гг., то есть из 32 лет “ста- линских репрессий” надо с ходу вычесть 14 лет, бо́льшую часть которых ре- прессии осуществляли интернационал-социалисты, гвардейцы кардиналов ми- ровой революции Ленина и Троцкого, задвигая которых, Сталин создавал державу – коммунистическую, но державу, а не земшарную республику, строил страну, а не творил мировую революцию.

Но даже со сталинским периодом не всё так просто. Историк Ю. Н. Жу- ков на основе обширного исторического материала убедительно показал всю неоднозначность сути так называемых “сталинских репрессий”. В ходе рабо- ты над новой конституцией Сталин предлагал внести в неё положение об аль- тернативных выборах. Против этого резко выступили “региональные бароны” (Хрущёв, Эйхе и другие) и “герои гражданской”, опасавшиеся, что народ вы- берет “контру” – представителей интеллигенции, священников, бывших бело- гвардейцев и т. п. Предложение Сталина сталинское политбюро прокатило, но, чтобы подстраховаться полностью, “бароны” и “герои” решили нанести превентивный удар по тем слоям населения, которые вызывали у них на- ибольшие опасения. Главными “забойщиками” стали Хрущёв, который позд- нее, на пенсии, признает, что у него руки по локоть в крови, и Эйхе. Столк- нувшись с консолидированным сопротивлением верхушки, которое он не мог преодолеть, Сталин реагировал двояко: 1) пассивно – там, где мог, умень- шал планировавшийся масштаб репрессий; 2) активно – развернул репрес- сии против верхушки, начавшей массовый террор (“ступай, отравленная сталь, по назначенью”, хотели террор – получите).

Таким образом, в так называемых “сталинских репрессиях” 1937–1938 гг. (с конца 1938 г. репрессии идут на спад, начинается “бериевская оттепель” – около 20% репрессированных возвращают из тюрем и лагерей) есть не один сталинский “пласт” (он был, никто этого не отрицает, но историческая прав- да намного сложнее), а несколько: антисталинский массовый, за которым стояла номенклатура, защищавшая свои групповые позиции, и собственно сталинский, как реакция на него; кроме того, в рамках обоих “пластов” зна- чительная часть репрессий связана с выяснением отношений друг с другом различных энкаведешных кланов (этот вопрос хорошо освещён Л. Наумовым и другими). И это ещё более сужает размах сталинской “части” репрессий, жертвой которых стали многие из тех, кто эти репрессии начал в 1936–1937 гг., те, кто насиловал страну в 1920-е, кто стремился превратить русских в хворост для земшарного пожара, кто рассказывал казачество и травил рус- ских крестьян газами.

“Десталинизаторы-2011” причитают: репрессии обрушились на лучших. Это кто же лучшие? Зиновьевы, каменевы, радеки, бухарины, ненавидевшие и презиравшие русский народ? Эйхе, постышевы, тухачевские, якиры? Реп- рессии обрушились на тех, кто разбудил русское лихо. Как заметил Н. Кор- жавин в стихотворении “Наивность”: “И просто мздаю, не наказаньем пришёл к ним год тридцать седьмой”. Русский державный советско-патриотический (впервые о советском патриотизме заговорили в 1936 г.; в этом же году пе-

рестали праздновать 7 ноября как Первый день Мировой революции) ответ интернационалистам пришёл через двадцать лет после революции 1917 г. и через десять лет после сталинского поворота от мировой революции к советской державе.

Десталинизаторы проговариваются в главном: лучшие для них – это герои 1920-х годов, герои ленинской гвардии (читай: олигархии) и команда Троцкого, под влиянием которого находился Ленин в последние два года жизни. Именно в эпоху господства космополитическо-большевистской олигархии, земшарников, мир-революционеров с их нэпом хотели бы вернуться сегодняшние “либералы” – наследники троцкистов и земшарников. Да-да, сегодняшние “либералы” – это правые наследники левых интернационалистов/глобалистов и их объективных союзников из Фининтерна – правых глобалистов, так сказать, право-троцкистский блок, протянутый во времени.

Связующее звено между сегодняшними “либералами”-космополитами и левыми интернационалистами – шестидесятники, мечтавшие о возвращении во времена “ленинских норм” и “комиссаров в пыльных шлемах” – тех самых, которые уничтожали русский народ и которым этот народ в 1930-е годы адекватно ответил. Шестидесятничество – реакционная утопия советского общества, идейное оформление частичного возврата при Хрущёве во власть тех, кого Сталин из этой власти вычистил; речь идёт не столько о конкретных людях, сколько об идейных наследниках, ориентированных на “интернационализацию” России, на “общечеловеческие” (читай: западные) ценности, восхищавшихся Западом в принципе, неважно, революционным или контрреволюционным. Знаковые, хотя и разные, фигуры – Евтушенко и Юлиан Семёнов. Знаково и то, что у обоих, как утверждают знающие люди, был личный телефон Андропова, приход к власти которого готовили “либералы-интернационалисты” (в этом плане очень показательны идейные сдвиги в советской культуре во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов, во многом разрыхлившие почву для начала подготовки с середины 1970-х бригады демонтажников советского общества).

Показательно, что “всечеловеки”, будь то мир-революционеры-земшарники или сегодняшние ультралибералы-десталинизаторы, не любят русских. И вообще, и за то, что русские не хотят быть сырьём для их прогресса (ну не хотят, наглецы, сами лезть в печку – сознание у них не модернизированное), и за то, что главным образом на русских опёрся Сталин, вытесняя из власти и множа на ноль интернационал-социалистов. Разумеется, Сталин никогда не был русским националистом, каким его пытаются изобразить некоторые ретивцы, так сказать, от избытка чувств-с. Он был державником-имперцем, видевшим опасность в любом национализме, будь то украинский, грузинский, еврейский или русский (показательно: главным событием конца 1940-х годов была вовсе не раздутая позднее “борьба с космополитами”, а “ленинградское дело”, фигуранты которого подозревались в намерении создать Российскую компартию в РСФСР, то есть в русском национализме. По “ленинградке” и посажено, и к стенке было поставлено намного больше, чем за “низкопоклонство перед Западом”).

В то же время, будучи импер-социалистом, Сталин понимал, что проект Красной мировой системы, альтернативной капитализму, со своим мировым рынком, с полным вытеснением закулисы из советского руководства осуществим только при активной поддержке державообразующего народа, то есть русских. Отсюда совершенно очевидный с середины 1930-х годов курс на “национализацию” коммунизма и его интеграцию в русскую историю; ещё более решительный шаг был сделан во время войны. Во времена экс-троцкиста Хрущёва произошёл заметный откат-реванш, однако, во-первых, не до конца – всё-таки полтора десятилетия реального сталинского правления, несмотря на ряд ошибок, непослывательностей и вынужденных компромиссных действий вождя не могли пройти бесследно; во-вторых, брежневская команда в своих интересах тормознула этот процесс – официальная “интернационализация”/космополитизация советского коммунизма была замедлена (но как показали дальнейшие события, не остановлена).

Акцент, особенно после чехословацких событий, был сделан на государственно-патриотических аспектах развития СССР – но сделан нечётко и непоследовательно, что, помимо прочего, и облегчило оформление горбачёвщины. Тем не менее именно этого государственно-патриотического поворота не

могли простить Брежневу шестидесятники, диссиденты и определённая часть номенклатуры, включая прозападно-коммерциализированный сегмент ГБ. Не позволили брежневцы и модифицировать СССР на квазикапиталистический лад — этот процесс так и остался ограничен теневой частью общества, правда, он захватывал всё большую её часть и толкал ситуацию в направлении перемены мест хозяина и его тени. Особенно этот процесс ускорили “косыгинские” реформы, “разрядка” и резкий скачок цен на нефть. И это ограничение “либерализации экономики” теневой зоной тоже не могли простить Брежневу “перестройщики”, уже пришедшие к власти с идеей смены строя — сначала “нэпизации”, а затем капитализации СССР. Так исторически Сталин и Брежнев при всём различии и несопоставимости этих фигур оказались в лиге “плохих”, а Ленин, Хрущёв и, конечно же, Горбачёв — в лиге “хороших”, героев. Я не случайно говорю о различии Сталина и Брежнева и их моделей “реального социализма”, поскольку брежневская модель есть отрицание сталинизма и её торжество означает почти **полную** десталинизацию советского общества, произошедшую в конце 1960-х, “гордых и пузатых”, как точно и сочно поётся в песне “Любэ”, годов.

ФИНАЛ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ: 1960–1970-е ГОДЫ

Если Хрущёв начал частичный демонтаж сталинизма в идейной, внутри- и внешнеполитической сфере, но оставался (последним) сталинцем на пути превращения номенклатуры в “слои-для-себя”, то Брежнев завершил этот демонтаж. Он не только подтвердил номенклатуре физические гарантии существования (этого она добилась с Хрущёвым и Маленковым ещё в 1953–1956 гг.), но обеспечил социальные, а с ними — косвенно (но не прямо!) — экономические гарантии существования. Средством обеспечения стал “застой”, то есть господство горизонтальной мобильности номенклатуры над вертикальной. Брежнев в известном смысле создал если не антисталинскую, то несталинскую (постсталинскую) модель социализма.

С брежневской моделью советское общество преодолело сталинизм, произошла десталинизация, хрущёвский переходный период завершился. Поэтому все разговоры о необходимости сегодня десталинизации — заведомая ложь. Реальная десталинизация произошла при Брежневе и оказалась столь полной, а реставрация характерного для сталинизма типа отношений центра-верха с основной массой номенклатуры столь невозможной, что теперь можно было не бояться возвращения Сталина со знаком “плюс” на экраны, на страницы книг и т. д. Аналогия — принятие “Марсельезы” в качестве гимна Франции в 1870-е годы после подавления Парижской коммуны и почти столетия после революции 1789–1799 гг.

У “возвращения” Сталина был ещё один аспект — формальный. Дело в том, что Хрущёв с его волюнтаризмом разрушил многие формы бытия номенклатуры, её нормального функционирования, в определённом смысле создал хаос. Единственным порядком, который знала номенклатура, был сталинский — застойно-брежневский ещё предстояло создать. Поэтому “возвращение” Сталина (в текстах выступлений генсека, на экранах кино) было сигналом о прекращении “волюнтаризма” и восстановлении порядка во внутринаменклатурных отношениях. А вот попытки организовать содержательный возврат хотя бы элементов сталинизма пресекались быстро и эффективно, причём с использованием “научной и творческой интеллигенции” в качестве “слепых агентов” — именно так была устранена в 1967 г. группа “железного Шурика” Шелепина, сторонника возвращения к жёстким методам.

С учётом сказанного, речь должна идти не о попытках восстановить культ Сталина при Брежневе, а, напротив, о системной десталинизации номенклатуры, а потому — об исчезновении страха перед ресталинизацией; в таких условиях уже не надо бороться с противниками режима (за исключением представляющих для него опасность русских почвенников, “русистов”, как называл их Андропов), а, напротив, создавать их прозападную фракцию, расширять диссидентское движение, чем и занялось КГБ в своих ведомственных (и, если брать более широко, захватывая интересы определённой части номенклатуры — в групповых) интересах.

Экономические гарантии номенклатуры в брежневской модели, социаль-

ной опорой которой были средние слои советского общества, и которая основывалась на определённом общественном договоре между этими слоями (их технико-экономической базой была развитая индустриальная система производства и более или менее адекватный ей город), и номенклатурой, оставались функцией служебно-статусного положения последней. Реальная “экономизация” номенклатуры, к которой всё больше подталкивали её интеграция СССР в мировую капиталистическую систему, всё более сырьевая специализация советской экономики в международном разделении труда и растущая опухоль теневой экономики, могла произойти только в виде “капитализации”, то есть превращения номенклатуры в собственников. Это, в свою очередь, требовало нарушения общественного договора с народом в пользу номенклатуры и, более того, экспроприацию ею средних слоёв и огромной части рабочего класса. Средством была полная интеграция в мировой рынок, требовавшая как минимум резкого ослабления СССР, отказа от сверхдержавности — пожалуй, главного завоевания сталинской эпохи и победы в войне, сохранившегося в 1980-е годы.

Иными словами, нужно было повернуть вспять процесс, начатый Сталиным в конце 1920-х годов разгромом групп Троцкого и Бухарина, и включиться в “неолиберальную революцию” глобалистов, только не левых, а правых, и интернационализировать СССР на право-троцкистский (правый — по целям, троцкистский — по методам и отношению к населению) лад, превратив русских и другие народы СССР (но прежде всего русских — системо- и державообразующий народ) в хворост и сырьё этой “революции”. Здесь совпал экономический интерес части номенклатуры и идейные установки советских “либералов” — космополитических наследников земшарников, которые постепенно, с 1950-х годов поднимали голову, организовывались на различных основах и передавали эстафету следующему поколению советофобов, ненавидевших СССР уже не потому, что Сталин изменил идеалам мировой революции, а потому что его система не позволяет советским привилегированным слоям (“проклятой касте”, как называл их Сталин) жить, как верхушка на Западе (читай откровения В. Ерофеева и ему подобных). Как говаривал Сталин, “пойдѣшь налево — придѣшь направо”. Пришли, сменив маску. Прежним осталось одно — нелюбовь, а то и просто ненависть к России и всему русскому.

Брежневская **модель, структура** социализма создавала условия для теневого или полутеневого развития кластера либералов и “капитализаторов”. Выйти из тени мешал **социализм как система**. Значит, систему надо было уничтожить — в союзе с местными теневицами и международным капиталом (его клубами, ложами, политкругами, спецслужбами и т. п.), который испытывал в 1980-е годы серьёзнейшие трудности и в срочных жизненных интересах которого было ослабление и/или уничтожение СССР. Результат — разрушение советской системы и СССР в ходе и посредством горбачёвщины, оформившей союз антисоветских внутренних и внешних сил. Средством погрома в сфере идеологии стала десталинизация, стартовавшая в 1986 г. фильмом “Покаяние”. Главным в этом фильме был призыв к народу каяться — каяться в грехах сталинизма.

XXI ВЕК: УДАР ПО РОССИИ

Если уже брежневская модель была основана на реальной десталинизации, если перестройка под видом десталинизации уничтожила советскую систему в её уже несталинском варианте, то какие же цели может преследовать провозглашаемая сегодня десталинизация? Что это? Война с ветряными мельницами? О нет. Цели и мишени здесь вполне реальные. В объективной тенденции речь идёт об уничтожении России как государства и историко-культурного типа, цивилизации, иными словами — о попытке окончательного решения русского вопроса как в национальном, так и в классовом смысле.

1991 год стал не только реваншем антисоветчиков/антидержавников, это был ещё и классовый реванш. С большевистской прямотой и классовой ненавистью к народу (“быдлу”) его выразили ещё в перестроечное время немало авторов, например, Татьяна Толстая статьёй-репликой “Пошёл вон, мужик” (mouzhik — так в оригинале). Конечно, пошёл вон — баре “вернулись”; правда, баре больше похожи на вороватых приказчиков, а барыни в лучшем слу-

чае на злословящих кухарок, в худшем — на матерящихся проституток, но это детали: баре-то у нас, извиняйте, — советского замеса, а барыни — из дунек, которых пустили в Европу, точнее, они суть продукты разложения советского общества. А кто может хуже относиться к народу, чем те, кто выбился наверх из этого самого народа, попав из грязи в князи, точнее, второе-третье поколение выбившихся? Худший враг мужика — вчерашний мужик (инженера — инженер, лаборанта — лаборант и т. д.), усевшийся в хозяйское кресло, сбросивший старую социальную характеристику и “выбившийся в люди”. В 1870–1880-е годы об этом много писал Лесков, это — одна из красных нитей его творчества. Ну, а в 1990-е мы это увидели в “новых русских” независимо от реальной национальности последних: национальное по форме, классовое — до социал-дарвинизма, до озверения — по содержанию.

Откуда такой страх у определённой публики перед Сталиным и сталинизмом? Ведь реставрировать сталинизм, чем пугают нас особо умные, невозможно — для этого нет классовой основы. Сталинизм — это “диктатура наёмных работников доиндустриального и раннеиндустриального типа” (В. В. Крылов). По мере индустриализации, усложнения общества эта основа исчезает; уже на рубеже 1940–1950-х годов сталинизм как ранняя форма организации советского общества себя изжил. И это прекрасно понимал сам Сталин, стремившийся к модификации строя, его демократизации по линии ограничения своеобразия номенклатуры — в этом был главный смысл XIX съезда КПСС (и последовавшего за ним октябрьского, 1952 г., пленума), съезда, который сознательно замалчивается, тогда как на первый план искусственно выдвигается XX съезд КПСС — номенклатурные сатурналии, начало того пути, на котором номенклатура превратилась в класс полукриминальных собственников.

У хрущёвской десталинизации несколько ликов, за ней стоят разные силы, от которых прочерчиваются разные линии. Одна из главных — попытка тех, кто выдвинул Хрущёва и манипулировал им, вернуться в 1920-е, во времена олигархии левых глобалистов (к “ленинским нормам”), но теперь уже не для того, чтобы перевернуть капиталистический мир и отряхнуть с ног его прах, став хозяевами планеты, а чтобы интегрироваться в этот мир и войти в долю с его хозяевами — договориться с ними не на державной, советской, русской, а на земшарной основе, которую подрубил, подорвал (как оказалось, не до конца) Сталин — за это данная публика и ненавидела его больше всего. Но, как увидим ниже, не только за это: помимо державно-национального измерения было ещё два — сугубо классовое и цивилизационное.

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ — КЛАССОВО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ОРУДИЕ

С. Караганов пишет: “Моисей водил народ по пустыне 40 лет. 20 лет мы уже отбродили, если так же растратим следующие 20, то можем из пустыни так и не выйти”. Ну, про Моисея и его народ Караганову виднее, а мы поговорим о наших делах. По Караганову выходит, что за последние двадцать лет сталинизм вырос по сравнению с советским периодом, и это таинственное изменение не может не страшить людей типа Караганова и его заказчиков. То, что “десталинизаторы-2011” заярлычивают как сталинизм — это не система, а позитивное восприятие Сталина и его эпохи более чем половиной населения РФ; это массовая реакция на социально несправедливый, открыто эксплуататорский строй, заквашенный на криминале и испечённый по заокеанским лекалам, реакция на геополитическую катастрофу — на утрату державности, а в значительной степени и суверенитета (один последний визит Байдена с его наглыми “указивками” чего стоит), на стремительное ухудшение жизни, на страх перед завтрашним днём, на кривляющихся уродов и проституток в маске “VIP” на телеэкране, короче — на бурально-классовый строй в “либерально-капиталистической” упаковке. По сравнению с этим строем большинству сталинская эпоха кажется счастливым, светлым и победительным временем, которым можно гордиться. Получается, что капитализму сопротивляется не социализм, а вся русская система жизни, русский умострой, русский психопрофиль.

Русский тип — вот что встало на пути капитализма. Недаром, например, тот же Чубайс так ненавидит Достоевского, в чём не стесняется открыто признаваться. Попытка заставить русских каяться (в приверженности сталиниз-

му, в его преступлениях, в самогеноциде, в конечном счёте, за то, что они русские) есть не что иное, как стремление привить русским комплекс исторической вины и неполноценности, как это сделали с немецким народом после Второй мировой. Позиция Сталина по отношению к немцам была куда гуманнее англосаксонской, чего стоит одна фраза: “Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся”, разводящая режим и народ и тем самым снимающая проблему коллективной вины. Победила, однако, по крайней мере, для западной части Германии, иная, англосаксонская точка зрения. Не для того англосаксонские и иные международные банкиры затевали войну и вели Гитлера к власти, чтобы дать Германии встать на ноги. Ну, а чтобы получить стопроцентную гарантию, надо было постараться духовно кастрировать немцев. Ведь откровенно же заявил Черчилль в 1940 г.: “Вам следует понять, что эта война ведётся не против Гитлера или национал-социализма, а против силы и устойчивости немецкого народа, который должен быть сокрушён раз и навсегда”. Иными словами, война велась против духа немецкого народа, по принципу, как заметил К. Свасьян, “никогда больше – Шиллер”.

Аналогичным образом сразу же после окончания мировой горячей войны началась Холодная война против России и русских. Это учёные спорят, когда она началась: в январе 1946 г., в марте 1946-го? А вот американцы дают чёткий ответ на этот вопрос: на медали в честь победы в Холодной войне (“В признание вашей службы” – так называется медаль) выбиты даты 2 сентября 1945 г. (то есть последний день Второй мировой и первый день мира) – 26 декабря 1991 г. Перефразируя Черчилля, следует сказать: то была война против силы и устойчивости русского народа, который должен быть сокрушён раз и навсегда. Подобного рода мысли высказывали многие – от Даллеса до Бжезинского. Последний уже после распада СССР заметил: не надо себя обманывать, мы воевали не против коммунизма, а против России, как бы она ни называлась. Иными словами, война велась и ведётся против духа Пушкина, Толстого, Достоевского, против русского духа и типа. А ведь немцы намного ближе англосаксам, чем русские, они – часть западной цивилизации, так что нам ждать геоисторического и цивилизационного снисхождения или хотя бы понимания тем более не приходится; как пел Вертинский, “мы для них чужие навсегда”.

В то же время с нами как с немцами не получится – несмотря на все усилия дебилизирующего и пошлого (один “Комеди клуб” чего стоит) ТВ. Хотя бы потому, что мы не немцы, потому что в последней войне победили, потому, что первыми слетали в космос, потому что до сих пор ядерная держава – да и других причин много. Впрочем, англосаксы всегда готовы к силовому решению вопроса, причём не своими руками, а чужими. Ведь пообещал же всё тот же Черчилль в 1936 г., за три года до начала войны в Европе, до аншлюса и Мюнхена: “Мы навяжем Гитлеру войну, хочет он этого или нет”. Навязать, не в смысле воевать с ним – для этого не вручают австрийский золотой запас и чехословацкий военно-промышленный комплекс. Навязать – в смысле заставить воевать с кем-то или кого-то с Гитлером. Этим кем-то стал СССР. Аналогичным образом в крайнем, но вполне вероятном случае могут постараться заставить воевать РФ. Например, с Китаем. И это тоже средство решения русского, а в значительной степени, и китайского вопроса – два шара в лузу. Впрочем, надвигающиеся грозные события – на мир вообще и на Запад в частности – могут заставить западную верхушку изменить отношение к России и отказаться от “плана игры” по её разрушению и предпринять шаги, противоположные тем, что делались 25–30 лет. Но это отдельный вопрос.

Разрушение СССР и коммунизма в перестройку было штурмом передовой линии обороны русской цивилизации. Её снесли, но оказалось, что этого мало для торжества даже того ублюдочного, уродливого капитализма, который стал прорастать на нашей почве. На его пути встал русский тип – русская цивилизация. Теперь, по крайней мере, для ультралиберального сегмента новых правящих групп (НПГ), они – главная помеха и в то же время источник опасности. А потому подлежат разрушению. И средства разрушения тупо те же – десталинизация, т. е. работа по трафарету.

В 1986 г. десталинизация, старт которой дал фильм “Покаяние”, была нацелена на демонтаж социализма – под видом сталинизма. Демонтировали социализм. И опять предлагается десталинизация. Теперь под её видом попытаются демонтировать русский тип – историко-культурный и психологиче-

ский, Россию как цивилизацию, ибо в основе советизма так или иначе лежала русскость, что бы ни утверждала та часть русских националистов, для которых враг — государство российское вообще (“империя”) и СССР в частности и в особенности.

Россия — имманентно внекапиталистическая, а следовательно, антикапиталистическая система, которая порождает, пока существует, будет постоянно порождать мощное сопротивление капиталу и его хозяевам, порождать его экзистенциально. Ибо для России и русских капитализм — это смерть, это “ЗД” — депопуляция, дерусификация, деградация (тотальная — власти, общества, экономики и культуры). Отсюда ненависть буржуинов, прежде всего, российских к России и русским — национальная по форме, классовая по содержанию. Проект “десталинизаторов-2011” в области массовой психологии и политики не случайно появился одновременно с докладом ИНСОП, посвящённым экономическим планам “ультралиберального” сегмента НПГ и напоминающим разговоры Лисы Алисы и Кота Базилио о золотых, которые надо закопать на Поле Чудес (помойке) в Стране Дураков, — это две стороны одной медали. Стихийный “сталинизм” населения — ответ на эту ненависть и тающуюся в ней угрозу, интуитивное понимание того, в какой стороне искать спасения от “прогрессоров”, работающих по принципу “для вас — и рубашка с вас” и подталкивающих к пропасти.

В борьбе буржуинов и их плохишей из местных против России и русских главный удар планируется нанести по сознанию, нанести поражение в сфере культуры. Последнее, как верно заметил Жан Франсуа Ревель, является самым унижительным и, добавлю я, обезволивающим — в этом смысл и задача призывов “каяться”. “Модернизация сознания” — это попытка изменить его таким образом, чтобы заставить русских принять капитализм, социальную несправедливость и лишит духовного каркаса сопротивления. “Сталинизм” — это такой ярлык, который можно будет навесить на любой критический анализ постсоветского общества и механизма его возникновения, не говоря уже о социальной критике или тем более сопротивлении.

Ярлык “сталинизм” также может служить предупреждением, негативным сигналом для той части постсоветских верхов, которая, решая свои проблемы, попытается ужесточить контроль над НПГ, вытеснив ультралибералов, и приступить к реальной модернизации страны, которая возможна только как мобилизация, как формирование мобилизующего стратегического субъекта с чрезвычайными полномочиями. Вот для этого последнего и заготовлена наклейка “сталинизм”, его-то возникновение и призваны пресечь репрессии в виде запрета на профессию. Но тем самым десталинизаторы способствуют оформлению такого субъекта — как, по признанию Троцкого, гражданская война способствовала превращению большевистского режима из совокупности разобщённых “кубиков” в монолит; аналогичным образом опасность со стороны левых создала блок фронтовиков и “правых” в Германии осенью 1919 г., тогда как отсутствие непосредственных врагов у немецких “левых” в том же 1919 г. лишило революцию цели — не за что и не против кого. “Десталинизаторы-2011” по сути предлагают власти проект подковёрной холодной гражданской войны против большей части населения. Ну что же, как говорится, ищите и обряцете, стучите и отверзнется. Причём отверзнется может так, что мало не покажется. Ведь вряд ли те, кто в 1920-е годы хотел искоренить “идиотизм русской жизни” и чертил “ножами по живому телу” (Н. Коржавин), думали о том, как ответит на насилие русская история десять лет спустя. Всё-таки надо учить уроки истории.

К контрпродуктивному аспекту деятельности десталинизаторов я ещё вернусь, а сейчас — о чисто психологическом аспекте “десталинизации-2011”. Достижения СССР находятся за пределами возможностей НПГ РФ, они — источник их комплекса исторической неполноценности, несостоятельности, а потому их надо обгадить, а память об СССР — об обществе с установкой на социальную справедливость, высокую культуру и мораль, об обществе с ответственными верхами и народом-творцом — стереть. Средство стирания — объявление всего советского прошлого сплошным “самогеноцидом”, “сталинизмом”, “пороком”. Даже творческого характера системы, её ориентации на человека-творца (в любой сфере) как на идеал не могут простить советской власти сегодняшние бездари — до такой степени, что само стремление создать человека-творца объявляется порочным. Так, в недавнем интервью

“МК” министр А. А. Фурсенко заявил, что пороком советской системы образования было стремление создать человека-творца, тогда как задача образования РФ – создать квалифицированного потребителя, способного пользоваться результатами труда других.

Комментарии излишни. Так выражаться может только начальник конторы “Похоронное бюро российского образования”. Впрочем, не есть ли это лишь сектор более крупного похоронного бюро, и не впору ли этому бюро задуматься о переходе на самообслуживание?

Незадолго до смерти Сталин заметил, что, когда он умрёт, на его могилу нанесут много грязи, но со временем поднимется ветер и разметает её. То же можно сказать о Советском Союзе, о Красном державном проекте как отрицании одновременно и капитализма, и перманентной мировой антикапиталистической революции и земшарной республики (отсюда – “любовь” к Сталину как правых, так и левых глобалистов). С середины 1980-х годов на советское прошлое, в котором было много недостатков (ведь откуда-то вылезли “герои перестройки” и 1990-х годов), нанесено много грязи, но чем дольше существует постсоветский режим, тем меньше верят этой грязи, тем больше интерес к опыту и достижениям СССР, тем больше уважения и восхищения перед Красным проектом и его Генеральным Конструктором. Тем мощнее становится то, что Караганов в страхе назвал растущим “сталинизмом”. Реальные достижения СССР как апогея развития русской цивилизации, подлинно мировой фазы её развития – вот в чём Великая Тайна (военная и мирная) советизма/сталинизма, которую никак не могут разгадать буржуины и их холуи, вот тот тайный ход, по которому пойдёт “неминучая погибель” (А. Гайдар) буржуинов и плохишей.

Советская власть с её заявляемым упором на социальную справедливость, с её стремлением к эгалитаризму, высокой моралью и, что ещё более важно, реальными огромными достижениями на **этой** основе – укор нечистой совести постсоветских новых хозяев, НПГ, плавно перетекающих в ОПГ, и их интеллектуальной обслуги, всем обязанной советской власти, которую они сегодня поливают грязью. Чистое и светлое нужно втоптать в грязь, творца заменить потребителем-вором и таким образом попытаться заблокировать возникновение в России нового созидательного проекта. Десталинизаторы смерть как боятся нового Большого Красного проекта. В истории, однако, не бывает ни реставраций, ни повторений. Новый созидательный проект придёт не как красный, хотя будет им по сути. И придёт он не с той стороны, откуда ждут, и не в той форме, которой опасаются. И субъект стратегического действия этого проекта будет неожиданным, а ещё более неожиданными – его союзники.

“Десталинизаторы-2011” стараются предотвратить возрождение Большого Красного проекта. Болезненные, “красные” придут под другими знамёнами (при этом импульс, возможно, придёт не из России и уж, конечно, не из Китая, которого так боятся десталинизаторы), и, работая против этого проекта, десталинизаторы объективно приближают приход нового строя, т.е. **объективно** работают в качестве то ли наводчиков, то ли могильщиков против своих хозяев. “Ты хорошо роешь, старый крот”, – обращался к Истории в таких случаях Карл Маркс. У нас не Крот – кротята. И они действительно против своей воли и, возможно, воли хозяев, но по воле и логике Истории роют в ту сторону, где Сталин, Берия – “и ещё не весь развёрнут список” (М. Волошин), многие другие страхи, кошмары и фобии. В этом и заключается то, что Гегель называл “коварством истории”. Коварная дама уже включила счётчик. Про знаки на стене я молчу – как говаривал один замечательный деятель русской истории, кто не слеп, тот видит.

МАТЧБОЛ

Итак, в сухом остатке. Программа “десталинизация-2011” построена на фундаменте из вопиющих противоречий, демонстрирующих когнитивный диссонанс её авторов. Для неё характерно полное игнорирование – от незнания или сознательное – важнейших достижений отечественной и зарубежной науки последних десятилетий в области изучения сталинской эпохи; в этом плане “десталинизаторы-2011” остались на уровне примитива хрущёвского доклада на XX съезде и злобной антисоветчины эпохи разгара Холодной войны.

Элементарный анализ советской истории показывает, что десталинизация была завершена за десятилетие, если не больше, до перестройки, а жупел “сталинизм” перестройщики использовали для демонтажа СССР, экспроприации народной собственности и возведения того строя, пассивное сопротивление которому сегодня всё больше отливается в позитивное отношение к сталинской эпохе с её историческими победами, к самому Сталину, фигура которого в общественном сознании обретает грандиозный масштаб и подобно Медному Всаднику преследует наших обезумевших от страха, “евгениев”.

Больше всего нарастающий протест волнует, естественно, ультралибералов. На превентивное подавление сопротивления снизу, с одной стороны, и попыток изменить вектор развития РФ сверху, с другой, и направлена “десталинизация-2011” в том виде, в которой её произвели на свет “неразумные хазары”. И это неудивительно: если у ультралибералов люди с уровнем интеллекта Гайдара-внука – светочи и гуру, то что же говорить о “рядовых”.

Главная мишень десталинизации, как об этом пишут её авторы, – сознание, которое нужно модернизировать, т. е. русское неприятие капитализма и социальной несправедливости. Т. е. мишень – русские ценности, принципы, на которых зиждется русская цивилизация, вне- и антикапиталистическая по своей сути. Так совпадают русофобия и ультракапиталистический классовый дарвинизм в “либеральной” обёртке – в кавычках, поскольку разница между этим “либерализмом” с большой дороги и либерализмом такая же, как между Гручо Марксом и Карлом Марксом.

Но, может, “десталинизаторы-2011” не понимают всех последствий реализации своего проекта, не разумеют его настоящих целей, скрывающихся за ним интересов и мотивов, скрытых шифров, эдакие наивные вольтеровские “кандиды”? Тогда будем надеяться, что эти заметки откроют им глаза, им станет стыдно перед людьми, и они переродятся, ну, например, как Жан Вальжан из “Отверженных” или, на худой конец, как герои индийских мелодрам – ведь никогда не поздно потянуться к добру и свету. В этом случае они по собственной же логике (необходимость покаяния, замирения и проч.) должны покаяться и поставить вопрос о моральной и, главное, политико-правовой оценке горбачёвщины и особенно ельцинщины как форм либерально-криминальных репрессий, как макроразбоя, как преступления против русской государственности и русской цивилизации, как массового истребления их носителей. Следующий шаг, по логике десталинизаторов (в случае их искреннего раскаяния, разумеется) – требования установления мемориала жертвам либерально-криминальной революции 1990-х годов и созданного ею строя. Почему-то эти жертвы сострадания у “десталинизаторов-2011” не вызывают. Или за горбачёвщину и ельцинщину ответствен всё тот же Сталин? Молчат десталинизаторы. Ну что же, как говорил герой одного знаменитого советского фильма, “чем дольше пауза, тем больше она против вас”.

Ну и, наконец, в качестве десерта, а точнее, опричнины – следующее. Я не оговорился, ибо четвёртое (а может, и первое) значение слова “опричнина” (“опришнина”) – это самое лакомое блюдо, которое вносят после ухода основной массы гостей и которым хозяин потчует избранных “лутчих людей”. О произведении авторов-исполнителей “десталинизации-2011” уже сказано – топорная работа недоучек, не прошедших курсов логики и истории (здесь, пожалуй, с творением наших подопечных может сравниться только инсоровские доклады – работы такого уровня А. Зиновьев квалифицировал как “балет безногих”); работа, подставляющая не только их, но и заказчиков. На месте этих последних я бы федотовых-карагановых погнал взащей за профнепригодность. А что же заказчики? Неужели не улавливают ситуацию, её изменение в стране и в мире? Неужели их взгляд на мир настолько узок? Здесь, не обладая инсайдерской информацией, можно только гадать, прислушаться к некоторым мнениям и порассуждать на их тему.

Например, некоторые полагают, что десталинизация якобы затеяна, помимо прочего, для удара по “силовикам-чекистам” (запрет на профессию, люстрации и прочее) плюс – косвенно – по Красному Китаю, на который эти силовики якобы ориентируются. Если это так, то всё это очень странно. Во-первых, нет у нас сегодня чекистов из сталинской эпохи, нынешние – родом из перестроечного, в лучшем случае позднесоветского “полукоммерческого” “детства” и принадлежат к тому ведомству, немало структур которого сыграли значительную роль в развале СССР.

Во-вторых, Сталин здесь явно неподходящая, амбивалентная, как сказали бы учёные люди, фигура. Дело в том, что именно Сталин дважды громил чекистов в 1930-е годы, да и в 1940-е кое-что успел. В этом плане его можно использовать и так, и эдак, и скорее эдак, чем так. Некоторые высказывают предположение, что десталинизация, особенно если её направить в определённое русло, может позволить той части олигархов (и их обслуге), которая родом из “гэбэшного детства”, т. е. является назначенцами на роль “капиталистов”, “правозащитников”, “ультралибералов”, полностью отвязаться от кураторов (или их наследников-смотрящих) и, избавившись от страха, начать пользоваться полученным когда-то богатством на полную катушку – без тормозов, в духе того буйства, что изображено на некоторых коллажах Андрея Будаева.

Если за этим предположением действительно есть резон, то: а) десталинизацию ещё нужно суметь направить в это “определённое” русло; б) наивно полагать, что можно отвязаться от роли, ценой которой стала продажа души: “коготок увяз, всей птичке пропасть”, поэтому лучше сидеть и не чирикать. Но, думаю, “назначенцы” не наивны и прекрасно понимают, что такое “пределы роста” и что те, кого они так опасаются, были в первых рядах десталинизации в 1980-е годы. Так что если “десталинизация-2011” затеяна для освобождения кого-то от повода, то это артель “Напрасный труд”.

Далее. В случае укрепления РФ и тем более превращения её в новую историческую Россию власти понадобится новый коллективный исторический миф, и тогда Сталин, его эпоха по определению займут в нём одно из главных мест. Кто-то скажет: да никогда нынешняя власть этого не допустит. Не нынешняя власть в целом, поправлю я, а её ультралиберальный сегмент, время которого близится к концу и который прекрасно это понимает, иначе не стал бы дёргаться с “десталинизацией-2011” – нервишки-с. А часики-то – тик-так, тик-так. Собственно, разрушение РФ – последний отчаянный шанс этой публики, поскольку любое укрепление центральной власти (а оно не может быть реализовано ни на ультралиберальных рельсах, ни на балансе между социальной и ультралиберальной ориентациями) поставит не только вопрос “что делать?”, но и “кто виноват?” в результатах последнего двадцатилетия, и за преступлением должно будет последовать наказание. Тик-так, тик-так.

С учётом **такой** перспективы развалить РФ, **таким** образом, спрятав концы в воду, для многих ультралибералов единственный способ не сесть на скамью подсудимых. Аналогичный мотив был у части тех дельцов, которые разваливали СССР, скрывая в геополитической катастрофе последствия организованной ими с целью обогащения катастрофы геоэкономической. В этом смысле правы те, кто чувствует в сегодняшней атмосфере гниловатый, трупный запах перестройки – теперь перестройки-2. Но времена иные, чем 1980-е, когда “неолиберальная революция”, интегральной частью которой стали горбачёвщина и ельцинщина, только начиналась. Сегодня неолиберальная революция, достигнув целого ряда целей, исчерпала себя не только в РФ, но и во всём мире – “но их бедой была победа – за ней открылась пустота” (Н. Коржавин).

Матчбол.

Как говорил Шерлок Холмс в рассказе “Его прощальный поклон”, написанном аккурат в 1917 г., “...скоро поднимется такой восточный ветер, который ещё не дул... Холодный, сколючий ветер... и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но... когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее”.

КСЕНИЯ МЯЛО

В ЗЕРКАЛЕ ЮБИЛЕЯ

На каракозовский выстрел, которым весной 1866 года был открыт продолжительный сезон охоты на императора Александра II, едва ли не самый взволнованный отклик пришёл из Соединённых Штатов Америки (или, как было принято говорить тогда, Северо-Американских Соединённых Штатов). 4 мая Конгресс провёл специальное заседание, на котором, выразив сожаление по поводу покушения, “совершённого врагами освобождения”, постановил: от имени американского народа “приветствовать его императорское величество и русский народ и поздравить семьдесят миллионов крепостных с провиденциальным избавлением от опасности государя, разуму и сердцу которого они обязаны благословениями своей свободы” (С. С. Татищев. “Император Александр II. Его жизнь и царствование”. Спб, 1903, т. 2, с. 12–13).

Для вручения этого послания российскому императору снаряжено было целое посольство, которое в конце июля того же года на броненосце “Миантаномо”, одном из первых судов такого типа, построенных в Америке, прибыло в Кронштадт и спустя несколько дней было принято Александром II в Петергофе. На этой встрече глава делегации Густав Фокс произнёс прочувствованную речь, которая и сегодня, в год 150-летия отмены крепостного права в России, может представлять для нас немалый интерес: ведь Фокс коснулся как раз той стороны события, о которой сама Россия давно и столь прочно забыла, что не вспомнила о ней даже в дни юбилея.

“В качестве членов великой семьи народов, — говорил тогда Фокс, — мы с радостью воздаём дань уважения высокому делу человеколюбия, о котором преимущественно упоминается в постановлении Конгресса. Миротлюбивые повеления высокопросвещённого государя одержали над наследием варварских времён победу, которой наша западная республика достигла после долгих лет кровопролития...”

Речь, конечно, о гражданской войне между Севером и Югом, 150-летие начала которой в США уже начали отмечать (причём весьма торжественно) в этом же, столь богатом на памятные даты 2011 году и на ход и исход которой заметно повлияло тогда прибытие русских военных кораблей к американским берегам, предотвратившее вмешательство Англии и Франции на стороне южан. За полтора столетия, конечно, столь многое изменилось в русско-американских отношениях, что в наши дни сама искренность речи Фокса может вызывать сомнения, а напоминание главой американской парламентской делегации о гражданской войне — побудить умы скептические и практичные к тому, чтобы за столь горячим откликом Конгресса на выстрел у Летнего сада поискать мотивы сугубо прагматические. Например, желание укрепить союз с Российской империей, место которой “в концерте великих держав” к середине позапрошлого столетия было уже общепризнанным, более значитель-

ным и весомым, нежели место начинавших своё восхождение Соединённых Штатов. Однако если такие соображения и присутствовали за действиями Конгресса, как, несомненно, прагматические мотивы присутствовали и в решении русской монархии поддержать заокеанскую демократию, то вряд ли они были решающими.

И всё же так упрощённо картина тогдашних событий может видеться лишь на расстоянии миновавших с тех пор лет и в свете резко изменившихся с той поры отношений между двумя державами, а события должны оцениваться в целостном контексте их эпохи. И что до России, то хотя сегодня само решение русского правительства поддержать “янки”, заметно поспособствовавшее укреплению грядущей державы-соперницы, может показаться ошибкой, вряд ли можно представить себе, чтобы она, только что совершившая великое дело освобождения крепостных, могла поддержать – даже одной только пассивностью – рабовладельцев, не взорвав изнутри самой себя. К тому же Англия и Франция в то время были настроены по отношению к России гораздо более враждебно, нежели Соединённые Штаты, где уже укрепившийся в Европе и приобретший характер не подвергаемой сомнению догмы взгляд на Россию как на “жандарма”, душительницу всех и всяческих свобод, вовсе не был доминирующим. Ему противостояла довольно сильная русофильская тенденция, которую прибытие русских кораблей только укрепило. Чему немало поспособствовал сам Линкольн, обратившийся тогда с личной просьбой прочитать серию лекций по русской тематике к известному американскому дипломату и русофилу Б. Тейлору и завещавший американцам хранить традицию дружественного сотрудничества с Россией как благотворную для самих Соединённых Штатов.

Настроения эти оставались заметно выраженными (а по некоторым оценкам – даже преобладающими) в течение некоторого времени и после гибели президента, что, конечно, не могло не сказываться на внешнеполитическом курсе страны. Ибо, как отметила историк В. И. Журавлёва на международной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения Линкольна, “русифилы не разделяли идею переделывания России, превращения её в объект миссии американцев по демократизации мира, не демонизировали её политический режим”, а скорее стремились постичь её, по выражению известной переводчицы русской классической литературы американки Изабеллы Хэпгуд, “зрением сердца” (Авраам Линкольн. Уроки истории и современность. М., 2010, с. 176).

Резкая перемена обозначилась к концу позапрошлого столетия, и произошла она не без заметных усилий со стороны наиболее радикальной части самого русского общества. Первым шагом в этом направлении можно скорее всего считать письмо ЦК партии “Народная воля” к американскому народу от 25 октября (6 ноября) 1880 года. Немалый вклад внёс также бывший народо-волец, писатель С. Степняк-Кравчинский во время своего пропагандистского турне по Штатам. Именно тогда и не без влияния его выступлений было основано Американское общество друзей русской свободы, чья идеология полностью порывала с традицией, восходящей к предыдущей эпохе. Нет сомнения в том, что для такого поворота существовали и внутренние причины в самой Америке, однако невозможно отрицать, что образ нашей страны как “империи зла”, к концу XX века превратившийся в главный фокус американского восприятия России, взращивался и выхаживался не без больших стараний со стороны определённых сил внутри неё самой. И нетрудно заметить сходство этой тактики с той, к которой в начале минувшего столетия так охотно прибегло большевистское руководство, а в конце его обратились советские диссиденты.

Однако в середине 60-х годов XIX века вряд ли даже и сами русские могли предвидеть, как укоренится в нашей национальной психологии это низменное, недостойное любого народа искушение искать поддержки “за кордоном”, не брезгая союзами даже с самыми откровенными врагами собственного отечества и буквально призывая “мавров на Испанию родную”.

Тем более не могли предполагать ничего подобного члены американской делегации, чья память спустя лишь год после окончания братоубийства ещё обильно кровоточила. И то, что императору Александру удалось совершить сходное дело освобождения рабов, избежав гражданской войны, не могло не представляться им почти чудом. Чудом, так и не оценённым самой Россией, но очевидным для американцев, всего лишь год назад потрясённым ещё одним событием, которое почти совпало с окончанием войны и при воспомина-

нии о котором разделяемая с русскими радость не могла не смешиваться с острой болью. Этой боли и не пытался скрыть Фокс, продолжая свою речь, — он говорил так, как говорят, будучи и впрямь уверенными во взаимопонимании “на уровне сердца”: “Опасность, от которой благодать Провидения предохранила ваше величество, вызывает воспоминание глубокой скорби, преисполнившей столь недавно все прямодушные сердца в нашем отечестве, во время внезапной гибели нашего главы, нашего руководителя и отца. Мы благодарим Бога, что подобный удар был отвращён от наших друзей и союзников, от русского народа”.

Речь шла, конечно, об Аврааме Линкольне, и американцам, поставившим в один почётный ряд эти два имени (и по сей день остающимися единственными, кто сделал это), надо думать, представлялось естественным заключить, что посягнуть на жизнь освободителя рабов могли только упомянутые Конгрессом “враги освобождения”.

Но многие ли в самой России догадывались тогда о том, каким окажется конец пути императора Александра II? О том, что его ждёт не классически ясная (“великолепная”, по выражению Герцена) смерть, которой пал Линкольн, но что ему доведётся претерпеть не только мученичество, но и поругание? И о том, что гибельный удар будет нанесён из сумрачного подполья, где в противоестественный клубок сплелись спецслужбы и террористы?

Вот ведь даже опытейший вице-канцлер А. М. Горчаков на прощальном обеде в честь американских гостей, устроенном в петербургском Английском собрании, счёл нужным деликатно указать им на допущенную Конгрессом неточность: в России, заметил он, нет “врагов эмансипации”, а “безумец, совершивший преступление, нисколько не солидарен с дворянством”, которое, по словам князя, с не меньшим восторгом, нежели бывшие крепостные, приветствовало освобождение. Глядя из нашего времени, трудно, конечно, судить, насколько сам Горчаков верил в версию индивидуального безумия и зачем золотил пилюлю, настаивая на единодушном восторге дворянства по поводу отмены крепостного права. Ведь он уже по самому своему статусу не мог не знать, например, о том одобрении, с каким Александр ещё в 1855 году отнёсся к составленной известным общественным деятелем умеренно либерального толка К. Кавелиным “Записке об освобождении крестьян в России”, в которой тот предлагал освобождение крестьян с землёй посредством выкупа её государством. И о том, что вскоре после этого автор “Записки” был приглашён стать воспитателем наследника престола Николая. Если же реформа не была проведена в такой исключительно благоприятной для крестьянства форме, то не потому ли, что устремления монарха натолкнулись на глухую стену непонимания и сопротивления со стороны немалой, если не большей части дворян? По крайней мере, сам Кавелин позже напишет: “Вспомните поучительный факт, что в вопросе об освобождении крестьян высшее правительство стало с самого начала на гораздо более либеральную, верную и патристическую точку зрения, чем вся масса дворянства... Ведь государь был совершенно прав, когда сказал московскому дворянству, а в его лице и всему русскому: “Я опередил вас на пятьдесят лет”...” (Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989, с. 441)

Не мог не замечать Горчаков и другого: того, как заметно тяжелела вся общественная атмосфера в России и как с пришествием “новых людей”, разnochинцев-нигилистов, в прошлое уходила и уже даже выставлялась на посмеяние та эпоха идеалистических упований, в духе которой воспитывал своего питомца В. А. Жуковский. Царь, готовый осуществить то “мание”, о котором мечтал Пушкин, и страна трагически разминутись во времени, и настроения сгущались совсем иные. О чём красноречиво говорило уже то холодное равнодушие, чтобы не сказать жестокость, с которым русское просвещённое общество встретило постигшее царскую семью несчастье: безвременную кончину наследника престола Николая Александровича, почти совпавшую с гибелью Линкольна. В равнодушии этом Герцен даже увидел знамение приближающегося конца династии, а цензор А. В. Никитенко записал в своём знаменитом дневнике: “Официальные соболезнования по поводу кончины наследника просто померкли перед выражениями скорби, вызванной убийством великого гражданина”.

Но почему, собственно, одно должно было вытеснять другое? Ведь и полученное цесаревичем Николаем воспитание, и уже обнаруженные им личные

качества позволяли ожидать в нём достойного продолжателя начатого отцом дела. Однако как раз сходство этого дела с тем, которое совершил Линкольн, на чём так горячо настаивали американцы, Россия предпочла не заметить, и её равнодушие к смерти наследника, конечно же, прежде всего адресовалось отцу. Было своего рода предвестием того нездорового азарта, с которым страна будет затем наблюдать, как покушение следует за покушением, куда не наступит финал.

“Освободить одним росчерком своего пера миллионы рабов и, подобно затравленному зверю, погибнуть в центре собственной столицы – какая судьба!” – так откликнулся на убийство Александра II один иностранный дипломат, сумевший в одну фразу вместить весь трагизм этой судьбы. Столь сходной с судьбой Линкольна вначале их общего пути и столь разительно несхожей в конце. Ни стекающихся к траурному поезду толп, ни уитменовской “упавшей звезды” – ничего, хотя бы отдалённо напоминающего проводы Америкой того, кто сразу же – не формально, а по зову сердца и в нарушение всех республиканских канонов – был назван “отцом”. И даже Лев Толстой, этот сверхчуткий барометр общественных настроений, не был, по его собственным словам, особенно впечатлён убийством царя-освободителя. А будь иначе – иной, как знать, могла бы оказаться и судьба его обращения к новому монарху, иным, более близким по духу к наследию отца могло бы стать и само царствование Александра III.

Но летом 1866 года до рокового в истории России 1 марта оставалось ещё 15 лет, контуры грядущих событий почти или вовсе не просматривались, и Горчаков, не задержавшись на вопросе о “врагах освобождения”, главный пафос своей речи сосредоточил на другом – на той особой близости, которая в 60-х годах XIX века на краткий срок соединила два столь удалённых – не только географически – друг от друга народа. Ощущение её было разлито в воздухе, так что, возможно, прибывший тогда же в Петербург новый посол США С. Камерон не был уж вовсе неискренним, когда заявил по прибытии в русскую столицу: “Россия и США две единственные великие державы на свете, дружбе которых никогда не может повредить столкновение интересов” (С. Семанов. А. М. Горчаков. Русский дипломат XIX в. М., 1962, с. 68).

Горчаков же, друг Пушкина, тот самый, “кому последний день Лицея торжествовать придётся одному”, почтив память Линкольна, на языке скорее поэзии, нежели политики и дипломатии, запечатлел мгновение беспримесной чистоты и открытости взаимных чувств, пережитое участниками прощальной встречи в Английском собрании. “Когда наши американские друзья возвращаются домой, – напутствовал он, – я желаю, чтобы они сохранили те самые чувства, что оставляют нам; пусть передадут они своим соотечественникам, что великий народ никогда не забудет, что в истории двух стран была минута, когда мы и наши американские друзья жили одной жизнью, когда они разделяли и наши тревоги, и нашу радость”.

От этих слов исходит отдалённое веяние “садов Лицея”, с их романтическим культом бескорыстной дружбы, свободы и высокого служения, и сегодня, читая их, можно скептически усмехнуться, на худой конец, недоумённо пожать плечами: “А при чём здесь американцы?” И в самом деле, в нынешней Америке, стремящейся перевоспитать весь мир “Томагавками”, трудно опознать наследницу того удивительного, никогда более не повторившегося вечера в Северной Пальмире, на который ещё ложился закатный свет пушкинской эпохи. Однако будем честны перед собой: разве можно и в нынешней России опознать преемницу пушкинских идеалов? Но сто пятьдесят лет назад, пожалуй, только на таком языке, исполненном чистосердечной исповедальности и пафоса, могло найти выражение то общее, что на краткий срок – по историческим меркам, действительно на “минуту”, – связав Россию и США своеобразным духовным соратничеством, предопределило их совершенно особое место в многотрудной борьбе человечества за преодоление рабства. Именно в этих двух странах, причём совершенно независимо друг от друга, уже близившийся к завершению – по крайней мере, в пределах христианской ойкумены – процесс юридического запрещения рабовладения был поднят на уровень исполнения высшего долга, получил необыкновенно яркую нравственную и даже религиозную окраску.

Религиозную, конечно, не в сугубо церковном значении этого слова, чего в Америке не могло быть уже в силу особенностей устройства её религиозной

жизни, не требовавшего единого центра. В России такой центр существовал, им была строго иерархически организованная и веками слитая с жизнью страны православная церковь, которая, конечно, по своему потенциалу могла бы взять на себя роль духовного руководителя народа на его пути к освобождению. Могла бы – но, как уже на закате монархии, в 1906 году, писал священник В. Рюминский, за “все тяжкие, долгие годы крепостного права” она ни разу не возвысила своего голоса против него, не заговорила с амвона о том, что “стыдно, противно Христову учению – порабощение одних людей другими”.

Эта ясная и евангельски простая мысль о связи собственного человеческого достоинства со свободой другого человека, в Соединённых Штатах наиболее полное и совершенное выражение нашла в аболиционизме – самом, наверное, благородном и чистом движении, которое когда-либо породила эта страна. И вот парадокс: охватывая, в основном, социальный слой (фермеров, провинциальных врачей, учителей, мастеровых, литераторов, бродячих проповедников), схожий с тем, который в России было принято именовать разночинцами, аболиционизм по основному строю мыслей и чувств этих людей, по самой их манере выражать свои мысли и чувства был гораздо ближе к русским идеалистам 20–30-годов, нежели к разночинцам-нигилистам 60–70-х. Ближе, можно сказать, к Степану Трофимовичу, нежели к Петру Степановичу Верховенскому. С той разницей, конечно, что здесь идеализм вовсе не был помехой социальной действительности, а чувствительность могла сочетаться с суровым библейским пафосом обличения греха – таким, как в предсмертных словах знаменитого Джона Брауна, белого фермера из Канзаса, возглавившего одно из крупнейших восстаний рабов и в 1859 году повешенного в Чарльстоне: “Я теперь совершенно уверен, что только кровь может смыть преступление этой греховой страны”. Два года спустя началась Гражданская война.

В среде аболиционистов родилась и выросла дочь пастора Г. Бичер-Стоу, чья в своё время потрясая не только Америку, но и Европу и Россию “Хижина дяди Тома”, теперь интересующая в основном литературоведов, была исполнена чувства, приоритетность которого во всей цепи событий обозначил сам Линкольн при первой встрече с писательницей: “Так вот та маленькая женщина, которая развязала такую большую войну!”

В России, с исключительной в ней ролью светской культуры в осознании нравственной нестерпимости крепостного права, сходное чувство, “жгучее, святое беспокойство” (Некрасов) за участь униженных, обесправленных, попранных и порабощённых впервые выразило себя голосом Радищева: “Я взглянул окрест меня...” Теме более чем на полвека предстояло стать осевой в русской литературе, и под пером Тургенева или Григоровича вопрос о крепостном праве всё очевиднее разворачивался в вопрос о судьбе самой России. На свой лад уловило эту связь и III Отделение, которое, будучи, конечно, мало озабоченным нравственной стороной вопроса и страданиями какого-то там “Антон-горемыки”, однако по долгу службы отслеживая то, что могло угрожать безопасности державы, в 1839 году, когда крестьянские волнения охватили двенадцать губерний, отметило в своём отчёте, что “крепостное состояние есть пороховой погреб над государством”.

Вряд ли можно сомневаться, что опасность подобного положения дел осознавал сам Николай I, как и его предшественники осознавали губительность для державы той части петровского наследия, о которой нелицеприятно высказался даже и такой почитатель царя-плотника, как Пушкин: “История представляет около его всеобщее рабство”. Необходимейшим условием преодоления его “умнейший муж России” там же, в “Заметках по истории XVIII века”, назвал именно освобождение крестьян. Конечно, это понимали и монархи – понимали, но всё-таки, опасаясь смуты, медлили, откладывали решение, вся непомерная тяжесть которого легла в конце концов на царя Александра Николаевича, нашего в себе мужество принять вызов истории. Потомкам остаётся только гадать, что побудило именно его к столь решительному шагу, но в ряду многочисленных, выдвинутых в этой связи версий мне самой неубедительной и даже ущербной представляется как раз самая расхожая из них, согласно которой определяющая роль принадлежала поражению России в Крымской войне. Сделавшему сверхактуальной “модернизацию России” – именно так, подтягивая сюжет к злобе дня, высказались в дни 150-летия отмены крепостного права некоторые из тех немногих, кто не счёл возможным вообще замолчать эту дату.

Ясно, что при таком, сугубо прагматическом, чтобы не сказать конъюнктурном, подходе полностью отпадает за ненадобностью вся нравственно-религиозная сторона вопроса, всё, связанное со “страданиями человеческими” и чувствами уязвляемой ими души. А потому сказать, что подобная картина являет нам всю полноту истины — значит сильно погрешить против истины. Ведь об опасности крепостного состояния народа для самой российской государственности, об угрозе взрыва того самого “порохового погреба”, с гораздо большей силой, нежели тягостное, но отнюдь не смертельное для страны поражение в Крыму, давно свидетельствовали многочисленные крестьянские бунты и прежде всего наиболее грозный из них — Пугачёвский. Однако ни Екатерина II, ни её внук Александр I так и не переступили черту. Как не переступил её и Николай I, не сумевший разглядеть в восстании декабристов не только мятеж, но проявление назревающего в стране — теперь уже и в самых высоких социальных слоях — отторжения рабства.

Не следует к тому же забывать, что наследник Николая вступил на престол уже вполне зрелым, сложившимся человеком, вряд ли склонным принимать одномоментные решения по столь важной и сложной проблеме. И коль скоро он тотчас же по короновании заявил о своём твёрдом намерении покончить с “крепостным состоянием народа”, мы вправе заключить, что он уже шёл к трону с этой своей “королевской идеей” (Ибсен) и что она давно вызревала в его душе. В этом он опережал своего великого заокеанского современника, чьей “королевской идеей” на первых порах стало сохранение целостности страны, поставленной под угрозу отложением южных штатов. О чём сам Линкольн и заявил в инаугурационном обращении к нации, прямо и чётко обозначив в нём свои приоритеты: “Я считаю, что в соответствии с всеобщим законом и Конституцией Союз наших штатов вечен... На основании закона никакой штат не может выйти из Союза”. И далее: “Я не имею ни прямого, ни косвенного намерения нарушать установления рабовладения в тех штатах, где оно существует. Я считаю, что закон не предоставляет право сделать это, да и желания такого у меня нет”. (Цит. по: Р. Ф. Иванов. Авраам Линкольн и гражданская война в США. М., “Наука”, 1964, с. 190. Курсив мой. — К. М.) Тогда же вступивший в должность президент заверил, что закон о выдаче беглых рабов будет неукоснительно соблюдаться, и это вскоре было подтверждено делом: так, в апреле 1861 года (т. е. уже после того, как Манифест 19 февраля был оглашён по всем российским губерниям) состоялась выдача рабов их владельцам, притом — в Спрингфилде, неподалеку от резиденции самого Линкольна. Выдачи продолжались и впредь, вызывая растущее негодование абolicционистов, но отнюдь не склоняя к уступчивости мятежные южные штаты. И тогда Рубикон был перейдён и американским президентом: 1 января 1863 года силу закона, несмотря на упорное сопротивление части Конгресса, получила Прокламация об освобождении рабов.

Такова была последовательность событий в США, что нисколько, однако, не помешало русскому просвещённому обществу уже в середине 60-х годов лучшие порывы своего сердца направлять за океан, одновременно всё более едко и жестоко глумясь над царём Александром и ославляя его “тираном”. В вину ему беспощадно вменялось всё то, что прощалось Линкольну и что во многом было тягостным следствием чудовищной сложности проблемы, ответственность за решение которой мужественно приняли на себя оба лидера. Это и жёсткость в отстаивании целостности раскачиваемого внутренними противоречиями государства (так, в 1862 году Конгрессом была введена смертная казнь за измену Соединённым Штатам, о чём в России говорили гораздо меньше, нежели о подавлении польского восстания 1863 года), и неизбежные несовершенства реального процесса освобождения (главным из которых стало освобождение американских рабов, как и русских крепостных, без земли), и последовавший за ним грубый натиск нахрапистого и хищного капитализма, что в России было названо пришествием “Чумазого”, а в США — наступлением “позолоченного века” (Марк Твен). Всё это и ещё многое другое, к чести американского народа, не смогло заслонить в его глазах величие совершённого дела, а само имя Линкольна было навсегда золотыми буквами вписано в историю его страны.

Иначе случилось в России, и откровенная пристрастность, кричащая несправедливость тех оценок, которые именуемая “передовой” часть русской общественности выносила сходным действиям двух лидеров, превознося од-

ного из них и растапывая другого, заставляет вспомнить горестные слова К. Кавелина: “Это так называемая интеллигенция постаралась испортить эмансипацию, насколько в эту минуту могла, не возбуждая против себя слыхом большого негодования народа”. К сожалению, в исторической перспективе хорошо видно, что испорчена была не одна только “эта минута”. И что беспримерная травля царя-освободителя нанесла русскому общественно-политическому сознанию до сих пор не исцелённую – а возможно, и вообще уже неисцелимую – травму, ознаменовав окончательный разрыв революционно-демократической России с пушкинской традицией, с доминировавшим в ней стремлением соединить в неразъёмное целое идеал свободы, твёрдую державность и глубокое национальное чувство. В последний раз она, на мой взгляд, нашла своего выразителя в лице Некрасова, для которого воспевать наконец-то обрётённую личную свободу вчерашнего раба и Русь было так же естественно, как дышать. Но на вершинах власти пушкинская “триада” никогда более не получила такого полного воплощения, как в личности и деятельности Александра II.

У меня не вызывает сомнений, что значение именно этой стороны его царствования понимали и те, кто буквально за несколько месяцев до взрыва на Екатерининском канале направили в Америку позорное письмо, являвшее собой откровенный призыв к заокеанской общественности озаботиться, наконец, и участью *русских рабов*, томящихся под игом тирании. Разумеется, никто при этом не спрашивал у массы русского народа согласия на подобное наделение заокеанской державы статусом арбитра в вопросе о свободах и правах человека в нашей стране, собственный вклад которой в борьбу за эти права и свободы так высоко оценили сами американцы в те дни, когда “Миатаномо” пришвартовался в Кронштадте. Задача же авторов письма как раз и состояла в том, чтобы эту оценку и в самой России, и за её пределами радикально изменить, для чего мало было убить тело императора – ещё важнее было обесславить и обесчестить главное дело его жизни, исказив (перекодировав, как сказали бы сегодня) самую память о нём. Что в значительной степени и удалось.

* * *

Посмертная участь царя-освободителя оказалась едва ли не более жестокой, нежели сама его смерть. За прошедшие со дня подписания Манифеста 150 лет ни разу, по причинам самого разного свойства, не был полноценно отмечен юбилей этого события. 25-летие запретил праздновать Александр III, и лично я не берусь ни обсуждать, ни тем более осуждать это решение. 50-летие пришлось на последние годы жизни Империи, разрываемой настроениями, столкновение которых могло бы оскорбить саму память человека, сумевшего в своё время, разрубая Гордиев узел (“цепь великую”), не допустить гражданской войны.

Решающее значение приобретало, конечно, 100-летие. Но это – 1961 год, а никакая многократно воспетая “оттепель” ничуть не поколебала прочно утвердившуюся к тому времени в советской историографии оценку и Крестьянской реформы, и самой личности царя-освободителя. Вот, например, как почтила его память Советская Историческая Энциклопедия как раз в юбилейный год: “Понимая необходимость уступок, хитрый и лицемерный Александр II не без успеха разыгрывал либерала. В 1856 году, в частности, по случаю коронации он дал амнистию декабристам, хотя всю жизнь был сторонником беспощадных репрессий против революционеров” – и далее всё в том же роде, по грубому и жёсткому канону, на самой заре советской эпохи созданному Лениным и не подлежащему ни критическому обсуждению, ни тем более пересмотру. Равным образом, именно Ленин, в своём знаменитом “Письме к американским рабочим”, перенёс в новую эпоху глубоко пристрастный “революционно-демократический” взгляд на Линкольна, теперь ещё более возвышенного над окончательно низвергнутым Александром II. Однако “Письмо” это, написанное в августе 1918 года и призывавшее американских рабочих подняться на “гражданскую войну против буржуазии”, так настойчиво педалировало дорожку для Ленина связь между подлинностью социалистических убеждений и готовностью, в подтверждение её, пожертвовать даже “частью

территорий” своих отечеств, что, полагаю, уже и тогда не могло не вызывать недоумения и даже негодования в связи с привязыванием имени Линкольна к подобной программе. Ведь он-то решился на гражданскую войну как раз во имя сохранения целостности страны, и нет никаких оснований считать, что такая, едва ли не самая страшная для любого народа война когда-либо могла сама по себе быть для него той желанной целью, к достижению которой открыто стремился Ленин – по крайней мере, с августа 1914 года.

Об этой несообразности в более поздние советские годы, с восстановлением и укреплением естественного чувства драгоценности собственного Отечества, предпочитали не вспоминать. Но общая схема, в которую укладывались все оценки деятельности Александра II и Авраама Линкольна, оставалась неизменной, вследствие чего сама отмена крепостного права начинала представляться какой-то тусклой и не слишком достойной страницей русской истории, такой, которую торопятся перевернуть, едва скользя по ней взглядом. 150-летний юбилей приобретает поэтому совершенно исключительное значение, а сама удалённость события и появившаяся возможность высказать разные, но непременно взвешенные и аргументированные взгляды на него позволяли надеяться, что 19 февраля 1861 года займёт, наконец, подобающее ему место в нашей общенациональной памяти. Этого, однако, не произошло. И сказать, что юбилей был отмечен, по выражению одного из журналистов, “без помпы” – значит ничего не сказать.

На официальном уровне его почти полностью затмило пришедшее как раз на те же дни 80-летие Горбачёва, и демонстрация как раз накануне 3 марта (то есть 19 февраля, по старому стилю) посвящённого генсеку-президенту фильма под не претендующим на скромность названием “Он пришёл дать нам волю”, не требует комментариев. А та часть высочайшего внимания, которая всё-таки осталась на долю Манифеста, оказалась сосредоточенной, в основном, отнюдь не на освобождении крестьян, а на пресловутой модернизации и проведении льстивых аналогий между императором Александром Николаевичем и нынешним президентом РФ Дмитрием Анатольевичем, с осторожным склонением чаши весов в пользу последнего. Впрочем, в речи В. Зорькина, не преминувшего добавить в и без того скудный мёд юбилейных торжеств ритуальную ложку дёгтя, царь-освободитель вообще предстал историческим неудачником, на отрицательном примере которого можно разве что поучиться. “Сегодня, когда страна вновь стоит перед острой необходимостью ускоренной модернизации, – заявил 3 марта в Петербурге председатель Конституционного суда РФ на конференции, посвящённой 150-летию отмены крепостного права в России, – нам особенно важно понять причины провала освободительных реформ XIX века” (“Независимая газет” 4–5 марта 2011 года. Курсив мой. – К. М.).

Думаю, что когда через два года в США будет отмечаться такой же, 150-летний юбилей отмены рабства, говорить станут не о модернизации и уж, конечно, не о “провале”, но прежде всего о грандиозном торжестве великой идеи свободы для всех. Так, в сущности, оно и было, несмотря на все, сходные с Россией, несовершенства и незавершённости дела. Не вина Линкольна в том, какое дальнейшее употребление получила эта идея и достижение каких целей прикрывается её именем. Несмотря ни на что, она остаётся великой и всегда будет востребована человечеством – и, судя по некоторым признакам, в не самом далёком будущем востребована в её классической, а вовсе не затуманенной и искажённой неолиберальной форме. Именно в той форме, в какой она была мучительно выстрадана самой Россией, и как жаль, что в дни юбилея почти никто так и не вспомнил о самой сути, о главном, человеческом смысле отмечаемого события.

В сущности, не вспомнила о нём, а если вспомнила, то вскользь, та часть общественности, которую, на нашем сумбурном политическом лексиконе, принято именовать патриотической. Так, внимательно просмотрев устойчиво популярную у немалой части населения “Советскую Россию” за 3 марта, я не нашла никаких упоминаний о знаменательной дате, зато первая же страница гласила: “Хор Пятницкого отмечает юбилей”. У меня нет ни малейших сомнений, что хор Пятницкого достоин всяческого внимания и уважения, но всё-таки – в подобном умолчании о другом юбилее есть нечто настолько вызывающее и нарочитое, что мне трудно объяснить его иначе, нежели упорным нежеланием наших левых выйти за пределы ленинской схемы событий середины XIX века.

На свой лад, зеркально, повторили ту же позицию неприятия Александровских реформ и, в том числе, главной из них — Крестьянской, традиционные русские правые, с той разницей, что опираются они при этом не на Ленина, а на Победоносцева. Извращения, которым подверглась в современном неолиберализме идея свобод и прав человека, ещё больше укрепили здесь давнюю неприязнь к императору — реформатору и устойчивое представление о том, что подобные идеалы вообще глубоко чужды русской, тем более же русской православной традиции. С такими утверждениями в последнее время порою выступают и священнослужители. Но вот один из героев лесковских “Соборян”, представляющий как раз ту народную, глубинную Россию, которую так хорошо знал писатель, старгородский протоиерей Савелий Туберозов мыслил иначе, настаивая на том, что “и первоверховный Павел протестовал против попрания прав его гражданства”. В самом деле, “Деяния” донесли до нас, как твёрд был апостол Павел в отстаивании своих прав и достоинств римского гражданина, и этих евангельских рассказов не могла не знать паства, глубоко почитавшая своего, за неуёмное правдоискательство в конце концов подвергшегося суровой опале пастыря. А стало быть, она находила в его “крамольных” речах что-то глубоко созвучное собственным чаяниям.

Не иначе мыслили и крепостные крестьяне, которые сразу же по вступлении Екатерины II на престол “начали целыми сёлами подавать императрице просьбы уже прямо об освобождении от помещиков и на увещевания властей упрямо отвечали, что оставаться у помещиков в послушании не хотят. Это показалось тревожным признаком, и Сенату предписано было придумать против этого благопристойные средства. Сенат придумал только два: указом воспретил крепостным жаловаться на своих господ, а челобитчиков о свободе велел публично наказывать плетьюми. Были случаи и кровавой расправы с помещиками... В селе становилось душно и жутко” (В. О. Ключевский. Курс русской истории. М., 1989. Том V, с. 83–84).

“Душно и жутко” — это уже предвестие пугачёвщины. И всё-таки “челобитчики о свободе” ждали ещё без малого десять лет, надеясь, что власти всё-таки дадут им ответ на языке не плетей, но закона.

Да, к несчастью для России, отмена крепостного права запоздала на целое столетие, и за этот срок многое в народной душе перегорело и изменилось. Но ведь и цари не могут выбирать, когда им появиться на свет. И всё-таки 1861 год стал в нашей истории рубежом, преобразившим само мироощущение русского человека, у которого словно открылось новое зрение и которому иным, в ясном свете свободы, видится даже привычный ландшафт:

*Родина — мать! По равнинам твоим
Я не езжал ещё с чувством таким...*

Этот Некрасовский гимн свободе, написанный именно в 1861 году, обычно цитируется в сильно усечённом виде, так было и в дни юбилея. Приводятся только две строки (“Знаю: на место цепей крепостных / люди придумали много иных”), без следующего за ними продолжения, оно же и заключение, что совершенно искажает смысл и даже саму определяющую интонацию всего стихотворения, делая её скептической и циничной. Однако всё изменяется, если прочесть весь гимн целиком, но особенно — как раз две заключительные строки, подобно торжественному удару колокола возвещающие — несмотря на все изъязны совершившегося, которые отчётливо видит трезвый ум, — великий праздник:

*Так! Но распутать их легче народу.
Муза! С надеждой приветствуй свободу.*

Некрасовская муза, по его собственным словам, чаще всего являлась ему “в образе породистой русской крестьянки, в каком обрисована в поэме “Мороз Красный Нос”...”, и, стало быть, к ней, к “Дарье”, он прежде всего и обращался с радостной вестью, будучи уверен в созвучном отклике.

В юбилейные дни не раз цитировались слова чеховского Фирса о “воле-несчастье”, как если бы этим только и исчерпывалось “мнение народное” об освобождении. Наверное, для кого-то, и не только для одного Фирса, это и было так: разные люди, разные судьбы, для дворовых — не по их вине не приученных к крестьянскому труду — нередко и печальные. Но кто возьмёт на

себя смелость говорить за миллионы? Тем более что опросов общественного мнения в позапрошлом столетии не проводилось, а они и в нынешнем далеко не всегда дают исчерпывающую картину. И всё-таки есть немало оснований думать, что освобождение оставило в народной памяти след более глубокий, нежели принято считать теперь. След, который высветился уже много лет спустя после того, как миновали все очарования и разочарования, так бурно клубившиеся вокруг 19 февраля.

Одно из них, исключительное в своём роде, приводит священник Геннадий Беловолов, которому в 1990 году довелось поработать в архиве “Старого Валаама”, ныне хранящемся в монастыре Нового Валаама в Финляндии. Речь об относящихся к началу минувшего столетия записках безымянного монаха, на страницах которых царь-освободитель (именуемый Мучеником) является в лике святого. Между тем на официальном церковном уровне вопрос о канонизации Александра II никогда не ставился, и, стало быть, так увидеть его можно было только по искреннему внутреннему чувству – возможно, не только своему собственному.

Ведь через великие северные монастыри России текла могучая река духовной жизни народа, и там о его потаенных мыслях и чувствах знали, наверное, не меньше, а возможно, и больше, нежели в шумных столичных кружках. Во всяком случае, в образе царя, каким он запечатлён в этих записках, автор которых, скорее всего, и не собирался предавать их широкой огласке, ярко обозначена всего только одна черта, но какая! Отброшено всё суетное, случайное, преходящее и несовершенное – оставлено одно: “Когда он предстал Господу Богу, Господь сказал ему: “Никто любви больше не имат, как тот, кто положит душу свою за други своя”. А он эту (заповедь) соблюд...”

Стало быть, кем-то же это, более всего соответствующее народным представлениям о праведности, сто лет назад ещё помнилось. Но, возможно, сегодня у православной России, не заметившей памятной даты, другое мерило.

Что ж, юбилеи, которые мы отмечаем, не меньше, нежели о юбилеях, говорят о нас самих. Потому что юбилей, как то отметил историк С. Соловьёв в преддверии празднования 200-летия рождения Петра Великого, в прямую обязанность “образованному обществу” вменяет осознать своё отношение к отмечаемому событию и “оценить его значение для настоящего и будущего”. Судя по тишине в патриотическом лагере, никакого такого значения в 150-летию отмены крепостного права здесь не заметили, и не будет большим преувеличением сказать, что с этой стороны в “зеркале юбилея” отразилась пустота.

Чего не скажешь о лагере противоположном, по не вполне ясным причинам именуемом у нас демократическим. Справедливость требует признать, что только отсюда событие было названо великим, и это, конечно, можно было бы приветствовать, и даже воскликнуть “Ты победил, Галилеянин!”, когда бы одновременно столь же великим не было названо ещё одно, в отечественной истории случившееся ровно за 99 лет и один день до отмены крепостного права. До сих пор, на протяжении без малого 200 лет пребывавшее в той тени, куда человеческая память обычно оттесняет постыдные воспоминания, оно внезапно – и как раз в юбилейные дни – было извлечено на свет и едва ли не увенчано лаврами. Что, конечно, имеет значение символическое и позволяет по достоинству оценить то, что отразилось в зеркале с этой стороны.

Речь о знаменитом Указе о вольности дворянской, которым Пётр III 18 февраля 1762 года освободил дворянство от обязательной службы, при этом оставив за ним ещё больше укрепившееся право владеть крепостными душами. Понятно, что в высшем сословии новое установление вызвало бурю восторгов, живописную картину которых оставил нам такой известный в XVIII столетии человек, как А. Болотов: “Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества; все буквально вспрыгались от радости, и благодаря государя, благословляли ту минуту, в которую ему было угодно подписать сей указ”. Приведя это столь выразительное описание, Ключевский продолжает: “А один из поэтов того времени, дворянин Ржевский, написал по этому случаю оду, в которой говорил про императора, что «он России вольность дал и дал ей благоденство»” (В. О. Ключевский, соч. цит. Т. IV, с. 300).

Надо думать, подобные изъявления счастья и подразумевал Пушкин, напоминая об Указах, “коими предки наши столько гордились и коих справедливее было бы стыдиться”.

Как видим, исчерпывающая нравственная оценка событию, теперь возводимому в ранг великого, была дана задолго до реформы 1861 года и стала общепринятой ещё в бытность монархии.

А чудовищные последствия его для всей державы в полной мере явил Пугачёвский бунт, потрясший самые основы государства и заставивший так весело подпрыгивавшее дворянство содрогнуться от ужаса. Сегодня, с произошедшей у нас переменой взглядов на всё и вся, в бунте этом принято видеть именно и только одну сторону, не задаваясь вопросом: а мог ли он вообще не грянуть, коль скоро и без того невыносимо тягостное рабство лишилось даже подобия политического оправдания? Которым в России, как и во всех жёстко сословных обществах феодальной Европы, являлось только одно: разделение тягот, выполнение каждым сословием обязанностей, необходимых для обеспечения жизни целого. В противном случае крепостное состояние оборачивалось, по точному замечанию Ключевского, “следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей”. Крестьяне поняли это раньше дворян и начали, как уже говорилось, с “челобитных о свободе”; буря же разразилась тогда, когда челобитчикам ответили плетьюми.

Такова была последовательность событий. Но страх пред пугачёвщиной, пред вышедшим из повиновения мужиком глубоко въелся в психику высшего сословия; и, конечно, пресловутый Указ несёт свою, и немалую, долю ответственности за то, что отмена крепостного права так запоздала в России. Однако на протяжении почти всего XIX века, не говоря уже о XX, пушкинская оценка его оставалась не подлежащей пересмотру. К тому же дворянство давно смыло позор своих радостных прыжков на полях многочисленных сражений, где “голубая” кровь густо смешалась с обычной красной, да и на ниве государственного служения тоже; а пышный расцвет русской культуры во второй половине позапрошлого столетия сделал очевидным, что рабское состояние большинства народа вовсе не является его неперемнным условием. А после отмены крепостного права вообще немислимой стала какая-либо реабилитация, не говоря уже об апологии, подобного понимания “вольности дворянской”. Наконец, на смягчение, вплоть до их упразднения, а вовсе не на ужесточение сословных различий указывал и основной вектор мировой истории, и хотя можно долго спорить, был ли какой-то другой вариант, кроме того, крайне жестокого (впрочем, не более жестокого, нежели во Франции), в котором такое упразднение произошло в России, сама неизбежность и даже необходимость его до сих пор не вызывала сомнений. И невозможно было предположить, что спустя 150 лет после Манифеста 19 февраля 1861 года, в России найдутся люди, готовые выдвинуть на первый план идеал *свободы прежде всего для избранных*. Однако именно это произошло в дни июля, когда давно, казалось, поросшая бильём тема 18 февраля 1762 года вдруг не только актуализировалась, но предстала в свете ещё небывалой славы.

Так, П. Спивак на страницах “Независимой газеты” (2 марта 2011), дав Указу весьма высокую оценку, посетовал лишь на некоторую его непоследовательность. Нет, не в том смысле, что, дав “вольную” дворянам, следовало тотчас же — как писал Ключевский, буквально на следующий день, т. е. 19 февраля, — освободить крестьян. А в том, что император не решился пойти до конца и обязал дворян всё-таки являться к месту службы в случае войны — ведь правильнее было бы, при таком понимании свободы, и эту обязанность целиком переложить на крепостных мужиков. Но самое полное развитие тема получила в лекциях академика Ю. Пивоварова, прочитанных им по каналу “Культура” (программа “Academia”). Именно им Указ в первой же лекции цикла был поставлен вровень с Манифестом об освобождении крестьян. Ведь дворяне, по словам академика, тоже были в некотором роде крепостными, а при таком если не полном отождествлении, то уравнивании не могущего быть уравненным 19 февраля, разумеется, утрачивает своё исключительное значение и даже оказывается событием “в некотором роде” вторичным по отношению к 18 февраля. А коли так, то, рассуждая логически, Александр II должен уступить своё славное имя Освободителя Петру III; и хотя это, конечно, не было произнесено вслух, внимание, сосредоточенное Ю. Пивоваровым именно на “освобождении дворян”, само собой подталкивало к такому выводу. И даже не просто внимание, но искреннее чувство, вложенное профессором в описание радостей наконец-то обретенной владельцами крепост-

ных душ свободы – описание, яркие краски которого лично мне на ум привели незабвенную зарисовку А. Болотова.

Да и как не порадоваться за ближнего своего! Судите сами: раньше, уже в силу принадлежности своей к военно-служилому сословию, раб, теперь, будучи освобождён от тяжких государственных повинностей, вольный дворянин мог сам решать – служить ему или не служить, ехать за границу или оставаться в своём имении; а пребывая в имении, предаваться занятиям науками и искусствами или “пьянствовать и самодурствовать” (“Культура”, 16 февраля 2011). Даже при этом не утрачивая прав на “крещёную собственность” (Герцен). Ю. Пивоваров не находит это предосудительным – ведь, по его мнению, *правильный* путь к свободе начинается с предоставления её, притом с возможно меньшими ограничениями, меньшинству. Что до освобождённого в 1861 году большинства, то его радости или печали как-то мало привлекли внимание профессора – во всяком случае, на его палитре не нашлось красок, сравнимых по яркости с теми, которые нашлись для описания радостей 1762 года.

Впрочем, не нашлось их и для описания тягостей крепостного состояния народа, описанию которых так много крови сердца отдала русская литература. И неудивительно, что один из заданных после лекции вопросов прозвучал так: “А почему именно в 1861 году было отменено крепостное право? Почему не позже?” В своё время на устах у всей России был другой: “Почему не раньше?” Но в новой оптике, как раз в юбилейные дни представленной демократическим направлением нашей общественной мысли, когда-то бесспорная необходимость прежде всего нравственной оценки крепостного состояния, восприятия его прежде всего глазами несущего страшную тяжесть человека утратила своё значение. Как следствие, был разрушен и весь мощный духовный настрой, предуготовлявший освобождение крестьян, а потому практически мыслящей студентке оказалось естественным предположить, что целесообразнее было бы освободить попозже. А раз целесообразнее, то, стало быть, так и надо было сделать. А народ – народ подождёт, тем более что облик его, рисуемый иными демократическими перьями, давно пишется по одному и тому же шаблону, как вырезают лобзиком по дереву или вышивают по канве.

Это (речь, разумеется, о народе русском) по самой своей природе неспособный цивилизоваться “мужик”, самую цивилизацию люто ненавидящий и свободу понимающий исключительно как возможность её “раскурочить”. Именно данное словечко употребил С Баймухаметов (“Московская правда”, 3 марта 2011 года) в своей юбилейной – если её, конечно, можно так называть, – статье, в которой оказались хаотически перемешанными обличения Александра II за освобождение крестьян без земли, большевиков (как раз за то же самое навечно пригвоздивших царя-освободителя к позорному столбу), Горбачёва и Ельцина, свергших компартию, но главное и прежде всего – русского народа. Невежественного, исполненного грубых предрассудков и “слепой ненависти ко всем, отказавшимся от его диких привычек”, – неистовствует Баймухаметов, с вызовом опирающийся при этом на Чернышевского: вот, мол, кто вас ещё предупреждал об этом страшном звере, но “в советское время его слова скрыли от народа” – ну и так далее.

Что хотел сказать этим автор, не очень понятно, а что до Чернышевского, то, как всякий деятель такого масштаба, он противоречив. Однако в целом особенности революционно-демократического взгляда на народ давно известны, и о том, сколь много повредил революционный демократизм самому делу освобождения, достаточно сказано выше. Однако никогда ни революционные демократы, ни преемственные по отношению к ним большевики ленинской, западнической и даже русофобской складки, готовые безжалостно перedelывать этот народ по свои лекалам, не позволяли и не могли позволить себе выступить с идеологией вторичности его прав по отношению к правам элиты. Но именно это и происходит сегодня, а то, что подобный взгляд был с такой откровенностью заявлен по центральному телевидению именно в дни юбилея отмены крепостного права, придаёт ему характер не только частной, пусть и способной вызвать резкое отторжение, но имеющей право на существование точки зрения.

Я, конечно, далека от мысли, будто академик Пивоваров или другие авторы сходных суждений выполняют некий социальный заказ в том прямолинейном смысле, как это обычно понимается у нас, то есть как выполнение

спущенных откуда-то директив или пожеланий. Но если понимать такой заказ более широко и ближе к тому, чем он по сути своей и является, то есть как вызревающий в обществе в целом или в каких-то его группах спрос на определённую трактовку общезначимых исторических событий, имён и понятий, то вряд ли можно спорить с тем, что тенденция к утверждению особых прав элиты, избранных набирает силу во всём мире. Россия же не только не является исключением, но в некоторых отношениях уже лидирует. С той разницей, что если страны “золотого миллиарда”, навязывая свой диктат более слабым, внутри себя пока не допускают откровенного отката к, казалось, давно оставшемуся в прошлом прямому утверждению приоритетных прав привилегированного меньшинства, то в России дело обстоит ровным счётом наоборот.

Резко ослабевшая и уже заметно зависимая от внешних центров силы, она, если бы даже захотела, не может позволить себе того, что, перестав вообще оглядываться на “международное сообщество”, позволяют США и даже ЕС; однако внутри неё формируется собственный “третий мир”, куда отесняется преобладающая часть населения. Именно эта часть несёт на себе всё более тяжкое бремя общегосударственных тягот, в то время как внутренний “золотой миллиард” всё откровеннее освобождается от них. Об этом говорит и не имеющая аналогов в мире плоская налоговая шкала, и отсутствие, при бесстыдном размахе демонстрационного сверхпотребления, налога на роскошь, и практическое освобождение элиты от воинской повинности, полностью переложённой на неуспешные низы, и последние новации в области образования и здравоохранения – и всё это на фоне с невероятной быстротой вознесшейся пирамиды грубейшего имущественного неравенства (в мегаполисах, по некоторым оценкам, разрывы являются тридцати- или даже сорокакратными). Ничто не указывает на то, что положение в ближайшем будущем может измениться; напротив, слишком многое говорит о том, что расслоение будет только усугубляться, и назвать подобную социальную ситуацию устойчивой вряд ли возможно, не прибегая к сознательной лжи.

Понимают это, конечно, и успевшие занять “место наверху”, но совсем уж беззаботно “вспрыгаться от радости”, к чему вроде бы есть все основания, мешают им некоторые тени прошлого, да и проблемски иных настроений. Меня, во всяком случае, удивило, какое место в своих лекциях уделил Пивоваров рассказу об ужасах пугачёвщины – неужели это так актуально? Ведь призрак великого бунта давно, с исчезновением крестьянства, опочил, так для чего же его тревожить? Не для того ли, чтобы заранее демонизировать возможный массовый протест? Признаки его пока не просматриваются, но полной уверенности в том, что всё сильнее сжимаемая пружина не даст отдачу, нет. А потому вопрос и об идеологическом отмывании принимающего какой-то архаический облик неравенства, и о его политической легитимации может постучаться в нашу дверь гораздо скорее, нежели это представляется многим ещё сегодня. И я бы не стала исключать, что подобная легитимация осуществится в формах, весьма далёких от того, что до сих пор было принято называть демократией. Никакая технологическая модернизация сама по себе не может дать гарантий большинству от подобного поворота событий, как никогда и нигде она сама по себе не являлась гарантией преодоления неравенства. Напротив, она, как то ярко показала нацистская Германия, в пределе может сочетаться с самыми жёсткими формами подавления большинства, вплоть до прямого рабства.

Разумеется, ничто не повторяется буквально, но “крот истории” уже почти не таясь роет в этом направлении. Вызов так или иначе придётся принять, и в такой перспективе мало замеченный страной юбилей обретает значение, ещё невообразимое 20 лет назад. Оценить по достоинству некогда содеянное ею самой, то своё слово о свободе и правах человека, которое, с достоинством и окружённая восхищением, она представляла в те так далеко отошедшие от нас петербургские вечера, с которых был начат рассказ, Россия нынешняя не сумела. Сумеет ли, когда со дня великого события минет 200 лет, или по-прежнему будет брать уроки на стороне? Они могут оказаться очень суровыми, но судить, да и выбирать, придётся уже нашим внукам и правнукам. А покуда сохраняют всю свою актуальность полуторавековой давности слова императора: “Я опередил вас на пятьдесят лет”.

БОРИС КЛЮЧНИКОВ
доктор экономических наук

ИСЛАМОФОБИЯ

Исламская арабская революция вырвалась как джинн из лампы Аладдина. Люди во всем мире поражены грандиозностью событий, спорят, хотят понять, как это могло случиться?! Неужели опять щупальцы американских “цветных революций”?! Нет, у слабеющей Америки уже нет таких сил. Ей бы предотвратить грозные внутренние опасности. Мы наблюдаем исконно народные революции, волны протеста над мертвенной поверхностью дегуманизированного мира. Они вздымаются под гнетом марионеток, олигархов из-за растущего неравенства, кричащей несправедливости, коррупции продажных прозападных элит. Дух мятежа, порывы народных восстаний из арабского мира несутся и в Европу, где укоренились десятки миллионов мусульман, выходцев из восставшего региона. О них и пойдет речь в этой статье.

* * *

Сценарий столкновения цивилизаций становится наиболее вероятным. Запад постепенно теряет лидерство. Его “золотой миллиард” подобен острову, окруженному дамбами, на которые накатываются все более высокие волны иммигрантов. Европа пытается закрыть шлюзы на пути мощного потока нового переселения народов. Безуспешно, потому что это борьба с естественным ходом истории. Безуспешно, потому что вокруг нее океан мировой нищеты, безысходности, отчаяния. Эпицентром надвигающейся геополитической катастрофы стал Ближний Восток, арабский мир – колыбель Ислама, колыбель мусульманской цивилизации.

В эпоху глобализации геополитические сдвиги придется изучать в понятиях цивилизаций, а не государств и народов. Любая цивилизация – это определенная духовная общность. И она развивается по собственной шкале

КЛЮЧНИКОВ Борис Федорович родился в 1936 году в Георгиевске. Окончил МГИМО и Дипломатическую Академию. Долгое время работал на руководящих должностях в ЮНЕСКО. Ныне главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор многих книг. Живет в Москве и Париже.

координат. Именно поэтому, как отмечалось в моей статье “Ислам в Европе”¹, оказываются тщетными изощренные усилия США контролировать и направлять процессы в дальних, чужих странах. Неудачны и усилия европейцев ассимилировать/интегрировать иммигрантов из мусульманских стран. Программы мультикультурализма привели к становлению параллельно развивающихся мусульманских обществ, образно говоря, к появлению, скажем, во Франции “франкостана”, в Австрии “австростана”, в Европе в целом “евроарабии”. Переселенцы-мусульмане, в отличие от российских мусульман, не имеют своей территории, а живут и укореняются среди исторически коренных, государствообразующих наций. Христианская, или вернее, постхристианская цивилизация Европы вынуждена впервые сосуществовать с мусульманской цивилизацией. Религии, как известно, были и остаются главным фактором, фундаментом цивилизаций.

Едва ли стоит поспешно, на опыте всего трех-четырёх десятилетий, объявлять, что эти две цивилизации не совместимы. Есть конкретные примеры их взаимодействия и взаимного обогащения. Однако пока перевешивает негативный опыт, особенно в отношениях с европейским исламом. Это в первую очередь духовное противостояние, хотя растет также конфликтный социальный потенциал. То, что принято называть классовыми противоречиями. Появляется крайне взрывоопасный сплав религиозных, культурных, расовых и классовых противоречий. Отсюда появление нового феномена в общественном сознании полумиллиардного населения Евросоюза, того, что ныне называют исламофобией.

Мудреный термин, спорное название. Что он означает? Антипатию, презрение, ненависть к исламу, страх перед ним? Думаю, прежде всего страх перед перспективой исламизации некогда христианской Европы. Страх европейцев перед галолирующим демографическим ростом и экспансией архаических укладов жизни и мышления на европейском континенте. Страх, такой же распространенный и интенсивный, как страх Запада в 20-е годы прошлого века перед “иудеобольшевизмом”. Впервые термин “исламофобия” появился в годы исламской революции в Иране в 1970–80-е годы. Исламолог Кристофер Кардвелл вывел даже формулу истоков исламофобии: “Иммиграция, помноженная на ислам, равна краху Запада”².

Уже в 80-е годы социологи начали изучать исламофобию. Европейский Центр отслеживания расизма и ксенофобии (EUMC) пришел к выводу, что под неологизмом “исламофобия” следует понимать страх, ненависть и антипатию к мусульманам, что практически ведет к их дискриминации в экономике и обществе. *Исламофобия развивается из неприятия официальной доктрины властей о взаимообогащении культур, из представлений, что Ислам для европейцев не имеет никакой ценности, что он не совместим с европейской культурой, а главное, что он во всем уступает западным ценностям. Для исламофобов Ислам представляется не как великая мировая религия, а как экспансионистская идеология, насильственная и агрессивная, варварская, примитивная, иррациональная, “сексистская” – унижающая женщин. После террористического акта в США 11 сентября 2001 г. многие стали рассматривать Ислам как прикрытие геополитической стратегии установления мирового господства – мусульманской уммы. Он легковесно рассматривается как блок-монолит, не подверженный изменениям, враждебный всем прочим культурам и цивилизациям*³.

Многие политики и ученые не считают исламофобию особой категорией и предлагают считать ее одной из форм расизма. Известный диссидент Салман Рушди, автор пасквиля на Пророка “Сатанинские вирши”, стал соавтором “Манифеста – выступим вместе против нового тоталитаризма”. Третьи считают, что исламофобия просто заняла то место, которое в европейском сознании веками занимал традиционный, ныне латентный, антисемитизм. Есть и социологи, которые считают, что не следует говорить о какой-то исламофобии, а что это скорее антимусульманские взгляды, вызванные не шариятом

¹ “Наш современник”, 2011, № 2.

² Christopher Cardwell. Reflexions on Revolution in Europe; Immigration, Islam and the West. Menlane, 376 p.

³ См. подробнее: Rapport de Confiance Runnymede: Islamophobia – un Defi pour nous tout. 1996, а также L'EUMC: Le combat contre l'Antisemitisme et l'Islamophobia. 2003 et Musulmans dans l'Union Europeen: Discrimination et Islamophobia, 2006.

и канонами Ислама, а поведением малограмотных и социально униженных мусульманских пришельцев. Едва ли! Это нарастающее течение в общественном сознании следует считать именно исламофобией. Оно распространяется не только на иммигрантов из мусульманских стран, но на всю полторамилиардную мусульманскую умму.

* * *

Исламофобия, благодаря усилиям СМИ, получила такой размах, что об ее угрозе осенью 2010 г. шла речь уже на Генеральной Ассамблее ООН. Вопрос об отношении к Исламу поднимался в ООН и раньше: иранский премьер Хатами обращал внимание ООН на эпидемию исламофобии и предлагал распространить на нее такие же запреты и такие же наказания, как за антисемитизм и отрицание холокоста. Испанский премьер Р. Сапатеро семь лет назад обращал внимание на рост напряженности между Западом и Исламом, на поляризацию общественного мнения. Его инициатива способствовала появлению проекта ООН «Альянс цивилизаций для преодоления культурных и социальных барьеров». Мой многолетний коллега по работе в системе ООН Дуду Дьен возглавил комиссию ООН по правам человека и опубликовал в марте 2006 г. в связи с появлением издевательских карикатур на Пророка в Дании доклад об «исламофобии, дискриминации и расизме»¹. Исламская комиссия по правам человека ежегодно публикует список выдающихся исламофобов. В 2003 г. «исламофобом года» стал, например, глава юридического департамента США Джон Ашкрофт. Джон Ашкрофт решил высказать свое мнение о различии между Исламом и Христианством: «Ислам это религия, в которой Бог шлет своих сыновей умирать за Него. Христианство это вера, в которой Бог послал своего Сына умереть за нас». Террористы-смертники подтверждают эту мысль. В списке исламофобов фигурирует и премьер-министр Италии С. Берлускони. Он как-то сказал, что «западная цивилизация превосходит исламскую».

Как видим, вопрос не нов, но к осени 2010 г. он вышел на трибуну Генеральной Ассамблеи ООН: руководители многих государств обратили внимание на быстрое распространение исламофобии как в Европе, так и в США. Премьер-министр Малайзии Нажеб Разак заявил в ООН, что полтора миллиарда мусульман возмущены «попытками демонизировать Ислам». Король Иордании Абдула II призвал начать борьбу с теми силами, которые стравливают народы. Никто из ораторов не назвал конкретно, кто же раздувает исламофобию?! Были намеки на какие-то темные силы, которые, по словам египетского министра, «подталкивают европейских лидеров вопреки их воле на столкновение с мусульманским миром». Президент Ирана Ахмадинежад сослался на «американский заговор, который прячется за террористическим актом 11 сентября 2001 г.»². На встрече в верхах лидеров мусульманских стран в Абу-Даби глава иранской делегации Али Лариджани привел примеры актов терроризма, совершаемых Западом, яростно обвинял проамериканские режимы в арабских странах в том, что «они сеют семена раздора внутри единой Нации Ислама... Мы не должны оставлять поле боя для американо-сионистского сговора тем, кто пытается играть судьбой Нации Ислама»³. На Арабском Востоке, как и среди европейских мусульман, распространено мнение, что в разжигании исламофобии лидируют сионистские средства массовой информации.

Такова взрывоопасная обстановка: одни демонизируют Ислам, другие международное еврейство. Те из нас, кто многие годы живет и работает бок о бок с европейским исламом в странах Запада, конечно, замечают, что СМИ имеют тенденцию преувеличивать антииммигрантские, антимусульманские настроения. С другой стороны, власти до зимы этого года безуспешно вели прекраснодушную проповедь и практику терпимости, переходящей во вседозволенность. Элиты не способны понять ежедневные бытовые проблемы рядовых европейцев, проживающих совместно с пришельцами, в рамках официальной программы мультикультурализма. А настроения масс типа «Запад

¹ Doudu Diene. Centre des Nouvelles de l'ONU, 7 mars 2006.

² AFP via la Croix, 29 Septembre 2010.

³ Там же.

есть Запад, а Восток есть Восток, и они никогда не сойдутся” – становятся все более устойчивыми.

О настроениях и росте недовольства европейцев свидетельствуют многие опросы. Одним из самых показательных был опрос Центра Pew, проведенный в конце 2008 г. в пяти странах Евросоюза и в США среди 24 тысяч человек. Он зарегистрировал рост не только исламофобии, но и антисемитизма: плохо относятся к мусульманам 52% испанцев, 50% немцев, 46% поляков, 38% французов, по 25% в США и в Англии. Плохо относятся к евреям 46% испанцев, 36% поляков, 25% немцев, 20% французов и 7% англичан. Опросы среди английских школьников до 14 лет показали, что 70% из них заражены антисемитизмом¹. Конечно, надо осторожно относиться к опросам, даже если они на какой-то момент верно отражают настроения. Вот, например, опрос Gallup американцев, проведенный накануне 5-й годовщины теракта 9/11 в США, показал, что 50% считают Ислам экстремистской религией, религией насилия, “религией меча”, не заслуживающей уважения. 40% американцев признались, что имеют предубеждение против мусульман, а 39% считали, что мусульмане должны носить особый знак, подобный желтой звезде евреев в Третьем рейхе². 30% среди противников президента Обамы открыто объясняют свою позицию тем, что Обама является скрытым мусульманином и носит имя Барак Хуссейн. Еще 15 лет назад в США было не более пятисот тысяч мусульман. К 2010 году их число превысило 9 млн человек и продолжает расти, несмотря на многочисленные ограничения на въезд. К 2040 году их будет 50 млн, – считают американцы и зовут: пора проснуться!

В Европе наибольшие страхи вызывает рождаемость среди мусульман. На их семью приходится в среднем 8,1 ребенка, а на французскую семью 1,8 ребенка. Но во Франции одна из самых высоких рождаемостей в Евросоюзе, в Германии она ниже – 1,3%, в Италии – 1,2%, в Испании – 1,1%, в Евросоюзе в среднем – 1,38%. Подсчитано, что при таком соотношении рождаемости Франция должна стать исламской к 2040 году, Германия к 2050 году. *Европа через одно–два поколения станет неузнаваемой, потому что уже к 2025 г. каждый третий рожденный ребенок будет мусульманином. Христианские храмы станут мечетями.* Социологи и культурологи сообщают по телевидению, что народ, у которого рождаемость меньше, чем 1,3%, неизбежно теряет культуру³.

Подсчитали в Европе и то, что российская армия и флот уже через 20 лет на 40% будут состоять из мусульман. Эти страхи раздуваются неумными исламскими радикалами, которые злорадствуют и предрекают европейским женщинам: делаете аборт, не хотите нянчить своих детей – будете нянчить наших, мусульманских.

Отношение к иммигрантам становится, без преувеличения, центральной темой общественных дебатов и даже споров в семьях. Показательно, что споры о “пришельцах” как-то сами собой сводятся к мусульманам, прежде всего к арабам, к их религии, к фундаментализму и, конечно, к терроризму. Здравомыслящим людям ясно, что традиционный Ислам отрицает терроризм, что самоубийство строго и много раз осуждается в Коране, что “Аль Каида” не является посланцем Ислама. Ни одна из великих мировых религий не признает терроризм, захват заложников, их казни, убийства ни в чем не повинных людей. Терроризм – не изобретение исламистов. Он бушевал именно в Европе, то как террор народовольцев, то как террор эсеров в России, то как “красные бригады” в Германии, Италии, Франции и т. д. Доклад европейского Интерпола сообщает, например, что из более чем сотни террористических актов большинство в 2009 г. было совершено европейскими сепаратистами из этнических меньшинств (басками, ирландцами, корсиканцами и т. д.), леваками и ультраправыми элементами⁴. Несмотря на это, в общественном сознании современный террор на Западе связывается с салафитами. Однако мусульмане обычно отвечают, что любой американский вертолетчик в Ираке или Афганистане тоже террорист, безнаказанно расстреливающий мирных жителей.

¹ Le Point, 17 Septembre 2008.

² Good Morning, America, 9 Septembre 2006.

³ Report on the World Changing Demographies, 2009.

⁴ http://www.juancole.com/2010/10_informed_comment_thought_on_Middle_East_History_and_Religion.

По инициативе президента Франции в стране со 2 ноября 2009 г. по 31 января 2010 г. проводилась широкая дискуссия на тему: “Что означает быть французом”. Власти хотели знать, что думают французы о своей национальной идентичности, как укреплять патриотизм и чувство гордости быть французом. В стране за три месяца провели 227 конференций, в них приняли участие около 100 тысяч человек.

Какой впечатляющий пример! Интересно, планируют ли наши власти так же широко привлечь русский народ к обсуждению аналогичной проблемы?

Задача французских организаторов дискуссии состояла в том, чтобы определить, какие черты объединяют граждан в нацию, создают национальную идентичность. Результаты оказались неутешительными. Среди коренных французов преобладало недовольство пришельцами мусульманами. А миллионы иммигрантов – жители пригородов Парижа, Марселя, Лиона и других городов – не чувствуют себя гражданами Франции.

Общественное мнение Европы сползает под влиянием совместного проживания с пришельцами и СМИ к откровенной исламофобии. Лицемерие отброшено. Табу на критику Ислама снято. Создаются оскорбительные стереотипы тупых, грязных пришельцев. “Мы и они” – начало пути конфликтов, столкновений и войн, в том числе гражданских. Большинство европейцев, даже здравомыслящих и умеренных, ныне пришли к выводу, что “мы и они” – разные, потому что “они” не хотят признавать не только наши законы, но и наши нравственные ценности, наши исторические достижения, наш образ жизни. Следовательно, они никогда не интегрируются в европейское общество, а будут создавать наряду с ним свое особое исламское общество, основанное на мусульманском праве, на шариате, которые мусульмане считают высшими достижениями человеческого духа, а себя богоизбранными. Естественно, европейцы не готовы мириться с такими гостями. Они опасаются, что это будет уже не Европа.

* * *

Очевидным свидетельством перемен в отношении к европейскому мусульманству стал народный референдум в Швейцарии 29 ноября 2009 г. о строительстве новых минаретов при стоящихся мечетях. 57,5% голосовавших швейцарцев высказались против. Мусульман в Швейцарии немного, всего 340 тысяч, в основном албанцы и босняки на 7,5 млн коренных швейцарцев. В стране строятся новые мечети, но с минаретами – только 4 мечети, и с них не созывают на молитву. Почему швейцарцы воспротивились? Видимо, потому, что в их сознании минареты ассоциируются с ползучей исламизацией. Неумные мусульманские проповедники так и заявляют: наши минареты должны быть выше христианских храмов и их колоколен, потому что Ислам выше Христианства.

Во Франции тоже не хотят видеть минаретов. Мусульмане упрекают французов: у вас же 12 тысяч храмов с колоколами, а у нас только 1600 мечетей и моленных домов. Но французов возмущает сама постанковка такого вопроса: мы у себя дома, наши храмы – это наше историческое наследие, память о предках. Почему власти, например, Саудовской Аравии, Судана, Йемена и т. д. в принципе не позволяют строить христианские храмы? Исламисты отвечают: зачем вам храмы, скоро вы все станете безбожниками. Что, видимо, близко к истине. В той же Швейцарии еще в 80-е годы среди населения было 47% католиков, а в 2000 г. только 41%; протестантов было 45% – к 2000 г. стало 33%. Атеистов было 3,7%, к 2000 г. – 12%. Ныне уже свыше 20%. Во Франции 60% не знают, что такое молитва. Главная угроза Европе не исламизация, а атеизм, безбожие. Душа, как и природа, не терпит пустоты. Безбожие, нарциссизм, поклонение мамоне обезоруживает Европу в неизбежном, как это видится в настоящее время, столкновении цивилизаций. Полностью забыто видение императором Константином в IV веке на небе Креста с пророческой надписью: “Сим победишь”. Горе побежденным!

Любопытно, как реагировала на референдум о минаретах Парламентская Ассамблея Совета Европы. Замечу, что у нас в России часто не знают, что она не избирается, что состоит из парламентариев стран Европы и как таковая не имеет законодательных полномочий. Она просто один из участников диалогов, хотя и очень заметных. В июне 2010 г. эта Ассамблея приняла резолю-

цию 1743, озаглавленную “Ислам, исламизм и исламофобия”. Запрет на строительство минаретов рассматривается в ней как “опасный прецедент избирательного применения прав человека”, как показатель размаха исламофобии в Европе. Запрет минаретов – считает Совет Европы, – “узаконивает ограничение прав и свободу религий, что не приемлемо, так как противоречит статье 10 Европейской конвенции о правах человека”¹.

Резолюция вновь подняла градус недовольства патриотов национальных государств, уже давно враждебных к общеевропейским властям. Действительно, какое избирательное отношение к правам человека! Где была эта Ассамблея, когда Ельцин расстреливал парламент, когда рвали на куски Сербию, когда Грузия напала на миротворцев в Южной Осетии? Ассамблея обвинила демократическую Швейцарию в злоупотреблении референдумами. На наш взгляд, Швейцария, пожалуй, единственная страна, где практикуется прямая демократия, сродни той, что имела место в древних Афинах. Осудив швейцарцев, Ассамблея Совета Европы сурово высказалась и относительно Ислама, потому что он “ни в коем случае не признает отделение церкви от государства – великого принципа демократии и плюрализма”. Депутаты ссылаются на прежние резолюции № 1162 и 1464 и требуют устранить в европейском исламе “традиционное неравенство между мужчинами и женщинами как в семье, так и в обществе”. Парламентарии рискнули даже обратить внимание на то, что *многие исламские организации в Европе созданы, финансируются и действуют по инструкциям правительств мусульманских государств*. Эти правительства ведут под прикрытием Ислама политическую и национальную экспансию в других странах”².

В итоге Ассамблея благонамеренно предложила правительствам Европы “принимать все необходимые меры для искоренения как радикального исламизма, так и исламофобии, первыми жертвами которых являются женщины”. Ни одна из критикуемых сторон не обратила внимание на эти призывы. Во Франции власти запретили ношение в общественных местах мусульманских платков (burqa), закрывающих лицо. Показательно, что Европейский суд по правам человека не реагировал на это решение. Аналогичные меры намечают предпринять во многих странах, даже в такой податливой в отношении Ислама стране, как Англия. Однако что значат эти запреты и штрафы? В Италии, например, с 1975 г. действует закон о запрете ввоза дешевой рабочей силы из Северной Африки, а число иммигрантов оттуда выросло в десятки раз. И будет расти! Ежегодно в Евросоюз въезжают 1,7 млн иммигрантов. Что могут сделать власти Италии, когда после свержения диктатуры в Тунисе в январе 2011 г. в Италию хлынули тысячные толпы обездоленных тунисцев, жаждущих лучшей жизни. А Тунис – сравнительно малонаселенная и благополучная страна, это не Ирак, не Бангладеш, не Пакистан, не Афганистан.

* * *

Резолюция Совета Европы еще недавно, в июне 2010 г. призывала “национальные и региональные власти продолжать политику интеграции” мусульман. Европейский Центр по борьбе с расизмом и ксенофобией рекомендовал развивать и углублять мультикультурализм, принимать законы, защищающие и поддерживающие мусульманские культурные и религиозные организации. Особое внимание этот центр уделял обучению имамов и проповедников в Европе, чтобы прекратить практику приглашения их из исламских государств. Еще летом 2010 г. в Европе бушевал скандал в связи с публикацией книги социал-демократа и члена правления Бундесбанка Тило Заррацина, озаглавленной “Германия сама уничтожает себя”³. Он писал, что исламская “система ценностей и представлений об устройстве общества являются шагом назад”... “Я бы не хотел, чтобы ритм жизни моих детей и внуков задавал призыв муэдзина с минаретов”. Заррацин привел данные о том, что доля турецких эмигрантов, живущих на государственные пособия, в 4 раза выше, чем среди немцев. Они “живут за счет государства и при этом отвергают это

¹ The Telegraph, 24 June 2010.

² www.ripostelaique.com № 153.

³ Thilo Sarrazin. “Deutschland schafft sich af”, 2010. 461 Seiten.

государство, не заботятся об образовании своих детей и постоянно воспроизводят новых девочек в платках”. Максимальная рождаемость при минимальной заботе о потомках! Лидеры турецкой общины назвали Тило Заррацина типом мерзкого немца.

В конце февраля 2011 г. турецкий премьер Эрдоган, будучи с визитом в Германии, призвал 4 миллиона турок, поселившихся в Германии, все-таки изучать немецкий язык, хотя прежде всего, по словам Заррацина, они должны знать родной турецкий. Это вызвало недовольство немцев. Таковы типичные картинки нарастающей враждебности европейцев и пришельцев-мусульман. Тот же Заррацин предсказывает, что мусульмане-турки захватят Германию так же, как мусульмане-албанцы захватили Косово. Вспомним, кто громил православных сербов и создавал искусственные мусульманские государства в Европе? Американцам нужны были в Европе такие же марионеточные государства, как Грузия. И они создали Боснию и Косово – очаги наркоторговли, расквартировали там гигантские военные базы. Европейцы теперь кусают локотки, да поздно.

Итак, во многих странах Европы встал вопрос о защите национальной культуры против ползучей исламизации, против узаконивания многоженства и прочих неприемлемых в Европе установок шариата. Между тем, в немецких судах, например, уже стало обычным ссылаться на шариат. Заррацина изгнали со всех постов, но опросы показали всегерманскую поддержку крамольного банкира и диссидента. Эта ли народная поддержка или какие-то более основательные причины, связанные с продолжающимся кризисом, кардинально изменили политику властей в отношении к иммигрантам-мусульманам.

Осенью прошлого года я получил “Экспресс” (L’Express) – самый читаемый французский журнал. На его обложке заглавие “Столкновение Иисуса с Мухаммедом” и статьи одна “боевитей” другой: “Запад противостоит Исламу”, “Вновь угроза терроризма”, “Прорыв исламского фундаментализма”, “Провал интеграции”, “Политические силы, которым это выгодно” и т. д.

Канцлер Меркель первой признала реальное положение с европейским Исламом: “Мультикультура (мультикультурализм. – **Б. К.**) провалился. Полностью провалился”, – уточнила она. “Мечта, что немцы и иностранцы смогут счастливо жить рядом. Мы какое-то время обманывали себя, надеялись, что они не останутся! Но этого не произошло”. И не могло произойти! Не поможет, в частности, даже щедрая программа правительства Нидерландов, выплачивающая мусульманам-боснякам 30 тысяч евро (1 млн 200 тыс. рублей) – в качестве подъемных для возвращения на историческую родину. Что значат эти 30 тысяч евро в сравнении с пособиями по безработице?!

Премьер-министр земли Бавария Хорст Зеехоффер высказал мысль, что миллионные массы иммигрантов ведут к социальному и экономическому упадку Германии: “Германия превратилась во всемирный офис по оказанию помощи и социальной защиты... Мы должны также позаботиться о сохранении за немецкой культурой господствующего положения (leitkultur)”. Напомню, что уже 18% населения Германии составляют иммигранты, в том числе и из бывших советских республик, многие из которых годами остаются безработными и живут на государственные пособия. Вслед за канцлером Германии об отказе от политики мультикультурализма заявил президент Франции Саркози. В феврале 2011 г. на конференции в Мюнхене премьер-министр Великобритании Камерон тоже предложил политику “либерализма с мускулами”.

Без сомнения, власти в европейских странах начали координировать “мускульную” политику в отношении европейских мусульман. Образно говоря, идет закручивание гаек, даже в таких мирных и терпимых странах, как Швеция, где мусульмане составляют не более 0,5% населения. Объясняют это “нарастающим давлением мусульманских интеграторов, подъемом фундаментализма, попытками внедрять шариат, нормы которого во многих случаях входят в противоречие с великими европейскими принципами демократии и защиты прав человека”¹. Разве это не было очевидно и десять и пятнадцать лет тому назад? Что переломило отношение правительств к европейскому Исламу, сблизив его с настроениями масс?

Рост исламофобии шел как бы по кругу: чем более правительства пытались либеральными мерами и уступками мусульманам сбить накал антиму-

¹ Jean Fran ois Drevet dans l’Futirible, Janvier 2011.

сульманских страстей, тем более они накалялись, тем более росло недоверие коренных европейцев к правительствам. Их обвиняли в мягкотелости, в оппортунизме и трусости. Правительства надеялись, что проблемы сами собой решатся, болезнь рассосется. Главное же — *они не желали запятнать себя обвинениями в исламофобии и расизме, оставляя это поле для крайне правых партий и националистов.*

В конце концов решили признаться перед народами, что зашли в тупик. Где же выход? Ныне предлагают европейцам понять причины противоречий и найти пути примирения религиозной практики мусульман с европейскими законами. Только так, считают политики, можно ослабить влияние исламских фундаменталистов и радикалов, только это обеспечит мусульманству равные права с другими религиями. Звучит вроде логично, демократично, но ненаучно и потому едва ли осуществимо. Другие религии — *поистине другие.* Они признают свое отделение от государства, принимают секуляризм. Ислам это не только религия, но и культура, и право, и образ жизни, и его не отделить от общества. Возможно, хотят вывести особый, европейский тип ислама, подобно модному европейскому буддизму? Собственно, такую перспективу и дали в 2008 г. протестантские пасторы в докладе Европарламенту: “Идет процесс обевропеивания Ислама, и его не следует искусственно ускорять”. Жизнь, однако, показывает, что пасторы выдают желаемое за действительное.

* * *

Посмотрим теперь, *как сами мусульмане оценивают волны исламофобии,* которые и в Европе и в США вздымаются все выше. Мусульмане убеждены, что представители всех прочих религий со времен Пророка ненавидели их “религию последнего Откровения”. Ненавидели зороастрийцы в Персии, ненавидели индусы, ненавидели христиане, пытавшиеся в крестовых походах задавить Ислам. Современный взрыв ненависти вызван в основном массовой иммиграцией в Европу, а также громкими скандалами вокруг “Сатанинских стихов” Рушди о Коране и Пророке, карикатурами и террористическими актами исламистов.

Рост антимусульманских настроений давно тревожит руководителей мусульманских стран и организаций. Влиятельная “Организация Исламская конференция” (ОИК), в которой представлены 59 государств, создала в 2006 г. так называемую обсерваторию исламофобии. Она документирует антимусульманские акции. Хашимитское королевство Иордании обратилось к главам государств и правительств с призывом энергичнее бороться с исламофобией. Исламские организации, в том числе ОИК, призывают считать исламофобию “особенно опасной формой расизма” и распространить на нее те же международные законы, которые действуют против антисемитизма. Во многих европейских странах собирают подписи в поддержку этого требования. 50 тысяч подписей собрано, например, под таким обращением к президенту Франции.

Европейские мусульмане считают, что исламофобия ведет к повседневной дискриминации мусульман. Известно, что арабу, даже несмотря на поддержку властей, труднее найти работу, открыть свое дело, найти жилье, чем коренному французу. Французские профсоюзы провели как-то эксперимент: взяли 500 анкет, направляемых предпринимателям при поиске работы. В них были только мусульманские имена: только 9% были приглашены на собеседования и еще меньше приняты. Через некоторое время в тех же анкетах мусульманские имена заменили на европейские: в результате уже 25% были приглашены на собеседования.

В октябре 2010 г. в известном американском журнале “The Nation” появилась статья мусульманского автора, полная сарказма. В ней речь идет о лицемерии бывшего президента Дж. Буша. Что бы ни говорили, утверждает автор, а Буш очень любил мусульман, так любил, что, убивая их, он напоминал, что мусульманская религия — это религия мира, любви и сострадания. Он так уважал мусульман, что со слезами на глазах стирал с лица земли их города и села. Захватывая и оккупируя их земли, он любил их до их смерти. Убивая иракцев, разве он был против мусульман? Нет, он воевал за их свободу, против диктатора, за демократию, за их нефть. А убивал он их только тогда, ко-

гда они оказывались на пути к их нефти. Он так любил мусульман, что после 11 сентября 2001 г. 1200 мусульман без суда были “превентивно арестованы”, 19 тысяч “добровольно интернированы”, а 82 тыс. мусульман насильно включены в списки “Специальной регистрации”. В заключение автор приходит к выводу: “в Европе фашизм возвращается как основная идеология”¹.

Подозрения и размышления об этой опасности разделяют не только мусульманские СМИ, но и такой авторитетный человек, как генеральный секретарь ОИК Экмеддин Ихсаноглы. “*Боюсь, – сказал он в ноябре 2010 г., – что мы ввергнуты в русло таких же событий, какие происходили в начале 30-х годов, когда антисемитские настроения превратились в большой политический вопрос, приведший мир к фашизму и нацизму*”².

Думаю, что к этому предостережению следует отнестись очень внимательно. Так же, как мусульмане отнеслись к результатам швейцарского референдума, запретившего минареты. Прежде всего, их поразила неискренность руководителей Евросоюза. Мусульмане называют это системным лицемерием и расценивают это следующим образом: никто не осудил запрет строить минареты, власти только “удивились”. Они “удивляются”, когда СМИ сообщают, что согласно спецдирективе Евросоюза по 18 месяцев в тюрьмах содержатся женщины, старики, дети, нелегально прибывшие в Европу. Они “удивляются”, когда им указывают на двойные стандарты по правам человека, когда им говорят, что вы грабите весь мир вместе с США, вы превратили Европу в крепость, окруженную морем нищеты. Они “удивляются”, что мусульмане недовольны запретами мусульманкам носить их традиционные одежды. Мы ведь боремся за равноправие женщин, – лицемерят лидеры.

История с мусульманскими платками не бытовая мелочь, а наиболее очевидное и массовое свидетельство того, насколько глубоко раскололо общественное мнение, насколько полярно противоположны взгляды. И, признаюсь, трудно решить, кто же прав?! Европейцы резонно говорят: когда наши женщины находятся в мусульманских странах, они одевают платки. В Саудовской Аравии и особенно в Судане за нарушение этого обычая можно угодить в тюрьму. Но и вы, находясь в Европе, будете должны соблюдать наши обычаи.

Мусульмане в Европе отвечают: мы уже не пришельцы, не туристы, мы дома, и по нашим обычаям хиджаб, никаб, чадра и паранджа составляют честь и достоинство женщины. Женщины должны защищать себя от чужих дурных глаз. Вы клеветаете, что это унижение женщин, что наши женщины поработены, вы ведете борьбу с нашими чистыми нравами, приучаете и наших девушек оголяться до пупка, носить мини-юбки, лежать на пляжах топ-лесс. По нашим обычаям все женское тело должно быть закрыто, кроме кистей рук и лица.

В Европе со смехом воспринимают наставления афганского муллы Омара, сподвижника Бен Ладена. Он считает, что женщина – это сосуд греха. Она по природе своей склонна к грехопадению, что ее нельзя одну выпускать из дома без присмотра мужа, отца, брата. Она не должна работать вне семьи, потому что, встречаясь с чужими мужчинами, она станет проституткой, как эти развратные европейки. Как евангельский фарисей, мусульмане благодарят Бога, что они не такие, как западные люди.

Вопрос о мусульманских платках больше повлиял на общественное мнение, чем, скажем, взрывы в парижском или лондонском метро. Речь идет не более и не менее, чем о расщеплении атома социальной жизни. Исламисты не хотят жить по европейским законам, они намерены строить исламское общество рядом, а возможно, и против общества коренных европейцев. Они наступают, требуют уступок, знают, что прорыв самой мощной плотины начинается с маленькой трещины, с первой капельки, за которой следуют ручейки и полный сброс воды. Они опираются на мусульманские анклавные пригороды, где европейские законы часто не действуют. Там свои авторитеты, старейшины, шариатские судьи – кадики, молодежные организации типа “Юных мусульман”, там полигамия, запрещенная законами, там слушают радиостанции только на арабском языке.

Исламистские проповедники убеждают, что победа над неверными – кафирами, над их обществом, чужим, дряблым, пронизанным садомазохизмом

¹ The Nation, 11 October 2010. Islamophobia – European Style.

² Agences RIA, 6 November 2010. Ekmeleddin Ihsanoglu.

и прочими пороками, уже близка. Главное наступать шаг за шагом, теснить неверных на их собственной земле у стен самого Ватикана. Добились же, что саудовцы построят в Риме мечеть выше собора Святого Петра! Надо требовать строить больше мечетей, надо создать отдельную сеть мусульманских школ. Добились же этого мусульмане в Англии! И почему тогда власти Франции отказываются открывать мусульманские школы? Почему евреям разрешают, а мусульманам не разрешают? Тогда мы, как евреи столетиями делали, – будем обходить закон, создадим сеть исламских коранических учебных заведений. А пока надо выдвигать все новые требования в обычных школах: обеспечьте в школьных столовых особые мусульманские блюда, чтобы мясо было халел, обеспечьте отдельные для мальчиков и девочек бассейны, не обязывайте девочек ходить на уроки гимнастики, не заставляйте мусульман приходить на уроки рисования и т. д.

Мусульманские организации требуют признания хотя бы некоторых установлений шариата. Например, признания законности браков, заключенных в мечети, религиозных свидетельств о рождении детей, особых обрядов при разводе, особых прав наследования, особых кладбищ или участков на кладбищах. Все чаще стал подниматься вопрос о мусульманской квоте среди чиновников мэрий, префектур и других органов власти. Были попытки создать политические мусульманские партии. В Бельгии во время выборов в 1999 г. мусульманская партия Ноор (по-арабски “Партия Света”) выступила со своей программой, известной как “требования Аллаха”. Среди 40 требований главное – отмена банковского процента, рассматриваемого как ростовщичество. *Как всполошились финансисты, банкиры, биржевики, все прочие спекулянты! Это же посягательство на “святыни” господствующего в мире финансово-го капитала. Этот капитал добился за несколько поколений того, что европейцы забыли: Христианство изначально тоже осуждало ссудный капитал, гнало менял и торгующих из храма.* Пункт 8 требовал учреждения касс взаимопомощи для бедных, путем сбора “заката” – налога 1–2,5% от дохода правоверного.

Партия Света потерпела поражение и распалась. Ее обвинили в демагогии, в том, что, требуя возобновления смертных приговоров, она пытается вернуть просвещенное, гуманное европейское общество к ветхозаветному “око за око, зуб за зуб”. Европейские политики считают, что надо запрещать создание партий, основанных на теократических принципах. Партии должны быть светскими, строго придерживающиеся принципа отделения церкви от государства: Богу – Богово, кесарю – кесарево.

Историческая память мусульман и христиан глубоко травмирована. Без знания уроков истории мы не сможем понять корни и последствия тех грандиозных событий, которые происходят в наши дни в десятках арабских государств. На протяжении всей “дуги нестабильности” от Кыргызстана до Нигерии грядут геополитические потрясения. Не пустозвонные лозунги “свободы” выводят миллионы людей на манифестации, на столкновения с полицией. Это социальный взрыв молодежи, обворованной, мечтающей о лучшей жизни, но безработной, нищенствующей, без каких-либо надежд на будущее. Американцы давно расшатывают “дугу нестабильности Большого Ближнего Востока”, поставив цель “творчески управлять хаосом”. Опираясь на оставшихся марионеток, они пытаются возглавить и народные восстания. Они с потрохами предали старых сатрапов типа египетского Мубарака, а ныне стремятся заменить и других марионеток на молодых, еще более проамериканских, еще более хищных. Их цель приручить “братьев-мусульман” и прочих исламистов, направить волны протеста против России, Китая, Индии и других европейских стран. Удастся ли это им? *События на Востоке, бесспорно, еще более повысят накал исламофобии, усилят европейских националистов.*

Желаемого либерального конца истории для слабеющей Америки не получится. Только сейчас начинается настоящее столкновение цивилизаций. Ярость, далеко не благородная, взаимная ненависть кипят и на Востоке, и на Западе. Братья-мусульмане пока остаются в тени. Зачем первыми идти по минному полю? Зачем спешить с антизападными лозунгами? Но надо знать историю, надо понимать дух Ислама, чтобы видеть, что столкновение неизбежно.

Обе религии – христианство и мусульманство стремятся стать всемирными. “Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа” (Матф. 28, 19), – завещал перед Вознесением Иисус Христос. Он никогда не брал в руки оружия. Мухаммед лично принял участие в 87 схватках, боях и сражениях. В Коране около ста аятов, посвященных войне. Коран велит вести войну с неверными, пока не прекратится всякое сопротивление, пока вера в Аллаха не станет единственной верой: “Войною идите на тех, кто не верует в Бога и день Страшного Суда, кто не считает запретным запрещенное Господом и Его апостолом, и на тех людей из Писания, которые не исповедуют истинной веры. Войною идите на них до тех пор, пока они не станут вашими данниками, все без исключения, и не будут усмирены” (сура 9, аят 29)¹.

В истории Ислама уже бывали эпохи, когда накопившаяся пассионарность, ярость, воинственный его дух вскипали, как волны прилива, и рушили устоявшиеся понятия, старый порядок и империи. Ислам ныне, видимо, вошел в эту фазу. Сердцами мусульман овладела идея схватки добра и зла, света и мрака, порядка и хаоса, борьбы Аллаха с дьяволом, Иблисом, Сатаной. На наших глазах эта идея воплощается в реальные восстания, революции, в политические и военные действия. Эта идея овладевает все новыми миллионами мусульман. Для мусульманина мир разделен на добрый Дар аль Ислам с шариатом и злой Дом Войны – Запад, где жируют безбожники.

Естественно, европейцев с их блестящей культурой берет оторопь от таких взглядов пришельцев, которых, как им казалось, они облагодетельствовали, дали работу и предложили равные демократические права. Реакция европейского общества была предсказуема: поставить зарвавшихся гостей на место, перекрыть все пути для новых иммигрантов с Востока, радикалов-исламистов изгонять. Появляются в наши дни первые отзывы на закручивание гаек в отношении евроислама. Вот в интернете в январе 2011 г. египетский профессор в интервью говорит: Европа готовится изгнать 30 миллионов мусульман, уже идет идейная подготовка, все осудили мультикультурализм. Нам надо, – говорит профессор, – продержаться в Европе еще только 10 лет, и тогда им конец, их воля к борьбе иссякает, это общество стариков. Но нам, молодым и жизнерадостным, не надо поддаваться на провокации. Наша цель – сделать для европейской молодежи ислам неотразимо привлекательным.

В интернете нахожу видео, где белокурый голубоглазый юноша – типичный англичанин – объясняет, почему он и его друзья перешли в ислам: мы не можем жить без веры. Но почему не вернуться к вере отцов, к славным традициям и обычаям предков?!

В субботу 18 декабря 2010 г. в Париже, как перед Великой Французской революцией, собрались неофициальные Генеральные штаты (Assises). Собралось свыше тысячи делегатов из стран Евросоюза. Присутствовала и русская писательница Елена Чудинова, автор романа “Мечеть Парижской Богоматери”. Тема была ей в руку: десятки ораторов говорили о том, как предотвратить исламизацию Европы. Собравшиеся приняли “Манифест Парижа”. “Мы собрались, чтобы осудить завоевательский ислам, который наступает на наш континент. Мы призываем всех европейцев подняться на борьбу с исламским прозетелизмом... так же, как мы некогда восстали против всех других форм тоталитаризма”. В Манифесте отброшено официальное лицемерие, показная симпатия к “умеренному исламу”. В нем сказано: “Необходимо поставить заслон исламскому тоталитаризму, сексистскому и человеконенавистническому, который пытается своим демографическим ростом и запугиванием уничтожить гуманистическую цивилизацию”.

В этом документе сурово осуждаются власти, левые и правые партии и особенно главный виновник – глобалистский финансовый капитал. Власти и элита дряблы и трусливы, без сопротивления сникают перед внедрением

¹ См. также суры 4,75; 8, 16–17; 8,40; 8, 45–47; 8, 66–68; 9,5; 9, 12–14; 9–24; 9, 41; 47,4; 47,37.

шариата. Леваки сервильны, подобострастны и болтливы, правые – это оппортунисты, которые склоняются перед аферистами-глобализаторами. *“Под угрозой наши жизненные ценности, которые мы создавали две тысячи лет”*, – заключает Манифест. В нем указаны конкретные меры противостояния исламизации: не допускать введения норм шариата, прекратить финансирование СМИ на арабском языке и строительство мечетей за счет налогоплательщиков. Главное требование: перекрыть все возможные пути наплыва новых мусульманских иммигрантов.

Легко сказать! Остановить новое переселение народов?! Рыба ищет, где глубже, а люди – где лучше. США построили стену с Мексикой круче Берлинской – и не остановили поток иммигрантов. А Европе нужно перекрыть не одну, а 11 границ. И число мечетей будет увеличиваться, иначе правоверные перекроют магистрали и будут на них молиться. А что такое мечети в исламской геополитике, поэтично, не скрывая, объяснил в 1998 г. турецкий лидер Эрдоган: *“Мечети – это наши казармы, купола – наши каски, их минареты – наши штыки, а правоверные – наши солдаты”*¹. Европе брошен вызов, восстания и революции в арабских странах многократно его усилят.

Турецкая авторитарно-военная модель Ислама весьма привлекательна и для арабов. Но, кажется, и либеральным демократиям в Европе приходит конец. Исламская коса нашла на камень националистов, правых радикалов. Они выступают с популистскими лозунгами, с исламофобскими программами и успешно продвигаются на пути к власти. Контурсы грядущего столкновения цивилизаций уже искрят. В Европейском Союзе грядут великие потрясения.

¹ R. Spencer. Le site Dhimmi Watch.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ”

I

Весной 2009 года со мной в родной Калуге случилось одно странное приключение.

Сначала я встретился с давним своим товарищем Сергеем Капрановым.
– Привет! – Привет!

И началось: “Как живёшь? Что ешь? Как здоровье?” Но ведь у нас, у русских, словами не обойдёшься. “Ну где выпьем? Давай как в молодости – в парке на лавочке!” Но Серёжа счёл это предложение легкомысленным.

– Нет. Давай “Путинку” возьмём, а выпьем вон в том баре, у меня там бармен знакомый, он нам разрешит со своей бутылкой.

Бармен, однако, соблюдая интересы своего заведения и разрешив нам распить “Путинку”, всё-таки поставил условие: “Хоть по сто грамм возьмите в баре. Ну, и закусить, конечно”...

Короче говоря, к нашей “Путинке” прибавилось ещё по 100 казённых, но мы от души поговорили в пустом баре, в уютном углу за столом и расстались довольные неожиданной встречей, во время которой вспоминали молодость, старых товарищей и читали стихи, как в лучшие времена – Есенина, Блока, Николая Рубцова и даже нашего земляка по Полотняному заводу Александра Сергеевича Пушкина.

...Домой я возвращался по тропинке вдоль заросшего тополями, вязами и черёмухой Березуевского оврага и почти уже вышел к Каменному мосту, как нечто необычное заставило меня замедлить шаг, а потом и остановиться...

Возле высокой стелы, увенчанной бюстом Пушкина, сидела шумная молодёжная компания. Памятник поэту был поставлен в легендарном 1937 году во время столетнего юбилея со дня его гибели. Памятник был невесть какой: стела цементная, а сам бюст похоже что гипсовый, серенький... Однако за 70 с лишним лет он врос в городской пейзаж и стал его достопримечательностью.

На лавочке возле стелы сидели три парня и три девушки. Шумные, нетрезвые, расхристанные. Бутылки и банки из-под пива, пустые сигаретные пачки и окурки – отходы их пиршества, лежали на убогой цветочной клумбе возле стеллы, образовав небольшую помойку...

Я не смог пройти мимо них – мне было дорого это заветное место: всю жизнь, начиная с довоенного времени, с 1937 года, со своего пятилетнего возраста я проходил мимо этого моего Пушкина, каждый раз задирая голову, и вглядывался в выпуклые каменные глаза поэта, в его застывшие кудри и бакенбарды на гипсовых щеках. А тут мат-перемат и помойка...

– Ребята! А вы знаете, чей это памятник рядом с вами?

Самый относительно трезвый парень не сразу, но всё-таки понял мой вопрос.

– Ну и чей?

– Это же Пушкин Александр Сергеевич! Может быть, кто из вас помнит: “Мороз и солнце, день чудесный!”, “Я помню чудное мгновенье”.

Мои собеседники, раздосадованные вмешательством в их жизнь, недружелюбно оглядели меня. Я оторвал их от очень важного дела: они выворачивали карманы, собирая последнюю мелочь на пару банок пива.

Однако самый трезвый из них встал со скамейки, повернулся лицом к Пушкину, взгляделся в него и произнёс:

– Дедок! А ведь твой Пушкин панк! У него ирокез!

До меня дошло, что парень обратил внимание на волнистую каменную грядку волос, застывшую на голове поэта.

– Ну и что? Он ведь был в жизни курчавым, в жилах его текла одна шестнадцатая часть африканской крови... – ответил я.

– А! – радостно завопил мой собеседник. – Твой Пушкин не только панк, но ещё и нигер! – И демонстративно бросил окурок к подножию стелы.

Ну что было с ними делать? Не драться же в мои 76 лет! И уходить, оставив Пушкина на поругание, позорно. Надо было найти какой-то общий язык с этим отвязанным поколением. И тут меня осенила одна мысль.

– Вы знаете, ребята, что такое армрестлинг? – сказал я, выбросив вперёд руку и сгибая её, словно бы укладывая на стол воображаемого противника. Мои собеседники оживились: они знали, что такое армрестлинг..

– Предлагаю вам соревнование. Кто из вас самый сильный? Наверное, ты? – обратился я к парню, который обозвал Пушкина панком и который, видимо, был у них авторитетом.

– Выясним, у кого рука сильнее. Если ты меня положишь, я покупаю тебе пиво. Если я тебя – ты извинишься перед Пушкиным!

Мой молодой соперник, не долго думая, сбросил с себя куртку, стянул майку, на которой был изображён какой-то его лохматый кумир, словом, заголил до пояса, попытался поиграть мускулами, но я видел, что бицепсов то почти нету, грудь тощая, наколки фальшивые – татуаж. У нас после войны наколки были натуральные, выколотые набором игл спиртовой тушью, что называется, на всю жизнь, с вечными истинами вроде “не забуду мать родную” или “они устали”, если на ногах, – а у этих, тьфу! – выродилось и это искусство, потеряло свою простонародную сущность... Но всё равно, я же старше его лет на шестьдесят, справлюсь ли? Опустились мы каждый на колени по разным сторонам лавочки, упёрлись в неё локтями, ладонь в ладонь. А я лихорадочно думаю: ну, старый дурак, придётся тебе покупать пиво! Оглянулся я на Пушкина, взмолился: выручай, Александр Сергеевич, – и резко сработал кистью влево. Главное в армрестлинге – кисть заломить противнику, остальное – легче...

Не без труда, но то ли с Божьей, то ли с Пушкинской помощью через минуту-другую я прижал-таки руку молодого охальника к лавочке. И говорю: “Извиняйся перед Пушкиным!” Но тут двое его друзей, сообразив, что халявное пиво ускользает от них, завопили: “Дедок! Давай и с нами армрестлинг!”

Однако оба они были то ли совсем пьяные, то ли слабее первого, но с ними я разобрался побыстрее и подытожил: “Ребята, надо слово держать, к Пушкину подойти и извиниться”.

Взял я их за руки мирно так, ласково, шагнули мы к стеле, двое последних проигравших просто голову склонили, а главный, то ли совесть у него загаворила, то ли ноги подкосились – на колени опустился перед Пушкиным, а встать не может, пришлось ему помочь, подхватить под руки и приподнять...

Возвращаю их на лавочку, и жалко мне их несчастных, ну, думаю, чего торжествовать, подслащу их неудачу – деньгами, и говорю: – Вот, ребята, в честь моей победы вам на пиво! – А вместе с деньгами вытащил и паспорт. И тут меня словно какой-то чёртик дёрнул за язык: я обратился к девушкам, которые сидели на лавочке:

– Девочки, вот мой паспорт, прочитайте, с какого я года рожденья!

Одна из них взяла корочки и читает:

– Родился 27 ноября 1932 года! – Тут у их кавалеров челюсти отвисли: до них дошло, что они проиграли армрестлинг 76-летнему старику...

А девушки захлопали в ладоши и стали осыпать меня взглядами, которых я давно на себе не ощущал. Оскорблённый этими знаками внимания со стороны своих девушек, главный запричитал: “Ты, дед, выиграл у нас нечестно, воспользовался, что мы все пьяные! А Пушкин твой всё равно панк и нигер!”

Я уже удалялся от хмельной компании по дороге к дому, но тут же парировал этот выпад: “Да если бы я был трезвым — разве я бы к вам подошёл? — и неосмотрительно добавил, обращаясь к девушкам, благосклонно глядевшим мне вслед: — А вы, девчата, бросайте их, вы же сами видели — никуда они не годятся, ни в деле ни в постели...” — Последние слова были лишними, потому что троица бросилась было за мной, и мне пришлось вспомнить, что помимо армрестлинга я когда-то в молодости занимался лёгкой атлетикой, то есть неплохо бежал...

Мои преследователи, попытавшись перейти на бег, поняли, что у них из этого ничего не получается, вспомнили, что у них благодаря странному старику есть сто рублей, и тут же свернули к ларьку за вожделенным и на халяву доставшимся пивом...

А я повернул с аллеи к Каменному мосту и, оглянувшись, увидел трёх девушек, махавших мне на прощанье своими узкими ладошками.

... Бедное, обворованное, лишённое будущего поколение, мои несчастные молодые земляки, изуродованные подлым рыночным временем!.. С четырёхметровой колонны на них смотрел выпуклыми глазами “панк и нигер”, великий русский поэт Александр Пушкин. Смотрел и шептал вывороченными каменными губами знаменитые уже почти два века обращённые к русским людям слова: “Здравствуй, племя, младое, незнакомое!”

II

Вскоре после калужского приключения, в преддверии Дня Победы я поехал на военное кладбище в подмосковный посёлок Щербинка. Дело в том, что там похоронен брат моей матушки Никита Железняков, калужанин, уроженец деревни Лихун, профессиональный военный лётчик, сталинский сокол, награждённый уже за финскую войну орденом Боевого Красного Знамени... Штурман авиации дальнего действия, которой командовал маршал Голованов, дядя Серёжа в самое трудное для страны время — в октябре 1941 года получил второй орден Боевого Красного Знамени за то, что, когда немцы стояли в 30 километрах от Москвы, водил свою эскадрилью бомбить Берлин. Это был приказ самого Сталина. Чудом возвращался. Третий орден, Отечественной войны I степени, он получил в начале 1943 года. А через месяц погиб вместе со всем экипажем, с пилотом Иосифом Рябоконом, родом из Приморского края, и со стрелком-радистом, имя которого неизвестно.

Первый раз я побывал на его могиле в 1947 году, свозил туда его мать и мою бабушку Дарью Захаровну. И фотография того времени у меня хранится: обширный пригорок, редкие кусты, несколько могил, одна из которых окружена железной оградой — и вместо надгробья стоит в ограде и тянется в небо громадными чёрными лепестками пропеллер бомбардировщика, на котором разбился дядя Серёжа со своими товарищами. Всё, как в изумительном стихотворении Николая Заболоцкого:

*Здесь лётчик у края аллеи
покоится в ворохе лент,
и мёртвый пропеллер, белея,
венчает его монумент.*

Несколько лет я не был на бывшем воинском кладбище, которое стало уже и гражданским, всеобщим, оно расползлось во все стороны по склонам, заросло деревьями, дорожки заплелись травами и кустарником... Где-то вроде бы здесь должен быть тот самый пропеллер, где-то здесь, а деревья выросли такие, что найти не могу.

Впрочем, вот стоит... Да не похож, тот был с длинными двухметровыми лопастями. Этот какой-то короткий, маленький. И металлической дощечки с фамилиями нет на нём. И бетонный пьедестал совсем другой... Мы с шофёром Мишей побродили по кладбищу, но никакой другой могилы с пропеллером не нашли...

— Айда в контору, — сказал я Мише. — Разберёмся, расспросим, где наш пропеллер...

В конторе нас встретил сторож, который, только мы произнесли слово “пропеллер” — всё сразу понял.

– Да в прошлом году на кладбище пьянь какая-то поселилась. Мы посменно работаем, да за всеми участками не углядишь, кладбище-то неогороженное. Словом, раздолбали мародёры постамент, пропеллер вытащили. И, видно, сдали в металлолом. . . Мы обнаружили только груды раскуроченного бетона. . .

– А откуда взялся новый пропеллер? – Так оказалось, что за этой могилой много лет ухаживали старшеклассники из Олсуфьевской средней школы. Каждый год в День Победы они подправляли её, цветы высаживали, от мусора чистили. И когда увидели её разорённую, да без пропеллера, то поехали на газпромковский аэродром – он же бывший военный, где лётчики во время войны в казармах жили. А там на запасных стоянках стоят старенькие небольшие самолёты – “Аннушки”, “Яки” . . .

Ну, ребята уговорили начальство, чтобы им отдали пропеллер с одной из списанных машин, сколотили новую опалубку, залили пропеллер раствором – и вот он стоит! Сторож махнул рукой.

– Народ совсем оборзел, слава Богу, что школьники ещё остались. . .

Тут я вспомнил, что моя матушка, родная сестра дяди Серёжи – в начале 70-х годов прошлого века выйдя на пенсию, стала навещать могилу брата, забрела как-то в Олсуфьевскую школу, рассказала ребятам о братской могиле трёх лётчиков, провела их к надгробию с пропеллером. . . С той поры ребята много лет подряд шефствовали над могилой и матушке посылали письма. Низкий поклон им от меня, племянника Сергея Железнякова, чьё имя занесено в Книгу славы Калужской области. . . А теперь мне только осталось изготовить полоску из нержавеющей стали с именами экипажа да заехать в школу и поблагодарить школьников вместе с их наставниками.

. . . Я погладил лопасть пропеллера, горячую от весеннего солнца, перекрестился, вытащил из кармана фляжку, налил водки в пластмассовый стакан и выпил за Сергея Никитича и его боевых товарищей.

А когда на другой день приехал в редакцию, то на столе меня ожидало письмо со стихотвореньем Марии Знобищевой, которая начала печататься в журнале несколько лет тому назад, ещё будучи тамбовской школьницей. . . Стихотворенье было о памятнике советскому солдату, стоящем на горе в Болгарии возле Пловдива.

*Стоит над горою Алёша —
Болгарии русский солдат.*

*Всё поёт. Мне добавить нечего
В этот хор.
Так секунда вступает с вечностью
В разговор.*

*Надоело быть вовсе лишнею,
Быть одной.
Вон стоит — выше света вышнего —
Брат родной.*

*Потянулась к нему руками я —
Не достать!
Для чего обернулась каменной
Эта стать?*

*Я тебя бы, Алёша, веришь ли,
Век ждала
И за всех бы девчат теперешних
Обняла!*

*Луч дрожит на щеке морщинистой,
Грань дробя.
Между нынешними мужчинами
Нет тебя.*

И когда мои воспоминания о “дуэли” возле памятника Пушкина и о могиле с пропеллером, о Марии Знобищевой затянулись в один узел, я вспомнил ещё и строчку из стихотворенья моего покойного друга Анатолия Передреева:

Ещё не всё потеряно, мой друг. . .

АНДРЕЙ УБОГИЙ

РУССКИЕ РЕКИ

Реки – Божьи дороги

Уже двадцать пять лет – полный рекрутский срок – хожу на байдарках. Стоит только представить, сколько времени, нервов и сил ушло на эти полсотни походов, как охватывает недоумение: зачем, почему, по какой такой крайней нужде, стоит годичному колесу перекатиться за новогодние праздники – как начинается обсуждение планов, сиденье над картами, потом суматоха-волнение сборов, а потом, в первых днях мая, в борта нашей лодки уже, глядишь, плещет речная волна!

Эти походы порой представляются чем-то второстепенным и несущественным, неким придатком к иной – основной, как нам кажется – жизни. Это же не работа, не добывание хлеба насущного: это некая блажь, без которой вроде бы можно и обойтись. Но, с другой стороны, без рек и лодок наша жизнь опустеет, остынет.

Недаром за каждый поход, за возможность поплыть по реке мы порою буквально сражаемся, бьёмся. Видимо, каждый турист перед каждым своим путешествием чувствует, как та бытовая, привычная жизнь, что текла себе тихо-спокойно – вдруг начинает показывать свои когти и зубы. Едва соберёшься в поход – обязательно что-то случается: то заболит кто-то из близких, то потекут в доме трубы или засорится канализация, то случится ещё что-нибудь, что требует действий, решений, присутствия дома – и ставит поход под угрозу. Как только жизнь чувствует, что ты от неё ускользаешь, она начинает раскидывать ловчие сети, опутывать ими тебя – так, что порою приходится даже и рвать эти узы.

А во имя чего – что мы ищем в походах? Когда ты был молод, то мог бы ответить: ищу сам себя. В молодости был важен момент испытания: хотелось узнать, каков окажусь я в иных, непривычных условиях жизни – на ветрах, под дождями, среди холодов? В каком-то смысле походы молодости – это были путешествия к себе самому. И это, конечно, был спорт – и по немалым нагрузкам, и по азарту, с каким ты, бывало, налегал на весло.

Не сразу, но всё изменилось. Проверять самого себя стало ненужным – всё, что мог и хотел, ты уже доказал – и тогда изменился сам вектор походов. Ты стал путешествовать – как бы это сказать? – не к себе самому, а, скорее, вовне, в окружающий мир. Когда я почувствовал, что жизнь, в основном, прожита – мне стало куда интересней, важнее, существенней то, что меня окружает: иные места, незнакомые люди. Недаром расширилась и география наших походов. Если раньше мы не покидали пределов калужской земли – удивительно, кстати, богатой и реками, и возможностью стро-

ить речные маршруты – то, едва мне перевалило за сорок, как я с друзьями собрался на Южный Урал и прошёл по восточным окраинам русского мира. Спустя пару лет нас позвали лесные верховья Угры – поманила Смоленщина, запад России. Потом были степи юго-востока – то Дикое поле, куда вёл дружины князь Игорь, чтоб зачерпнуть шеломами из Дона. И, наконец, мы с товарищем побывали на севере, прошли Ваймугу, Сию, Двину – повторяя маршруты купцов и охотников, русских поморов.

Так вот и получилось, что мы побывали на юге и севере, на востоке и западе – мы увидели берега русских рек, разделённые тысячами километров, но, тем не менее, несомненно родственные друг другу и схожие тем, как они выражают единую русскую душу.

Порою поход начинается с поиска нами – реки. То есть буквально: часами, меняя дороги и увязая по самые оси колёс в непролазную грязь, порой кренясь так, что “Газель” грозит опрокинуться, мы пытаемся выбраться к месту, где мы, наконец, могли бы стать на воду. Особенно памятна наша блужданья в верховьях Угры, в треугольнике между Спас-Деменском, Входами и Коробцом. Пятого мая погода была совершенно собачья, дождь перемежался снегом, дороги раскисли, и мы, ещё даже не видя реки, уже были измотаны так, словно целые сутки гребли под дождём. То и дело приходилось выскакивать из машины и рубить слеги, подсовывать их под завывавшие, остервенело плюющие грязью колёса – и, оскользясь и падая, выталкивать “Газель” из очередной вязкой рытвины.

Тоски добавляли и виды, что сонно тянулись по сторонам от лесной и болотистой нашей дороги. Одни лишь руины да пепелища встречали мы на Смоленщине. Вон там – раскуроченный, ржавый скелет никому уж не нужного трактора; там – руины сгоревшего дома с торчащей печною трубой; а вон там, за кустами разросшейся буйной сирени, у бывшего клуба – гипсовый памятник воину-победителю, к подножью которого уж давно не приносят цветов...

Наконец за ракетами открылось коричнево-мутное тело реки. “Газель” утомлённо притормозила. И на душе сразу сделалось легче. Незвизрая на дождь и на холод, на то, что нас впереди ждёт сырая, тяжёлая ночь, что ближайšie несколько суток придётся лишь только терпеть да грести – всё равно безотчётная радость охватила всю нашу команду. Глаза всех оживились, и мы, как десантники из самолёта, стали один за другим прыгать в дождь, а потом торопиться по мокрому лугу к реке.

Угра была мутной и сильной. Водовороты скользили по ней и несли грязно-рыжую пену, коряги и ветки, какие-то доски – и всё это, вместе с водою, так сложно крутилось, тонуло и снова всплывало, как будто река безуспешно пыталась скрутить саму себя в узел. В клубящемся, сложном движении реки были и тревога, и страх перед собственной силой, которая, кажется, не имела границ, – но и, странное дело, ещё был глубинный покой. Или этот покой жил где-то в нас, в наших собственных душах – а встреча с рекой лишь позволила о нём вспомнить? Во всяком случае, стоило нам оказаться на берегу, посмотреть на весеннюю воду – как между рекою и нами возникла живая и сложная связь.

И потом, уже ночью, когда мы лежали по спальникам и, в наплывавшей дремоте, рассеянно слушали реку – казалось, что вот-вот наладится наша с нею беседа. К тому же, в ночной тишине, когда стих даже дождь, сначала так туго стучавший по скатам палатки, – бормотанья и вздохи реки раздавались отчётливо. Казалось, что рядом вздыхает, бормочет живой человек: он то повернётся и сонно зачмокает, то вдруг застонет или мучительно скрипнет зубами. А тот поток сна, что подхватывал нас, уносил на своих прибывающих водах, – он ещё больше сближал нас с рекой, он как бы сплел наши сонные души с движеньем речных, прихотливо запутанных струй...

Мы, русские, вполне можем считать себя панцирем рек. Достаточно посмотреть на карту России, чтобы увидеть, насколько же наша земля вся пронизана реками – так же, как человеческое тело пронизано сетью кровеносных сосудов. И, что ещё важно, большинство рек с их бассейнами Россия включает в себя целиком – чего никак уж не скажешь о реках, к примеру, Европы.

Но дело, конечно же, не в одной географии и не в количестве рек; дело в том, как сам характер русского человека включает в себя “речные” черты. Почти всё, что мы, русские, можем сказать о себе – мы можем сказать и о ре-

ках: качества рек удивительным образом соотносятся с качествами народа. Широта и податливость внешним влияниям, готовность принять, отразить в себе всё, что только ни есть в окружающем мире, всеотзывчивость и почти беспредельная терпеливость — это всё может быть сказано что о русской реке, что о русском, взращённом рекой, человеке. Но, с другой стороны, неуёмно-бунтарская сила, способность снести, сокрушить всё, что есть на пути, готовность отдаться губительно-тёмному паводку страсти — разве это не русские качества? И вообще, поражающая весь мир противоречивость русского человека, его способность совмещать в себе то, что, казалось бы, соединить невозможно — откуда берётся такое? И разве не русские реки являют нам самый живой и наглядный пример совмещения противоречий?

Вот река неподвижна, закована панцирем льда — вот она полнится “шумом и яростью”, мутно кипит, сокрушая мосты, берега и плотины — вот она сонно млеет, едва шелохнётся под знойным полуденным солнцем, и только лишь вздохи коровьего стада, зашедшего на водопой, оглашают речную дремотную отмель... А вот, ближе к осени, река сделалась так чиста, глубока, так печальна — и теперь взгляд реки обращён лишь в саму же себя, в свою просветлённую душу... Но ведь это всё та же река, река с одним именем, руслом, судьбой — как она может быть такой разной?

А как мы, русские, можем быть то безвольно-покорны, то своевольно-горды, то тупы и пассивны — то, наоборот, поражаем весь мир и смекалкой, и творческой волей? Рассуждение, логика здесь бессильны — умом Россию, как известно, не понять — мы можем лишь верить России и русской судьбе, отдавая ей с тем же доверием, с каким мы отдаёмся реке, плывя по ней в лодке.

Конечно, Россия без рек — не Россия. Дело даже не в том, какое экономическое, транспортное, энергетическое значение имеют реки для нашей страны — по каждому из перечисленных пунктов можно писать не то что статью, а целую книгу — для нас сейчас важно, какое значение реки имеют для русской души. И вот тут можно прямо сказать: вся русская лирика (а лирика — это и есть жизнь души) живёт неразрывною связью с рекой. Едва ли не главный герой русских песен — река, которая то служит фоном эпического песенного повествования, то выступает одушевлённым действующим лицом. Да и сама русская песня похожа на реку: она то разливается вширь, то закручивает бесконечные водовороты повторов, то спешит и бурлит, как бурлит вода на перекате. Конкретных примеров не счесть; читатель может сам взять в руки песенник и посмотреть, какое множество рек течёт через русские песни — и как много песен звучит наподобие вольно разлившихся рек. А какое огромное место в русском лирическом мире занимают мосты и обрывы, мельницы и омута, русалки и водяные, луга, сенокосы, туманы и броды — всё то, что относится к миру реки, что неразрывно связано с её, реки, жизнью!

Мысль о том, что мы, русские, являемся нацией рек, находит своё подтверждение ещё и с такой неожиданной стороны. Посмотрите: ведь два самых главных и самых известных героя русской классической литературы — оба названы по именам русских рек. Случайно ли то, что Онегин с Печориным носят именно вот такие, “речные” фамилии? Даже если это случайность — то совершенно особого рода, это тот случай, который, по Пушкину, является “мощным, мгновенным орудием Провидения”. А имена реальных людей, святых и героев, составивших славу России? Воители Александр Невский и Дмитрий Донской, и святой Тихон Задонский — не просто же так имена русских рек сливаются с именами святых?

Наши реки выражают глубинную русскую суть: поэтому, кстати, и Волга стала символом всей России вообще. И всего, пожалуй, важнее её, Волги, всеобщность, её широта и открытость для многих народов, культур, языков — всеобщность, соотносимая с “всечеловечностью” русской души, о которой так страстно сказал Достоевский.

А Угра, которую называют “поясом Богородицы”? Ведь именно воды Угры, реки светлой, ласковой, тихой — стали той неприступной твердыней, на которой окрепло и утвердилось русское национальное самосознание. Мы, русские, стали нацией, мы вполне отстояли себя именно в месяцы Великого Стояния на Угре, когда мы положили границу между собой — и иными, желавшими нас поглотить племенами. И этой границей, что символично, стали именно воды реки: мы как бы выставили перед войсками татарского хана Ахмата нашу русскую суть, нашу душу — и она оказалась неодолима.

Реки объединяют огромное тело России в единое целое. Никакими искусственными дорогами грандиозной этой задачи, конечно же, было не выполнить — тем более, мы-то уж знаем, как хороши у нас, русских, дороги — только реки, как Божьи дороги и неисповедимые Божьи пути, могли нам помочь стать единым народом.

Но отвлечённые рассуждения — всего лишь рассуждения, и они не заменяют живой и волнующей сути похода. Можно сколько угодно читать, размышлять и записывать разные мысли, можно часами сидеть над развёрнутой картой, которая так протёрлась на сгибах, что продолжения рек и дорог можно только угадывать; но, если не сесть в снаряжённую лодку, не взять в руки весло и не погрузить его лопасть в живую, скользкую мимо бортов, напряжённую воду — с рекою ты так и не встретишься.

Встреча всегда происходит в реальности, в обстоятельствах конкретного места и времени. Вот мы начинаем поход по Медведице, одной из красивейших рек русского юго-востока. Что нас повело в эти холмистые степи, изрезанные меловыми оврагами? Думаю, не последней причиной было “Слово о полку Игореве”, был зов древнерусского эпоса, который, как ветер, подхватывал душу и нёс её в сторону Дикого поля. Ведь Игорь с дружиной шёл именно в эти края — а его брат, “буй-тур” Всеволод, ждал “у Курьска наперед”. Слова летописи о моих предках-курянах всегда вызывают в душе волну гордости и восторга. “А мои ти куряне — сведомы кмети: под трубами повити, под шелома възлелеяны, конец копия въскормлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачутъ, акы серыи волци в поле, ищучи себе чти, а князю славе...” И ещё — не могу прервать гул могучего текста: “Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птиць по дубию; волци грозу въсрожат по яругам; орли клетком на кости звери зовут; лисицы брешут на черленья щиты. О Русская земле, уже за шеломянем еси!”

Но мы с другом, в самом начале похода, пока что не видим ни Дикого поля, ни древних курганов — слева и справа от нас, за рябою завесой дождя, тянется полоса непролазной прибрежной урёмы. Река, может быть, и живописна — она мягко петляет от пляжа до пляжа, журчит сквозь коряжник, качает упругие прутья прибрежных лозин — но нам, в непогоду, не до красот и не до созерцаний: руки стынют, дождевая вода затекает за ворот, уже бьёт озноб, и надежда лишь только на глоток спирта, которым мы наградим себя на привале.

Впрочем, мало-помалу мы привыкаем, смиряемся, перестаем замечать даже этот назойливый дождь. Зато замечаем, как ярко краснеют татарские клёны среди ещё сочной зелени вязов и лип, как пышно свисают к воде гирлянды из хмеля — замечаем, как, даже в дождь, хороша и красива река. И вот удивительно: дождь стихает тогда, когда мы с ним уже свыклись, смирились, почти перестали его замечать — как будто задача дождя и была только в том, чтобы проверить, насколько крепка в нас смиренная твердость.

Меж рваных и дымных, поспешно несущихся туч всё чаще проглядывала синева. Ветер свежел; он вывёртывал наизнанку листья раки, мял древесные кроны, и на реку летели тяжёлые, будто свинцовые, капли воды. “Может, выйдем на берег, посмотрим грибы?” — предложил Алексей, мой товарищ.

Мы причалили, вышли. Чтобы подняться в белеющей наверху березняк, надо было пройти сквозь высокую, в рост, осоку и крапиву. Пока пробирались через мокрые заросли, вымокли окончательно. Зато сверху увидели реку во всей красе: с её мелями и омутами, шарами раки, серебристо дрожащих под ветром, и с рыжей, сочащейся глиной обрывов. Медведица в этих местах чем-то напоминала юную девушку: река ещё словно не определилась, какую ей быть, не нашла свой характер и образ — и в этой незрелой её красоте было особое очарование.

С грибами же ничего у нас не получилось. И березняк, и сосняк чуть поодаль, и вообще все места, где росло хотя бы несколько чахлых деревьев — оказались безжалостно перекопаны кабанами. Жутко было смотреть на пустую, сплошь перерытую рылами и истолчённую копытами землю. “Бог не выдал, но съела свинья”, — откуда-то выплыла строчка, переиначенная из поговорки, и стало так грустно, как будто на наших глазах был разрушен жилой и ещё тёплый дом...

Но главным степным впечатлением стали орлы. Как-то, устав от гребли, мы вышли на берег и, чтобы дать отдых натруженному спине, упали навзничь в траву. Я задремал: звуки, меня окружавшие, смешались и отдалились, и какое-то время я плыл среди смутных, клубящихся грёз первосонья. Когда же открыл вновь глаза, то сначала почудилось: чёрные точки (такое бывает спросонья) плывут в синеве надо мной. Но, проморгавшись, я ясно увидел, что это кружатся над нами степные орлы.

Их были десятки — и все они так деловито снижались, как будто имели в виду совершенно определённую цель. Поначалу я с любопытством следил за орлами, за тем, как они, приближаясь, становятся больше и больше — но вдруг, ещё до того, как я что-либо понял, волна первобытного страха сдавила мне сердце. Вскоре я догадался: для них, для орлов, мы были — мёртвыми, и пернатые эти могильщики ожидали теперь изобильного пиршества, тризны. Снова вспомнилось “Слово”: “Ту кроваваго вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами пологоша за землю Русскую...” Ведь их, орлов, предки, вот именно в этих местах кормились моими предками — теми, кто пал на гражданской войне. В этих краях был завязан один из самых тугих, беспощадных узлов братоубийственной бойни. Здесь, вблизи Усть-Медведицкой, воевал знаменитый Миронов; именно здесь полыхали пожары верхнедонского восстания — о котором писал потом Шолохов в “Тихом Доне”...

Товарищ потянулся к фотоаппарату, но зоркие птицы мгновенно увидели это движение, поняли, что обманулись — и стали, один за другим, исчезать. Пропадали они так же таинственно, как и появлялись — словно орлы просто-напросто таяли в синем, с прожилками белого, небе — хорошо ещё, что Алексей успел сфотографировать последнюю дюжину из разлетавшихся птиц. И вот уже небо опять было чистым — один только ветер тянул над урёмой, и жухлые листья раки, кувыряясь, летели на этом осеннем ветру...

После встречи с орлами я по-новому посмотрел на Медведицу и на её берега. Поражала безлюдность, заброшенность и сиротливость реки. В это трудно поверить, но мы, проплывая по столь благодатным, обильным, с древнейших времён заселённым местам — мы могли за день хода не встретить ни одного человека. “А где же люди?” — хотелось спросить, если б было к кому обратиться. Ответ знали, наверное, только орлы — те, кто с небес наблюдал за всем тем, что творилось на этой, на сажень пропитанной кровью, земле.

Если же мы кого и встречали, то это были рыбаки — то есть бабы, удившие рыбу. Ловили они неумело, какими-то доисторическими снастями — ну где теперь, в эпоху силикона и пластика, встретишь удилице из орехового прута? — и ловили одну только мелочь. Куда подевались их мужики, почему не рыбачат те, кому это положено — мы, понятное дело, не спрашивали. Мужики здесь повымерли, спились или, в лучшем случае, поужезжали: их теперь не хватает не только на то, чтобы как-то поддерживать и обустроить жизнь, защищать и беречь землю предков — но даже на то, чтобы посидеть на берегу реки с удочкой.

А рыбы-то — сколько рыбы было в Медведице! Когда погода наладилась — вечерами по всей реке начал жадно кормиться голавль. Эти лобастые, с чёрными спинами, краснопёрые рыбины спешили нагулять к зиме жира — и азартно хватали блесну. В иные дни мы ловили так много, что отдавали улов местным жителям — в основном, тем затурканным бабам, которые всё никак не хотели поверить, что мы отдаём им куканы с рыбой за просто так, даром, и всё ждали какого-то словно подвоха от нас, подозрительно трезвых и вежливых мужиков.

— Это в нашей реке можно столько поймать? — изумлялись они, принимая тяжёлые связки жерехов и голавлей. — Сколь живём, такой рыбы не видели!

А мы с Алексеем, сколько живём, не видели такого сома-гиганта, как тот, которого мы потревожили на песчаной косе. Шли по мелкой воде, и река была так просвечена солнцем, что казалось: мы не плывём, а летим над барханами дна, над мозаикой солнечных пятен, скользивших по волнам песка. Вот тень от байдарки накрыла бревно, что лежало на солнечном дне — и это бревно вдруг рывком приподнялось, взметнув завихренья песка, и пошло-заскользило над дюнами дна. Сом был не меньше, чем наша байдарка; и он уходил по наклонному дну так неудержимо, как будто его увлекала во тьму глубины сама его неимоверная тяжесть...

И воды Медведицы, и земля по её берегам так богаты, что охватывает недоумение: почему ж так безлюдны, заброшены благословенные эти места? Ещё хорошо, что живая реальность похода не позволяет надолго уйти в грусть-тоску вот таких размышлений. Хорошо, что надо причаливать к берегу и собирать сушняк для костра, доставать котелок и зачёрпывать им из Медведицы воду, затем разводить огонь – потому что уже приближается время полднего чая. Сухие ивовые прутья не просто горят – они растворяются в жарком огне такой силы, что близко к костру и не подойти. От ивняка даже пепла не остаётся на прокалённом песке: ветерок сдует серую пыль, и уже не найти, где тут было кострище. Зато и вскипает вода так стремительно, что едва успеваешь нарезать хлеб, сало, лук – а уж время сыпать заварку в бурлящую воду.

Пока чай настаивается, посидим на песке да посмотрим на реку. Медведица раздалась, пополнела – как-никак, мы седьмой уже день движемся к устью – и, как женщина в самом соку, река заметно похорошела. Её повороты стали уверенней, берега сделались чётче – в них нет уже прежней размытости, подростковой и неуверенной зыбкости черт. Уж если обрыв, так обрыв настоящий, источенный гнёздами ласточек, а если отмель – то отмель широкая, с пляжем, где на влажной полоске песка отпечаталась строчка следов горностая.

После трапезы хочется спать. Зевая и волоча за собой туристический коврик, ты забредаешь в ажурную тень ивняка – чтобы рухнуть ничком и забыться. Река течёт рядом; её всплески и вздохи, удар большой рыбы на плёсе, и жадное бульканье, с каким омут сглотнул ком земли, соскользнувший с обрыва – это всё слышится даже сквозь сон. А поскольку сон тоже подобен реке, уносящей нас от привычного берега яви, – то река, протекая сквозь реку сна, делает сонные грёзы настолько запутанно-сложными, что в них совершенно теряешься; а когда, наконец, выплываешь – иным видишь берег и реку, иным ощущаешь себя самого...

Вот мы и используем этот эффект сонного перемещения – для того, чтобы вдруг оказаться на реке Ваймуге, на две тысячи километров севернее тех мест, где мы только что задремали.

Открыв спросонья глаза, можно сразу и не догадаться, что река уж другая: синее небо и горы тугих кучевых облаков, и гладкое тело реки поначалу как будто бы те же. Однако, всмотревшись, ты понимаешь, что это уже не Медведица. Лес по берегам и темнее, и гуще; зубчатая линия северных елей совсем не так выглядит на фоне небесной голубизны, как округлые, бледно-зелёные кроны южных раKIT. И здесь лес подходит к реке вплотную: в иных местах можно с лодки, веслом дотянуться до мшистых, сурово насупленных елей.

Но, несмотря на угрюмый, таинственный сумрак тайги, окружающей реку, нельзя сказать, что на северной Ваймуге меньше света, чем на её южной сестре Медведице. Света, может быть, даже и больше – в этом одно из открытий похода по северным рекам. Только он здесь особенный, мягкий, спокойный, он не спит так, как на юге, не делит весь мир на отчётливо резкие пятна и полосы светотеней – а он как-то пропитывает собою и воздух, и реку, и лес, он озаряет весь мир серебристо-неярким, задумчивым, нежным свеченьем.

Здесь, на Севере, я впервые почувствовал магию серого цвета, того самого цвета, который в обыденном нашем сознании служит символом всякой бездарности, тупости и середины – одним словом, серости. Насколько же это не так – насколько, действительно, нужно иметь беспросветную душу, чтобы не видеть той красоты, какую несёт с собой серый северный цвет! Посмотрите на серые избы по берегам серых северных рек, на просмолённые днища лодок, на доски мостков, на которых полощут бельё светловолосые и сероглазые бабы, взгляните, как дым костерка поднимается к бледно-белёсому небу – но ни в чём, что вы видите здесь, никогда вы не ощутите уныния серости. Наоборот, в вашу душу войдёт тот неяркий, таинственный северный свет, который и делает серое – как бы светящимся.

Удивительно, кстати, что в русском фольклоре – а значит, и в русской душе – серый цвет занимает особое место, и отношение к нему большей частью сердечное, нежное. Чего стоят, к примеру, имена-прозвища наших сказочных

персонажей: серая утица да серый лапчатый гусь, “трусиска зайка серенький” и серый волк, помогавший Ивану-царевичу, серая мышка, так лихо решившая все проблемы что с репкой, что с золотым яичком – да едва ли не все наши сказочные герои наряжены в серое! А если и промелькнёт среди них, скромно-серых, хвост ярко-рыжей лисы, так каждому ясно: это плутовка, и ей верить нельзя.

О смысле и таинстве серого цвета говорить можно долго – но тогда, боюсь, река рассуждений унесёт нас слишком уж далеко от той реки – Ваймуги, по которой мы с вами поплыли. Скажу ещё только несколько слов о писателях, для которых именно серый был цветом души и России – то есть был, в сущности, даже не цветом, а именно светом, который собою пропитывал сумерки жизни. Это Николай Рубцов – отсылаю к прекрасной статье, которую написал о нём Вадим Кожинов, где он рассуждает о цветовой гамме стихотворений Рубцова. Это Борис Шергин, певец русского Севера, в чьих дневниках так часто встречаются признания в любви к серебристо-жемчужным тонам, Шергин, для которого серый – это главный цвет поморской России.

Но пора возвращаться на Ваймугу. Впереди пережат. Вода накатывает на лбы валунов – а за ними поверхность реки вся покрыта высокой стоячей волной, вся кипит бурунами. Шум такой, что не слышно друг друга: река оглушила нас и повлекла в своё пенное горло. Только бы, думаешь, нас не развернуло, не нанесло бы на камень бортом – изо всех сил поэтому упираешься, табанишь то слева, то справа, стараясь держать корпус лодки по ходу кипящей струи. Сочлененья байдарки скрипят, волна пару раз пережлётывает через фальшборт. Удар, треск – по днищу со скрежетом проползает контур подводного камня – но мы, похоже, сегодня счастливики: шкура лодки цела, стрингеры не разлетелись, и река перетаскивает нас через отмель.

Пережат мы проходим быстрее, чем об этом можно рассказать: не успеваешь моргнуть, как его буруны позади, и байдарку несёт среди ключьев пены, по ещё быстрой, но уже гладкой реке.

– Может быть, побросаем? – обернувшись, кричит Алексей.

Я понимаю, о чём он: ниже пережатов обыкновенно держится хариус.

– Давай! – соглашаюсь я, и мы начинаем подруливать к берегу.

Охота на хариуса напоминает ужение голавля: и характер рыб, и места их обитания схожи. Ловим, как и на Медведице, на небольшую вертушку. Бросаем блесну в бочажки за камнями, под берег, туда, где вода поспокойней, поглубже. И вот, наконец, после твёрдых ударов блесною о дно рука ощущает живое биенье. Хариус ходит тугими, короткими дугами – и даже прыгает, развернув спинное перо. Потом, уже взяв рыбу, любуешься этой северною жар-птицей. Перо плавника переливается всеми цветами радуги, а упругое тело скрипит, изгибаясь в руке...

Идем дальше. Обгоняем рыжего коренастого мужика, который неспешно, одним веслом, гребёт на дощатике. С ним в лодке лайка, такая же рыжая и коренастая, как и хозяин-помор.

– День добрый! – кричим мужику.

– Здорово, – отвечает он, окая. – Харьюзов поймали-дак?

– Есть немного.

– Ну, а рыбины-то не зацепили?

– Сёмги? Да нет, куда нам: не те рыбаки...

Мужик добродушно смеётся. В том, как он лениво гребёт, в том, как небрежно сколочена лодка – на дне её гремит мягкое жестяное ведро, а чальный конец плывёт по воде – по всей сильной, небрежной повадке помора видна мощь и небрежность северной жизни. Вот, скажем, весло: оно грубо вытесано из доски-сороковки, но о таком пустяке, как скруглить углы на его рукояти, хозяин, видимо, и не подумал. Он так и хватается грубыми пальцами, не боясь ни заноз, ни мозолей, за ребристый брус рукояти.

Так и во всём, что мы видели здесь. Всё – мосты и заборы, сараи, мостки возле бань, сами бани и серые избы, дощатые лодки, которые часто встречаешь гниющими возле воды, – всё сделано с грубою мощью, с размахом, с избытком могучей, как будто с собою и с жизнью играющей, силы; и в то же самое время с такой безнадежной небрежностью, словно люди не верят, что тем, что они смастерили, им придётся пользоваться хотя бы год или два. Слова “абы как”, “на наш век хватит”, “покуда подержит” – сопровождают здесь, кажется, всякое дело.

Всегда ли так было – или это последствие ломки устоев, крушения традиций, отголоски трагедий жестокого века? Видимо, так – ибо трудно представить, что заселение и обживание русского Севера, грандиозная эта работа, которая совершалась веками – могла быть исполнена при таком наплевательском отношении к собственной жизни. Мы застали излёт, отголосок великой имперской волны, которая некогда хлынула на “севера” – но теперь отступила, оставив на отмелях только остовы когда-то могучих своих кораблей...

Здесь, на Севере, где жизнь так крупна и так равнодушна к случайно заплывшему в эти края человеку, здесь и мысли приходят какие-то крупные, и сопоставленья – масштабные. Так, в дни северной экспедиции чаще всего думалось о поморах и казаках, о том, как единый русский народ, на окраинах русского мира, сумел породить два особенных типа людей.

Казалось бы, трудно создать условия жизни настолько различные – как различные условия жизни поморов и казаков. Тысячи вёрст разделяют места обитания тех и других; две Европы вполне бы могли поместиться между Кубанью и берегом Белого моря. Природа и климат различны настолько, что это как будто две разных планеты. На севере долгие зимы, полярная ночь, холода и болота, обилие леса и влаги, и там, что важнее всего – мерзлота, то есть вечные льды, на которых, казалось бы, невозможно ни жить, ни возделывать землю, ни что-либо строить. На юге же всё совершенно иное. Земля там обильна, жирна – чернозём, словно масло, намазывать можно на хлеб – там зеленеет любая палка, которую воткнёшь в землю. Зимы там хоть порой и ядрёны, но коротки; зато лето, которое длится с апреля до октября – так согревает щедрую землю, что сады и бахчи Кубани и Нижнего Дона кажутся земным раем. Лесами те земли, конечно, скудны – лишь островки дубняка зеленеют по балкам, да курчавятся по берегам степных рек краснотал и ракитник – зато сколько простора и воли, сколько неба и ветра, сколько знойного солнца в тех южнорусских, исконно казачьих краях!

И, казалось бы: при такой разнице всех природных условий, которыми определяется жизнь человека, – психология, быт и характер людей, населяющих эти места, должны быть различны. Сравните какого-нибудь финна или датчанина – с греком или испанцем: разница, что называется, бьёт в глаза. А ведь и расстояние, да и вообще все различия, что пролегли между Северной Европой и берегом Средиземного моря – намного меньше, чем различие между Архангельской областью и, например, Ставрополем. Любой социолог, демограф, этнограф, психолог – вообще любой учёный, выводящий национальную психологию из условий материального существования, экономики, климата etc. – скажет вам, что принципиально различные условия существования непременно должны сформировать непохожие друг на друга народы – как это и получилось в Европе.

У нас же, у русских – не так. Несмотря на то, что поморы должны быть отличны от казаков (и, действительно, кое-какие отличия мы найти можем), поразительно всё же другое: то, как много меж ними общего. Поймут ли друг друга швед и испанец, норвежец и грек, англичанин и немец – как друг друга поймут, даже и не заметив существенной разницы между собою, северянин с Двины и южанин с Кубани? Они, в прямом смысле слова, будут как братья, как члены единой семьи. У них общий язык, общая вера и предки, общие горести и заботы, у них общий взгляд на всё то, что совершается в мире.

Самым, пожалуй, неотразимым свидетельством этого братства являются русские песни. Мне посчастливилось слышать как старые песни, пришедшие с Юга, из станиц Усть-Медведицкая и Усть-Хопёрская – так и песни Онеги, Печоры, Двины, песни той заповедной северной стороны, которая долгие годы являлась хранилищем истинно русского духа и коренной, то есть староотеческой, веры. Поражает не то чтобы сходство тональностей, слов тех широких, печально-раздумчивых песен – но поражает живое и несомненное чувство, что ты, слушатель, внимаешь одной, нераздельно-единой, рекою разлившейся песне. И, слушая, ты понимаешь, что и поморы, и казаки, и вообще все русские люди испокон веку поют одну песню – пытаюсь в ней выразить русскую душу, которая, как и родина, у нас всех одна.

Что же всё-таки общего у казаков и поморов? Вот, скажем, приверженность патриархальным устоям. Черта, если вдуматься, странная и необъяснимая. Ведь что казачьи станицы, что поморские сёла создавались людьми

повышенной пассионарности, теми, кто не мог ужиться в условиях прежних крестьянских общин, кого вёл за собою то дух наживы, то жажда увидеть иные места, то стремление резко изменить свою жизнь и судьбу или даже начать её заново. Казаки и поморы – это были, по сути, русские викинги: и те, и другие ломали прежнюю, привычно-оседлую жизнь и с решительной удалью начинали иную.

Но вот удивительно: что казачьи станицы, что поморские сёла становились с течением времени оплотом консерватизма. Перечитайте “Казаков” Толстого, с описанием быта гребенских казаков-староверов, или возьмите сборник северных сказов. Уже сама речь героев, сам их язык, столь неспешно-старинный, весомо-добротный – покажут вам, сколь традиционна была некогда жизнь что в донских иль кубанских краях, что по берегу Белого моря. Видимо, казаки и поморы, как ни силён был тот изначально-бунтарский порыв, что выбрасывал некогда их из привычной, сложившейся жизни к окраинам русского мира – всё же несли с собой память крови, заветы отцов, и в тех новых местах, где они оседали, они вновь создавали Россию, причём создавали её в освежённом, очищенном виде, утверждали живую её красоту, корневой её дух, её русскую правду.

А общинность? Ведь принцип общинности – той истинной демократии, о которой забыли и думать “демократы” новейших времён – был важнейшим, формирующим весь уклад жизни принципом, был как раз тем, что позволяло казачьему и поморскому миру выживать в беспощадно жестоких условиях. И для казаков, и для жителей русского Севера общинный союз, коллектив – принимавший различные формы, от зверобойной или рыбацкой артели до, скажем, кавалерийской казачьей сотни, набиравшейся, в основном, из станичников-земляков, – был такой необходимой и в то же время естественной формой социальной организации, которая не только не подавляла отдельную личность – но, напротив, позволяла и даже требовала от человека раскрыть свою удаль, смекалку, талант, проявить всё то лучшее, на что человек был способен.

Не забудем важнейшего: люди, жившие на окраинах русского мира – вместе с тем, жили и на краю жизни вообще. Для казаков и поморов смерть всегда была рядом, бродила неподалёку, она всегда дышала за плечом и приходила то вместе с чеченскою пулей или турецкою саблей, то вместе с морским ураганом иль северным лютым морозом. Известно, что в обычае у казаков было прощаться с домашними, выходя из дома даже по самому пустяковому делу. Оно и понятно; выражение “разлука – маленькая смерть” обретает особый смысл и значение, когда смерть “большая” всегда ждёт-поджидает где-то неподалёку.

Ещё ярче эта готовность в любой день и час принять смертное испытание была выражена у поморов. Взять такой поразительный факт: отправляясь на промысел, каждый помор брал с собою на коч или шняку укладку чистого “смертного” белья. Только представьте такую картину: любой из нас, отправляясь с утра на работу, получал бы от нежной супруги, вместе с поцелуем в дверях, ещё и стопку чистого “смертного”...

Жизнь в одном шаге от смерти породила ещё одно важное следствие. Ни казачий Юг, ни поморский Север не знали рабства – того, что, конечно, калечило души как русских крестьян, так и русских дворян. Какое может быть рабство, когда я казак, воин – недаром живёт выражение “вольный казак” – когда я в любой день и час могу оказаться в бою и могу как сложить свою голову, так и снести шашкой чужую?

Поморы, конечно, не воевали так часто, как казаки. Их освобождала от рабства сама непомерная мощь окружающей их и грозящей ежеминутную смертью природы. . Какое может быть рабство – среди этих лесов, этих рек и морских берегов, среди этих метелей и бурь, под огнями полярных сияний? На севере рабство невозможно даже психологически: ибо каждый живущий здесь чувствует, как он мал и ничтожен пред ликом суровой природы – и как все люди равны перед этим жестоким, взирающим холодно ликом.

Окраины русского мира заселяли особые люди: дерзкие и непокорные перед чужаками, но смиренные перед отеческой верой и Богом, люди, бесстрашные что в бою, что в опасных трудах на суше и в море, люди, так ценившие и уклад, и обычаи жизни – ещё, может быть, и потому, что они понимали, насколько непрочна и временна эта самая жизнь. Это были, как правило,

щедрые и весёлые люди, ибо они сознавали, что в богатстве радости мало, и что в вечную жизнь с собой всё равно ничего, кроме доброго имени, не унесёшь. Они были трудолюбивы — ибо только огромным трудом можно было поддерживать жизнь в тех суровых условиях, в каких они жили. Они понимали, ценили свободу как высший и неотъемлемый дар, нам вручённый от Бога, и не собирались никого угнетать — но не терпели и сами насилия и угнетения. И они, в сущности, презирали все блага “мира сего”, ибо душа их была широка, и не могла насытиться тем, что реальная жизнь могла предложить — лишь в песне душа казака и помора порой ощущала нечто ей соразмерное, могла слышать голос своей, за пределами этого мира искомой и чаемой, родины...

И вот теперь время вспомнить о реках. Несомненно, что именно реки, их величавая стать, их сила и их широта — играли важнейшую роль в жизни русских окраин, и душа русских рек отразилась в характере и казаков, и поморов. Помимо того, что река была и кормилицей, и полицей, и важнейшим путем сообщения — всё хозяйство, весь быт и уклад держались рекой, ею жили и ею дышали — река задавала и самую важную ноту души, была тем камертоном, который звучал непрерывно и настраивал души людей на особенный лад. Не этот ли вот камертон и создавал то удивительное созвучие, которое делало братьями русских людей, живших за тысячи вёрст друг от друга? Если вспомнить, что реки — суть Божьи дороги, то эта мысль не покажется столь уж нелепой. Отними у России Двину да Печору, Мезень да Онегу — или отними тихий Дон, Урал да Кубань — что останется от обезвоженной, осиротевшей России?

С годами осознаёшь нечто очень печальное: то, что в жизни, увы, почти всякая встреча происходит одновременно с прощанием. Вот и с Россией, которая нам открывалась на берегах своих рек, произошло то же самое. Не успели мы толком почувствовать и осознать свою с нею встречу — как уже нам пора расставаться. И потому, что подходит к концу наша краткая жизнь — и потому, что Россия уже никогда не бывает той Россией, какой она была некогда. Можно сколько угодно мечтать и шуметь о возможном грядущем расцвете страны — но и сердцу, и трезвому разуму ясно: русский век позади. Сплавляясь на лодке, рыбака и ставя палатки по берегам обезлюдивших рек — мы встречаем одни лишь руины России...

Особенно больно видеть такое на Юге, в местах изобильных и щедрых, где люди не просто селились с ещё незапамятных пор — но почти всегда жили в достатке. Да и странно было бы голодать на таких чернозёмах и на берегах степных рек, полных рыбы.

А теперь кажется, что война, краем задевшая эти места почти семьдесят лет назад, окончилась только вчера. Стоит пройти по задворкам какого-нибудь села — как увидишь то развороченный, словно расстрелянный пушками, трактор, то комбайн, ржавеющий в зарослях донника, то груды разломанных плит, из которых усами торчит арматура, то старую ферму с просевшей крышей, то гнездо аистов на остывшей трубе опустевшего дома. Впечатление, в самом деле, такое, будто эти места недавно бомбили — что некая страшная сила, всё истребляя и руша, прошла ураганом по этой благословенной земле и оставила после себя то, что в Библии названо “мерзостью запустения”.

А если случится какой-нибудь праздник, или просто наш выход в станицу придётся на пятницу или субботу — то впечатление только что отгремевшего боя будет совсем уже полным. Всюду, куда ни помотришь — под заборами, в грязных канавах, поперёк развороченной траками тракторов улицы — всюду будут валяться бесчувственные тела. Вот кто-нибудь приподнимется, жалобно что-нибудь промычит — и вновь, обессиленный, ткнётся лицом в чернозёмную грязь... Но кто предал эти земли огню и мечу, кто поверг наземь последних защитников, кто порушил дома, кто оставил чернеть пепелища на месте богатых дворов и усадеб? Кто этот страшный, безжалостный враг — кто хочет стереть в пыль саму память о русских и о России?

Ответ очевиден: мы сами. Причём, что ужасней всего, мы не просто сдались обстоятельствам, разрушающим и ослабляющим нас; нет, мы сами шагнули в разверстую бездну, мы сами приблизили ту катастрофу, которая разразилась над нами. Что же с нами случилось? Как народ-Богоносец, который являл чудеса трудолюбия, веры, смирения — то есть был истинно христианским народом, — не просто поддался его искушающим бесам, но своими руками

сложил и зажёл тот костёр, на котором сгорела Россия? Этот вопрос задают уже сотню лет, задают миллионы людей – но вопрос остаётся вопросом, и никакой, даже самый глубокий ответ, не способен его разрешить. Мы тоже попробуем дать свой ответ – понимая, конечно, что этим не исчерпаем вопроса.

Евангелия рассказывают о трёх искушениях Христа в пустыне. Сатана предложил Сыну Божьему превратить камни в хлеб – то есть сотворить чудо и тем подчинить себе души людей, предложил Христу власть над миром и ещё предложил Ему испытать милосердие и заботу Отца о возлюбленном Сыне: он предложил Христу броситься вниз с крыла храма, уповая на то, что ангелы Божии непременно подхватят Его. Ответом на это, как известно, стали слова: “Не искушай Господа Бога твоего”.

Несомненно, что всё, о чём повествуют Евангелия, не есть события только лишь прошлого – но продолжает происходить “здесь и теперь”, имеет вечную и злободневную актуальность. К любой, ныне длящейся, человеческой жизни – и, тем более, к жизни народа – всегда приложима и всегда объясняет её наша главная Книга. Так вот, можно сказать, что тем искушением от сатаны, которому так легкомысленно поддался русский народ, было именно искушение бездной, искушение броситься в пропасть – с надеждой на чудо, на то, что Господь не оставит падшую душу. Иначе никак невозможно объяснить тот восторг самоуничтожения и самоистребления, с которым русские снова и снова бросаются в бездну. Названия и масштабы той “бездны” могут быть разными – от пожара мировой революции до алкогольной горячки – но в любом случае человек, шагнувший в неё, отрекается от самого себя и поддается на зов сатаны. “Разорю усё именье, сам зарююсь у камня!” – вот какие слова, приведённые Буниным, можно считать лейтмотивом трагической русской истории. О том же самом говорит и современная матерная частушка, изумительная по краткости, энергичности и по той страшной, ядерной силе самораспада, какую она выражает:

*Дайте в руки мне баян —
Разорву его к х...м!*

Но этим мы самонадеянно-нагло провоцируем Господа проявить милосердие. И поразительно, насколько Он терпелив, поразительно, что Россия ещё до сих пор не погибла – хоть, кажется, делала всё, чтоб исчезнуть с лица нашей многострадальной земли. Конечно, терпение и милосердие Божие не имеют пределов; но дело в другом: станет ли Бог вновь и вновь спасать тех, кто сам, своей собственной волей, желает погибели?

Есть выражение: “Бог может всё – но Он не может сделать за нас доброе дело”. Точно так же Он и не сможет спасти человека, свободно избравшего гибель – иначе это нарушило бы тот божественный принцип свободы, в лоне которой Господь и создал человека. Хочешь смерти – умри; иначе всё то, что ты делаешь, будет капризом и блажью ребёнка, который ломается, корчится, бьётся в истерике – в глубине души зная, что взрослые и простят, и спасут, и поддержат его. Мы, русские, очень часто похожи именно вот на такого легкомысленно-злого ребёнка, который ломает игрушки и даже калечит себя самого – но в глубине души ждёт, что вот сейчас строгий отец возьмёт розги да и выпорет своё чадо, чтоб оно впредь не маялось дурью.

А потом понимаешь ещё одну грустную вещь. Той России, которую все мы любили и любим – её же, в буквально-фактическом смысле, никогда и не существовало. Мы знаем, мы помним и чтим некий миф о России; и, чем менее этот миф совпадает с реальностью, тем более он драгоценен для нас.

Когда-то, в советские годы, люди, страдавшие от будней социализма, создавали себе некий миф под названием “Россия до революции” – и надеялись его всем прекрасным, что только могла и хотела представить их тосковавшая по идеальной России душа. (Точно так же, как те, кто стремился разрушить былую Россию, наделяли её всем ужасным и тёмным, что только гнездилось во тьме их же собственных душ.) В этом мифе-лубке уживались: народ-Богоносец и “гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные”, “Боже, царя храни” и Платон Каратаев, пасхальные звоны и орловские рысаки, ухарь-купец, гнавший тройку на ярмарку, и Евгений Онегин в бобровом воротнике.

Но в реальности всё было, конечно, иначе. Россия была, вместе с тем, и жестокой, и рабской, и дикой — и ужас, который она вызывала порой в сопредельных народах, был ужасом разума перед мутной, безбрежной силой стихии. Чтобы не вязнуть в бесчисленных ссылках, примерах и свидетельствах современников о “свинцовых мерзостях” той, имперской, России — сошлюсь на одну, наиболее авторитетную, книгу. Уж Ивана-то Алексеевича Бунина никак нельзя заподозрить ни в недостатке любви к России, ни в невежестве или слепоте, ни в склонности к искажению фактов. Но когда открываешь “Деревню” — по душе пробегает озноб отрезвления, и, вместе с тем, в сердце вдруг оживляется чувство любви. Умом понимаешь: такую Россию нельзя, невозможно любить; но раз любовь, невзирая на убеждения разума, всё же жива — значит, Россия на самом-то деле иная, чем это реальное, грязное месиво из навоза и водки. Значит, мы любим не столько Россию, которую видят глаза — но Россию, которую знает и чувствует сердце.

Рассыпались прахом, прошли и советские годы. И вновь повторяется та же история: эпоха Советской России вспоминается многими как нечто райское, и фильм, скажем, “Кубанские казаки” (чудовищной фальши лубок) начинает казаться едва ли не документальной хроникой. Социалистическая Россия, так уродливо именованная “РСФСР”, — как будто нарочно затем, чтоб стереть её благозвучно-исконное имя — усилием памяти превращается в землю обетованную, где среди тучных пастбищ и нив процветало нерушимое братство народов, где и в помине не было столь модных ныне наркомагии с педерастией, где кумачовые стяги упруго дрожали на тёплом ветру, и где на счастливые лица “комсомолок, спортсменов и просто красавиц” нельзя было смотреть без слезы умиления. Причём этот миф чем далее, тем всё более кажется правдоподобным — так что скоро, похоже, реальность прошедшего будет вытеснена ностальгическими воспоминаниями.

Но мы-то пока ещё помним, как всё это было на самом деле: мы сами жили в те годы. Мы помним брошенные деревни, спивавшихся жителей, помним склады и мастерские, размещённые в тех Божьих храмах, которые чудом ещё уцелели — наконец, помним, как наши великие русские реки пытались повернуть вспять, чтобы их погубить в азиатских песках и тем уж вконец иссушить, обескровить Россию. Иначе, как бесовским наущением, нельзя объяснить того унижения русской души и глумления над православной Россией, что совершалось только в те годы.

Получается, мы опять любим миф, идеал — и любим его, как ни странно, тем жарче, чем менее он совпадает с реальностью жизни. Получается: не объективное знание, не достоверные факты лежат в основании нашей любви — но именно вера, то есть “вещей обличение невидимых” движет наши сердца, согревая их странной, уму непостижной, любовью к России.

Но я сейчас лишь повторяю то, что уже выразил Тютчев своей гениальной формулой. Я лишь пытаюсь себе самому объяснить, отчего созерцание той “мерзосты запустения”, что мы так, увы, часто встречали по берегам русских рек — вызывает всего лишь печаль, но никак не отчаянье? Отчего та разруха, которую видят глаза — как-то мало влияет на сердце и не разрушает глубокой, устойчивой веры в Россию? Кажется: не останься сейчас даже камня на камне, рассыпья всё зримое в прах — но Россия, каким-то таинственным образом, всё равно будет жить и поможет жить нам, сохранившим абсурдную — то есть единственно верную! — веру в Россию...

Помню, как мы, завершая маршрут по поморскому Северу, вышли в Двину. Это было чуть выше Брин-Наволока, и помню, как нас поразил влажный, ветреный двинский простор — после тесных бобровых завалов речушки по имени Сия. Двина показалась нам морем: кофейного цвета волна разбивалась о форштвень лодки, байдарку качало, и её мокрые деки гудели от ветра, от дробы тяжёлых, как ягоды, брызг. Бусило: весь воздух был сочно пропитан жемчужною смесью дождя и тумана. Сквозь эту зыбкую взвесь лесной дальний берег едва проступал; а ближний — в намывах песка, валунах и в оставленных паводком брёвнях — скользил так стремительно, что сама эта скорость говорила о непостижимо-таинственной силе реки. Мы неплыли — летели сквозь брызги и бус, по пологой волне, уносившей байдарку всё дальше на полночь; и помню то чувство покоя и счастья, какое тогда опустилось на нас посреди несказанных, былинных просторов Двины. Нас, двух продрог-

ших, измученных странников, не просто несла на себе одна из великих рек Севера, но она отдавала нам часть своей силы — и мы, укрепленные, были теперь как бы больше самих же себя...

Это чувство покоя и счастья — оно жило в нас и тогда, когда мы причалили, ставили лагерь, когда разжигали костёр и сушили промокшие вещи. В сумерках дождь перестал, гладь реки стала тускло-серебряной, и она, как старинное зеркало, отражала луну, что взошла над зубчатой каймой далёкого леса. Сова так бесшумно скользнула над нами, как будто она залетела из сна, из его невесомых и зыбких глубин.

Спустя часа полтора, когда мы уже допивали второй котелок — и от чая, от дыма костра, от усталости были будто хмельными — мы услышали, как от реки к нам донёлся протяжный и жалобный крик. Удивлённые, мы оглядели серебряно-тусклую гладь озарённой луною реки — но, лишь когда плачущий крик повторился, мы догадались, что это гудок речного буксира. Чёрный, маленький и незаметный, с рубином огня на верхушке радиомачты, он медленно вышел из-за поворота реки, а за ним показалась длинная баржа, груженная, кажется, лесом. Что-то очень печальное, но и очень душевное, нежное было в этих протяжных гудках; казалось, буксир заблудился и ищет кого-то, и очень тоскует по тем, кого хочет найти.

Буксир с баржей ползли еле-еле; мы уже улеглись, застегнули палатку — а до нас, в темноте, всё ещё доносились печально-протяжные крики буксира. И в наплывающей дрёме уже начинало казаться, что это я сам, потерявшийся, маленький, всё кого-то ищу — что мой собственный крик, заблудившийся и одинокий, летит над ночью рекой. Но, даже в печали, в её глубине, всё равно сохранялось чувство покоя и счастья: ведь если плыть, если верить реке — обязательно выплывешь к устью...

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

СРАЖАЯСЬ ЗА РОДИНУ

Литература в годы Великой Отечественной войны

*Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.*

Песня времён войны

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Да, война началась двадцать второго июня. А готовились ли к ней? Тут водораздел мнений.

– Нет, конечно, никакой подготовки. Жертвы первых дней и месяцев говорят сами за себя. Руководство страны растерялось, испугалось, бросило армию и народ.

Другой взгляд:

– Готовились, но не успели. Против нас оказалась вся Европа. Времени не хватило. Ведь за 40 дней пала Франция, за несколько дней – Дания, Норвегия, Греция, Югославия. Рухнула Польша, руководство которой отказалось из-за своей зоологической ненависти к России от помощи Советского Союза. Вся Европа (кроме Англии) работала на Германию.

Кто способен был остановить Европу во главе с Гитлером?

После войны выходило немало книг, воспоминаний о начале войны, её победоносном окончании. В общем, шёл поиск причин поражений и истоков побед. Официальная идеология отвечала довольно чётко: причина побед – в руководящей и направляющей роли Коммунистической партии, в социалистическом строе, в умении, сплочённости руководства во главе со Сталиным (после XX съезда КПСС этот тезис всё больше и больше корректировали), в ускоренной индустриализации страны, в мужестве, стойкости, терпении нашего народа, в отсутствии мощной пятой колонны.

Ну что же, в каждом из этих положений была своя доля правды.

Но была правда и в другом. Ошиблись в сроках, когда ожидали нападения Германии (думали, оно состоится в 1942 году). Ожидали нападения Гитлера (Сталин предупредил об этом на выпуске командного состава из военных училищ), объявили частичную мобилизацию в ряде областей в мае и июне 1941 года. И только что запустили в производство лучшие образцы военной техники (танк Т-34, штурмовик ИЛ-2, реактивный миномёт “Катюша”). Эх, если бы раньше!

Гудериан, танковый стратег Германии, получив ощутимый удар по своей бронированной орде от атак “тридцатьчетвёрок” под Ельцом глубокой осенью 1941 года, глубокомысленно отметил:

“Если бы мы знали, что у России есть такой танк, как Т-34, то Германия бы не начала войну”. Если бы они и мы больше знали к началу войны...

К ошибкам, просчётам и преступлениям относят аресты и расстрелы, устранение из армии большого количества командного состава. Нет сомнения, что это ослабляло армию, но новая война показала, что старыми методами и приёмами воевать было нельзя. Командиры появлялись и учились в бою, там же погибали, и на их место становились другие. Это были жестокие, но необходимые уроки войны.

В 1972 году я от имени комсомола и издательства “Молодая гвардия” поздравлял с 75-летием Георгия Константиновича Жукова. В беседе я спросил у маршала: “А всё-таки, Георгий Константинович, почему мы победили?” Секретарь ЦК комсомола взглянул на меня с удивлением, но маршал после паузы сказал: “Правильный вопрос. Вот один из ответов. Действительно, Германия по всем статьям тогда была лучше готова к войне, чем мы. Возьмите генералов. Мы в академиях военных учились у Клаузевица, Шлиффена, Мольтке. Прусский офицер – это же военная косточка, каста целая. Немецкий солдат покорила Европу, победоносно прошёл по дорогам Франции, Бельгии, Польши, взял Норвегию, Грецию, Крит. Англия дрожала. Немецкая техника на начало войны была лучше нашей – “мессершмитты”, “фокке-вульфы”, “тигры”, автоматы. Мы войной учились. – Подумав, Жуков закончил, как мне показалось, торжественно и с назиданием: – Мы победили потому, что у нас был храбрый, патриотический молодой солдат, политически обученный, душевно подготовленный сражаться за Родину”.

Так как же вырабатывалась эта идеология, этот дух патриотизма, который помог воспитать такого солдата? В тридцатых годах в стране произошло важное, переломное событие для массового сознания.

Если в двадцатые годы идеологи, “пролетарские” писатели лихо гарцевали на лозунге “мировой революции”, на всеобщем интернационализме, на отрицании “дворянской” классики (“Пушкин – певец дворянской усадьбы”), то к концу подлинной “культурной революции”, когда народ в массе своей стал грамотным (а ведь до 30-х годов 70% населения не владели грамотой), определённые круги в партии и во власти приняли решение издавать миллионными тиражами русскую и мировую классику. Иногда, правда, адаптированную и с предисловиями, где Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Крылов, Толстой, Салтыков-Щедрин, Чехов представлялись как антибуржуазные писатели, что в немалой степени было верно.

К молодому читателю, жадно поглощающему книгу, пришли великие светочи, мастера слова и высокого духа и, конечно, патриоты России.

Представляете, если бы к нам тогда хлынул поток американских комиксов, детективов сегодняшнего дня, пошлости и порнографии западного “цивилизованного” мира, что идёт сегодня к молодежи? Способны ли были бы молодые тех лет встать на защиту Отечества (“Да лучше бы нас немцы завоевали, мы бы баварское пиво давно пили”, – заявляли поглотители такого чтива в период перестройки).

В это же время появляются и знаменитые документы и постановления о том, чтобы перестать заимствовать образцы “передового” просвещения и некие “стандарты” безответственного “бригадного” обучения, а изучать конкретную историю с реальными историческими лицами и событиями, изучать классический русский язык, его духовную народную основу.

Разухабистым поносителям отечественной истории досталось. Самого Демьяна Бедного, частушечника и балагура, псевдонародного певца революции, раскритиковали в “Правде”. В статье подверглась критике постановка в Камерном театре пьесы “Богатыри”, в которой были искажены образы былинных героев, не раскрыты такие свойства национального характера, как мужество, доблесть, допущена “фальсификация народного прошлого”. Смысл публикации, обращённой ко всем сочинителям: пора кончать издеваться над русскими богатырями – они ещё пригодятся.

С конца тридцатых годов всё больше появляется исторических произведений о великих полководцах и героях прошлого. Выходят книги и фильмы о Суворове, Александре Невском, Кузьме Минине, Богдане Хмельницком.

Большое впечатление производила эпопея С. Сергеева-Ценского “Севастопольская страда”. Это было обращение к образам русских воинов: матроса Кошки, сестры милосердия Даши Севастопольской, богатыря Шевченко, адмиралов Нахимова, Корнилова, великого хирурга Пирогова. Создаются книги о самородках и героях войны народного типа (Чапаев, Пархоменко, Щорс, Кочубей, Лазо). О войне говорили, фашизм предстал перед нашим народом в своём зверском, буржуазном и человеконенавистническом обличье. Была, конечно, надежда на интернациональную солидарность трудящихся, но ещё после похода на Польшу в 1920 году, а особенно после схватки с японскими милитаристами на Хасане и Халхин-Голе, после советско-финской войны 1940 года стало ясно, что этого массового резерва для будущей войны нет, хотя справедливости ради и следует сказать о героических действиях отдельных коммунистов и честных людей в пользу Советского Союза в Германии, Швейцарии, Югославии, Франции, Англии, США.

Война чувствовалась, о её приближении говорили А. М. Горький, М. Шолохов, Н. Тихонов, Вс. Вишневский. А. С. Макаренко писал на страницах “Литературной газеты”: “Мы окружены безумием агонизирующего империализма. Где-то там, в чашах дымящихся труб Рура, на нищих полях Италии, в тесноте японских ограбленных городов последние капиталисты истории жаждут войны, они протягивают руки... к железу, углю, к машинам, к нефти, хлебу” (т. 7, с. 150).

Конечно, многие вздрогнули, когда между СССР и Германией был заключён в 1939 году мирный договор. Некоторые фарисеи и сегодня заявляют: “Как можно было заключить договор с фашистской Германией?” Они просто не хотят замечать, что в 1938 году с Гитлером заключили договор (Мюнхенский сговор) цивилизованные Англия и Франция, отдав на растерзание Германии Чехословакию и толкнув немцев на восток против Советского Союза. Двойные стандарты у противников России всегда наготове.

В конце тридцатых годов стало ясно, что надо опираться на свой народ, на его исторические традиции, на нашу общую историю и те завоевания социализма, которые близки массам (отсутствие класса эксплуататоров, дружба народов, широкая грамотность, бесплатное образование), на исторический коллективизм нашего народа.

Коммунистическая партия всё больше и больше понимала роль и значение литературы и искусства в жизни общества, в воспитании нравственности, патриотизма, чувства гордости за своё Отечество, за советский народ. Она подчеркивала роль русских людей, подвижников державы, национального русского характера. Ещё вчера это было немыслимо, а сегодня героями народа становились Сусанин, Минин и Пожарский, Суворов, Пётр I. На их фоне бледнели и почти исчезали из народного восприятия Карл Либкнехт и Роза Люксембург, Клара Цеткин, Кингисепп, Сакко и Ванцетти. Правда, их именами ещё называли улицы, но городам, посёлкам, улицам с именами Троцкого, Зиновьева, Бухарина уже возвратили старые названия.

В общем, идеологи Советского Союза переделывали, приспособляли идеологию к новым реалиям. Однако модернизировать её к началу войны в полной мере не удалось.

НАМ ОБЪЯВИЛИ, ЧТО НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Первой откликнулась на вселенскую беду Русская Православная церковь. Только отзвучала ошеломляющая всех речь В. М. Молотова о нападении Германии, как в Богоявленском (Елоховском) соборе местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей произнёс молитву в защиту православного русского народа.

Пока агитпроп отшелушивал лозунги и идеи III Интернационала, штаб которого был в Москве до 1943 г., для войны, И. Сталин, учившийся когда-то в православной гимназии, уловил изменившуюся глобальную, мировоззренческую суть войны и обратился к народу с неформальной задушевностью: “Братья и сестры! Соотечественники мои!” А закончил словами, которые уже были сказаны в храме народными пастырями: “Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!”

До победы было, правда, ещё очень и очень далеко, впереди были дороги отступления, миллионы жертв, тысячи сожжённых городов и деревень.

Однако стало ясно, что Слово выходит на первое место в душевном и духовном ободрении, в призыве, в разъяснении, в том, что было истиной, что порождало у бойца и труженика тыла самоотверженность, ограждало от паники, от бессилия, уныния.

Ну, а что литература? Поэзия, проза, публицистика? Было ли им место в строю, в бою, в рядах сражающихся?

В то время задачу можно было сформулировать просто: помогать фронту. Писатели слились с народной судьбой – ушли на фронт. В боях за Родину погибли более 300 членов Союза писателей СССР, десять из них получили звание Героя Советского Союза. Надо было проявить быструю реакцию, обратиться к чувству тысяч, миллионов людей. В первые же дни войны это удалось В. Лебедеву-Кумачу, автору песни “Священная война”. Казалось, откуда-то свыше появились эти чеканные, грозные и пророческие слова:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

И далее, как грозная молитва-заклинание в ответ на вероломство:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*

Это ведь был новый язык, новый символ, это было раскрытие сути войны, её сакрального смысла.

А поэты в эти дни вооружали новыми и новыми песнями отправлявшихся на фронт красноармейцев. Звучала, как оберег, “Песня смелых” А. Суркова: “Смелого пуля боится, смелого штык не берёт”. М. Исаковский, подаривший уже всем нам, да и всему миру, “Катюшу”, написал с домашней, близкой каждому интонацией песню “До свиданья, города и хаты//Нас дорога дальняя зовёт.//Молодые, смелые ребята,// На заре уходим мы в поход...”

Народные ополчения, комсомольские отряды, регулярные части уходили на фронт с песней.

РОССИЯ

На той встрече с маршалом Г. К. Жуковым я подарил ему две книги: “Тихий Дон” и поэтическую антологию “О русская земля!”. Маршал погладил “Тихий Дон” и сказал: “Любимый писатель!” А полистав антологию, сказал: “Мы на фронте очень ценили патриотическую поэзию!” Вот так великий маршал включал поэзию в стратегический фактор Победы.

Фашистскую идею расового превосходства можно было победить только другой, высокой, вдохновенной, понятной для всех идеей. Такой была идея Родины, Союза.

Вдруг в полный рост вырисовывался образ России, высвечивалась необходимость воспитания национального самосознания, обобщения опыта великих побед и учительных поражений (“Слово о полку Игореве”, “Варяг”). Требовалось новое осмысление литературой и искусством всех национальных, культурных, государственных традиций. В. Вишневский в 1943 году записал в своём “Дневнике”: “В войне мы быстро познали себя с национальной стороны. Проснулись все чувства, мысли, инстинкты, воскресли старые традиции” (В. Вишневский, 1958 г., т. 4, стр. 28). По нынешним временам такой подход можно было бы упрекнуть в “нетолерантности” и даже ксенофобии. Тогда же это было спасенье для русских людей, для представителей всех национальностей. Ибо никто, кроме русского народа, не мог спасти мир от “коричневой чумы”.

Может быть, самое главное в советской русской литературе военных лет то, что она вывела из закоулков социалистического реализма, из пугливого забвения двадцатых и тридцатых годов — дух России. Она превратила его в фундамент идеологии, мировоззрения, художественной, образной системы поколения победителей. Она вселила в души и сердца понятие “Русский характер”. Драматический сентиментальный рассказ с этим названием Алексея Толстого стал известен везде, его и сегодня слушают молодые в притихшем зале. А прямая в названии и образах поэма “Россия” Александра Прокофьева создавала эпический и лирический образ великой страны. В поэме утверждались красота и бессмертие России. В огне и пламени войны, в привычном окружении смерти, когда душа, казалось, очерствела, огрубела, поэт предложил ключ:

*Товарищ, сегодня над нею
Закаты в дыму и крови,
Чтоб ненависть была сильнее,
Давай говорить о любви.*

Поэт создавал светлый, возвышенный образ Родины, и становилось ясно, что защищает в этой войне солдат.

*Сколько звёзд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколь гроз,
Соловиное горло — Россия,
Белоногие пущи берёз.
Да широкая русская песня,
Вдруг с каких-то дорожек и троп
Сразу брызнувшая в поднебесье
По-родному, по-русски — захлёб,
Да какой-нибудь старый шалашик,
Да задумчивой ивы печаль,
Да родимые матери наши,
С-под ладони глядящие вдаль,
Да простор вековечный, огромный,
Да гармоник размах шире плеч,
Да вагранка, да краны, да домны,
Да певучая русская речь.*

Симонов гордился тем, что на русской земле “Умереть мне завещаю, //Что русская мать нас на свет родила, //Что в бой провожая нас, русская женщина //По-русски три раза меня обняла”. Ольга Берггольц клялась: “Мы победим, клянусь тебе, Россия, от имени российских матерей”.

А в 1942 году Александр Прокофьев в стихотворении, посвящённом А. Фадееву, ещё раз напоминает:

*За красною шапкой рябины,
За каждым дремучим ручьём,
За каждой онежской былиной,
За всем, что мы русским зовём —
Родней всех встанут и красивей
Леса, и поля, и края...
Так это ж, товарищ, Россия —
Отчизна и слава твоя!*

О ГЕРОЯХ

Жесточайшей силы удар был нанесён в июне-июле 1941 года по Красной Армии и Советской стране. Британский разведкомитет прогнозировал, что сопротивление Советов продлится не больше трёх-шести недель. Министр США Г. Стивенсон полагал, что “с русскими будет покончено минимум в один, максимум два месяца”. Слегка отличалось мнение У. Черчилля: “Почти все авто-

ритетные военные специалисты полагали, что русские армии скоро потерпят поражение и будут в основном уничтожены. Президента Рузвельта сочли очень смелым человеком, когда он в сентябре 1941 года заявил, что русские удержат фронт и Москва не будет взята. Замечательное мужество и патриотизм русского народа подтвердили правильность этого мнения". Так Черчилль увидел одну из причин того, что Гитлер не смог одержать молниеносную победу. Да, было много факторов, которые не позволили ему это сделать. Но один из важнейших – это то мужество, смелость и героизм нашего народа, который стал на пути бронированной, "цивилизованной" Европы.

Историки первых месяцев войны обращают внимание на отступление, гибель солдат. Казалось, сладить с победоносным врагом невозможно. Но ведь находились такие герои, которые поражали и уничтожали врага. И перед писателями вставала задача этого героя открыть, показать, восхититься им, вознести в ранг подлинного народного воина, справедливого и грозного мстителя.

Надо было сделать это убедительно, чётко, не плакатно, хотя и плакат был нужен.

В это время и начинают появляться очерки, брошюры о героях. Помню первую привезённую к нам в Сибирь в сентябре 1941 года книжечку и листовку о бессмертном лётчике Гастелло, направившем горящий самолёт в немецкую автоколонну. Его портрет долго висел у нас в классе.

В 70-х годах я выпускал книгу первого секретаря ЦК ВЛКСМ в годы войны Н. М. Михайлова. Он рассказывал, что И. Сталин вызвал его специально в Кремль и потребовал внимательно следить за подвигами комсомольцев, юношей и девушек и лично докладывать о них. Вот тогда-то появились брошюры-молнии, книжечки, листовки и плакаты о молодых героях войны.

Мы в школе знали о подвиге пятнадцатилетнего Леонида Голикова из книги Ю. Королькова "Партизан Лёня Голиков". Особо известен был подвиг комсомольца-подпольщика Саши Чекалина. Его именем назывались комсомольские смены, вахты. Саша Чекалин был схвачен фашистами и расстрелян. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Всей стране был известна деятельность "Молодой гвардии" из Краснодона. Вначале появились главы о юных подпольщиках, потом ставшая в 50–80-е годы настольной книга Александра Фадеева "Молодая гвардия". Недавно при нескольких опросах я убедился, что никто из нынешних молодых людей эту книгу не читал. Так вымываются из народного сознания герои и их подвиги. Эта массовая психологическая операция глубоко продумана и проводится уже немалое количество лет наследниками Геббельса, хотя они прикрываются листком демократии.

В грозном 1942 году один из самых маститых русских писателей Леонид Леонов создаёт очерк об отважном герое-партизане Владимире Куриленко, который у себя на Смоленщине организовал партизанский молодёжный отряд. В этом очерке, как и в других рассказах о героях той поры, раскрывалась природа их подвига. Они вводились в славную рать героев Отечества.

"Набатный колокол бьет на Руси, — начинается очерк. — Свириное лихо ползет по родной стране. Безмолвная пустыня остается позади него. Там кружит ворон, да скулит ветер, пропахший горечью пожарищ, да шарит по развалинам многорукий иноземный вор".

"... Навстречу врагу поднялись на борьбу наши славные юноши и девушки, об их подвигах узнает страна, и самый слух о них рождает все новых и новых героев". ... "Там, в аду несмолкающего боя, стоят они плотным строем, один к одному, как звенья в стальной кольчуге Невского Александра. Весь свет дивится ныне закалке и прочности этой брони, о которую разбиваются свирепые валы вражеского нашествия". К такой "человеческой стали" относился и Володя Куриленко. Леонов, чтобы вскрыть истоки рождения этой "стали" характера советского юноши, обращается к биографии его, которая во многом была похожей на биографии Зои Космодемьянской и Александра Матросова, Лизы Чайкиной и Юрия Смирнова, молодогвардейцев и многих известных и безвестных героев. "Рано закончилась юность у поколения русской молодежи времен Отечественной войны. Родина поставила их в самое горячее место боя и приказала стоять насмерть", — так завершался очерк Л. Леонова о Володе и его боевых товарищах.

Позднее, в письме "Неизвестному американскому другу", писатель развив эти мысли: "Наши юноши и девушки хотели прокладывать дороги, возво-

дять заводы и театры, проникать в тайны мироздания... Они мечтали о золотом веке мира... Их мечта разбилась под дубиной дикаря. Военная непогода заволочла безоблачное небо нашей Родины. В самое пекло войны была поставлена наша молодежь и даже там не утратила своей гордой и прекрасной веры в Человека.

Они-то крепко знают, что в этой схватке победит правда и добро. Орлиная русская слава парит над молодежью нашей страны. Какими великими оказались наши, вчера еще незаметные люди! Они возмужали за эти годы, страдания умножают мудрость. Они постигли необъятное значение этой воистину народной войны. Они дерутся за Родину так, как никто, нигде и никогда не дрался... Они ненавидят врага ненавистью, которой можно плавить сталь, — ненавистью, когда уже не чувствуется ни боль, ни лишения...” Даже сегодня ощущаешь живое чувство автора, которое согревает эту публицистику, а потому делает ее образцом художественного творчества.

Надо было дать услышать этих воинов, атакующих, сражающихся, погибающих. Вот короткая публицистическая зарисовка П. А. Павленко “Последнее слово”: “Боец морской пехоты, черноморский моряк, упал на поле атаки тяжелораненым. Осколок мины разворотил ему грудь, и смерть была от него не дальше, чем в десяти минутах. Но он все еще пытался встать, и из последних сил ему удалось приподнять туловище и оглядеться. Бой уходил от него. За дальней волной наступающих моряков связисты и саперы. Он не окликнул ни тех, ни других. Но когда заметил кинооператора, позвал его. Тот подбежал, хлопая себя по карманам: искал индивидуальный пакет. Но раненый махнул рукой: не то.

— Сыми меня! — крикнул он. — Умру, так ничего и не выскажу! Сыми!

— Есть снять!

Кинооператор уставил на умирающего свой аппарат. А тот поднял вверх окровавленную, дрожащую от напряжения руку и громким, страшным — точно звал всю свою роту — голосом прокричал в объектив:

— Ребята! Не жалейте себя! Надо же понимать!

Глаша! Не жалея меня!

Деточки мои, помните...

И только тут понял кинооператор, что моряк хотел не фотографии, а звука. Он хотел быть услышанным. Пусть так и будет, как он хотел. Воля его священна”.

Вспомнив про этого героя-моряка из “Последнего слова”, Александр Кривицкий обобщил изображенное Павленко: “Умирая, он хотел быть услышанным! И он услышан. В тысячах сказаний, песен, романов и очерков скорбящий и благородный народ увековечил память погибших сынов Родины — героев войны”.

В одном из выступлений А. Твардовский сказал, что действительность, даже героическая действительность, нуждается в подтверждении и закреплении искусством, “без этого она как бы ещё не совсем полна и не может с полной силой воздействовать на сознание людей. То же самое можно сказать о литературе, которую вызвал к жизни беспримерный подвиг советских народов в Отечественной войне 1941–45 гг. Он подтверждён в нашем сознании, в том числе в сознании самых непосредственных носителей этого подвига, средствами правдивого слова”.

Литература и искусство выступили тогда как хранители памяти поколений, особенно это проявилось в произведениях, запечатлевших героические страницы жизни народа. Думаю, что это была величайшая связь литературы с народом. Писатели утвердили тогда своё право говорить от имени народа, от имени Родины. И мы можем и должны обратиться к произведениям тех лет.

НАУКА НЕНАВИСТИ

“Науку ненависти”, которую представил Шолохов в 1941–43 гг., продолжали разрабатывать все писатели. Это ныне за столом симпозиумов и конференций можно говорить о недостаточном гуманизме по отношению к врагу, а в 41-м году вопрос стоял о жизни — и государства в целом, и отдельного человека. Надо было не только остановить врага, но и уничтожить его. Понятия

“немец” и “фашист” очень скоро слились в одно целое. Германия становилась очагом, откуда ползла смерть.

Толстой в статье “Родина” писал: “Немецкие солдаты так же обезличены, потрёпаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи. Они жестоки и распущенны, потому что в них вытравлено всё человеческое... Германия только фабрика военных машин и место формирования пушечного мяса: впереди – смерть, позади – террор и чудовищный обман” (А. Толстой. Публицистика, с. 671).

А. Сурков отметил: “Только обмолвись словом “немец”, как все сразу начинают раскрывать страшное, ещё год назад казавшееся невероятным” (А. Сурков. “Земля под пеплом”). Ярким выражением этой тенденции стала фраза И. Эренбурга “Убей немца!”, ставшая лозунгом войны. Он писал: “Мы поняли: немцы – не люди. Отныне слово “немец” разряжает ружьё. Не будем говорить, не будем возмущаться – будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты убил одного немца – убей другого. Нет для нас ничего веселее немецких трупов... Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца, – молит тебя дитя. Убей немца, – кричит родная земля” (И. Эренбург. “Убей”).

Откуда эта ненависть? На этот вопрос отвечает А. Толстой: “Эти люди намерены нас победить, бросить себе под ноги, наступить сапогом на шею, нашу Родину назвать Германией, изгнать нас из земли “отчич” и “дедич”... А что такое фашист, мы узнали, все они детоубийцы, растлители, мародёры, надменные дураки, связавшие себя с Гитлером круговой порукой страшного преступления, разумного и доброго в них нет, а есть зло, они сознательно хотят делать злое” (А. Толстой. “Родина”).

Чувство ненависти к врагу прирастало с каждым новым убитым человеком, с каждым сожжённым селом, с каждым разбомблённым городом, с каждым погибшим ребёнком, с каждой жертвой насилия. Враг стал не противником, а убийцей. И поэтические строки приобретали форму приказа. Вот напечатанные во многих газетах, на листовках, плакатах стихи Константина Симонова:

*Если ты фашисту с ружьём
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Всё, что родиной мы зовём, —
Знай, никто её не спасёт,
Если ты её не спасёшь,
Знай: никто его не убьёт,
Если ты его не убьёшь.*

Да, надо было спасать страну, сражаясь с завоевателями.

В 1999 году делегация Союза писателей России была в Белоруссии. С нами был писатель Владимир Карпов, Герой Советского Союза, бесстрашно сражавшийся в этих краях и захвачивший в плен 74 “языка”. В университете города Витебска, куда Карпов ходил на задания во время войны как разведчик, был задан вопрос: “А какие чувства испытывали Вы, когда убивали человека?” Карпов побелел и резко ответил: “Я не убивал ни одного человека, я убивал недочеловеков. Я видел, как они насильовали девушек, как разбивали головы младенцев... А Вы говорите о человеке?”

Наверное, об этом и известные стихи Алексея Суркова, написанные в начале войны:

*Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьём он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?*

Нынче находятся такие (и добро бы только на Западе!), кто привыкли считать Россию жестокой, её царей ужасными (Иван Террибль, то бишь Иван

Грозный), забывая, как уничтожались “цивилизациями” целые народы и нации (индейцы США, славяне Пруссии, народы майя, инки, ацтеки, рабы Африки и т. д.). Но ведь и наши либералы-гуманисты ну никак не вспомнят перед 70-летием начала войны, что немецко-фашистские войки сожгли 1710 городов, более 70 тысяч сёл и деревень (!), уничтожили 6 миллионов зданий.

Лишились крова 25 миллионов человек, было уничтожено и разрушено 31850 промышленных предприятий. Почти 17 (!) миллионов человек, наших граждан, погибли от бомбардировок городов и сёл, на дорогах эвакуации, мирные люди были уничтожены в концлагерях, в немецком плену, погибли от рабского труда на территории Германии. Это был самый массовый геноцид в истории, большинство погибших были русские люди. И поэтому столь суровым и гневным было Слово писателей страны и столь необходимо было оно.

Герой Шолохова лейтенант Герасимов говорит от себя: “Тяжко я ненавижу фашистов за всё, что причинили они моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас драться с таким ожесточением. Вы понимаете, что мы озверели, насмотревшись на всё, что творили фашисты, да иначе и не могло быть. Именно эти два чувства, воплощённые в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагу всегда мы носим на кончиках штыков” (“Наука ненависти”).

“ГОСПОДЬ ВАС СПАСИ...”

И ещё главное, что вошло в жизнь всей страны. В 1941 году совершился великий поворот к Вере, к Богу, к душе.

И Русская Православная Церковь проявила себя в эти грозные дни как духовный поводырь народа, с первых часов нашла точные и верные слова, обращённые к соотечественникам.

Ей не надо было подыскивать эти слова и призывы – они шли из Евангелия, из храма, из русской истории. 22 июня 1941 года по церковному календарю День всех святых в Земле российской просиявших. В Богоявленском соборе отслужили литургию. И вот война! Как только прозвучало выступление наркома иностранных дел В. М. Молотова, пришедший с богослужения местоблюститель митрополит Сергей стал рассылать послание “Пастырям и пасомым христианской православной церкви”.

“... Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православно-христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием, принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству”.

Митрополит в этом первом послании Церкви как бы стягивает, сшивает историю нашего народа. “Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьего помощью и на сей раз он развеет фашистскую вражью силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что молили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой и выходили победителями. Не посраим же их славного имени и мы, православные, родные им по плоти и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послушать отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может”.

Ошеломляющими для прежнего агитпропа явились слова:

“Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатыре Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

... Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше сея любви ничтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя”. Душу

свою положит не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой или выгодой ради Родины”. Сергей далее говорил, что “негоже пастырям лишь посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией”. И уж если найдутся те, кто искусится “лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно ради Иисуса, а не ради хлеба куса, как выразился Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой”.

Послание заканчивалось торжественно, высоко, жертвенно:

“Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу”.

Потрясающий документ. То, о чем сказал Сталин 3 июля, а затем 7 ноября 1941 года, то, о чем сначала робко, а затем более решительно заявляла советская пропаганда, да и наша литература, патриарший местоблюститель написал в первые часы войны. Ведь еще не появились ни листовки, ни плакаты, призывающие к борьбе. Боевой агитпроп еще в раздумье смотрел на свои прежние лозунги о классовой солидарности и соединении пролетариев всех стран, а церковь уже определила лицо врага, указала на истоки грядущей победы, на перерастание народной войны в священную.

Через три дня, 26 июня, митрополит Сергей в Богоявленском соборе совершает торжественный молебен о победе русского воинства. Один из присутствовавших вспоминал слова митрополита, произнесенные во время молебствия: “Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной”.

Перед лицом национальной опасности церковь призвала к национальному единению, к борьбе с захватчиками, агрессорами, оккупантами. Во всех православных храмах России, всего Советского Союза молились о победе русского народа. И сотни тысяч православных людей дерзали и стояли на смерть, ожидая спасения от Господа. В Петербурге до сих пор показывают два узеньких окошка кельи, где во время ленинградской блокады жил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, будущий Патриарх всея Руси. В осажденном – голодном и холодном – городе в храмах горели свечи, люди молились. Митрополит ежедневно совершал молебны святителю Николаю, обходил с иконой Божьей Матери крестными ходами храмы и молился “о спасении града и храма сего”.

Незабываемо яркое слово было сказано митрополитом Ленинградским Алексием на литургии в кафедральном Богоявленском соборе в Москве 10 июля 1941 года. Слово будущего патриарха я бы сегодня поместил в хрестоматии для учеников. Владыка Алексей начал так:

“Патриотизм русского человека ведом всему миру. По особенным свойствам русского народа он носит особый характер самой глубокой, горячей любви к своей родине. Эту любовь можно сравнить только с любовью к матери, с самой нежной заботой о ней. Кажется, ни на одном языке рядом со словом “родина” не поставлено слово “мать”, как у нас. Мы говорим не просто родина, но мать-родина, и как много глубокого смысла в этом сочетании двух самых дорогих для человека слов! Русский человек бесконечно привязан к своему отечеству, которое для него дороже всех стран мира”.

Алексий продолжил: “И теперь русский народ в беспрецедентном единстве и с исключительным порывом патриотизма борется против сильного врага, мечтающего раздать весь мир и варварски сметающего на своем пути всё то ценное, что создал мир за века прогрессивной работы всего человечества. Борьба эта не только борьба за свою родину, находящуюся в великой опасности, но, можно сказать, за весь цивилизованный мир, над которым занесен меч разрушения”.

Вот как! Иерархи гонимой и притесняемой православной церкви видели, что Советская Россия, Советский Союз спасет мир и человеческую цивилизацию, а нынешние “цивилизаторы”, десталинизаторы, стремясь облить грязью Россию, ее прошлое, приравнивают в войне фашистскую Германию и СССР с одной целью: оправдать разрушение и уничтожение великой страны.

По призыву церкви стали собираться средства в помощь стране и армии на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского. К празднику Красной Армии храмы Москвы выделили 1,5 миллиона рублей на подарки воинам. Троицкая община в Горьком собрала в фонд обороны миллионы рублей и много теплых вещей. Митрополит Сергей написал на этом сообщении: “Браво, Нижний Новгород. Не посрамил мининскую память”.

Священнослужителей в те годы можно было увидеть на подготовке рубежей обороны. При храмах создавались санитарные пункты и убежища для престарелых и для бесприютных детей. Многие священники помогали партизанам, несли слово правды верующим.

В осадные октябрьские дни 1941 года митрополит Сергей обращается к московской пастве: “Не первый раз русский народ переживает иноплеменных, не первый раз ему принимать и огненное крещение для спасения родной земли! Силен враг, но и “Велик Бог земли русской” – так воскликнул Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским воинством. Господь даст, придется повторить этот возглас теперешнему нашему врагу”.

Кстати, отвечая тогда на вопросы иностранных корреспондентов, Сергей сказал: “Коммунистическая партия отрицательно относится к религии, и мы сожалеем об этом”. Это было неслыханно – выразить несогласие с позицией и политикой могущественной партии! Это была твердость, с которой стали считать (конечно, не всегда и не на долгий период).

Писатель Владимир Крупин в очерке “Без Бога ни до порога” пишет об этих днях: “Но разве не Господь сохранил среди превращенного в руины Сталинграда единственное здание – церковь Казанской Божией Матери с приделом в память преподобного Сергия Радонежского. Также и в Старой Руссе: город в развалинах – храмы стоят. В блокадном Ленинграде устояли все храмы... Старец Троице-Сергиевой лавры Кирилл, бывший легендарный сержант Павлов, рассказывал нам, как много бойцов в тяжелые минуты приходили к Господу, как многие, особенно в Курской битве, видели над войсками небесное воинство”.

Церковь и народ были едины в горе и борьбе в Великой Отечественной войне. Это прекрасно поняли и Сталин и часть его окружения. В 1943 году, наконец, был снова избран Патриарх Московский и всея Руси, вышел “Журнал Московской Патриархии”, было объявлено об открытии духовной семинарии и монастырей... Устанавливались – через Совет по делам русской православной церкви – новые отношения церкви и государства.

Новые настроения отразились и в литературе. Да, напрямую писатели о Боге, о вере ещё не писали, но перемену в отношении к религии запечатали. Вот рассказ “Крестик”, который написал основательный, серьёзный русский писатель И. С. Соколов-Микитов.

“У нас в дивизионе был один паренёк, младший сержант Петрушкин – отличный боец. Много раз его представляли к наградам. С этим парнем вышло на фронте такое. Пошли раз солдаты в баню. Разделся Петрушкин – товарищи смотрят: у него на шее крестик. Ну, знаете, обыкновенный крестик на шнурочке, как раньше носили. Подняли ребята Петрушкина на смех. А ты, комсомолец, Боженьке молишься. Он им что-то дерзкое в ответ. Ну, сгоряча ребята за него взялись – народ на фронте злой был. Затужил паренёк. Ходит злобный, повесивший нос. Призываю, спрашиваю: “Что невесёлый ходишь, Петрушкин? О чём думаешь? Письма из дома получаешь? – Получаю письма. – А вестя у тебя есть? – Есть, – говорит. – Пишет? – Пишет – Покажи письма.

Прочитал, вижу, всё в полном порядке.

– Что, говорю, с тобой поделалось, боец, объясни.

– Не могу объяснить, товарищ майор. (...)

– Слушай, Петрушкин, откуда у тебя крестик взялся? Ты верующий? Не стесняйся. – Нет, я не верующий, я комсомолец. – Ну, а крестик у тебя? – Молчит. – Говори, не бойся.

Вот и рассказал он мне, что крестик подарила ему мать, когда он из дома уходил на фронт. Сама повесила на шею, просила не снимать, слово взяла. Из любви к матери носит он этот крестик. Подумал я и говорю:

– С тобой крестик? – Нет, я спрятал. – Можешь ты этот крестик на два часа мне предоставить... – Молчит. Потом принёс материнский подарок.

Приказал построить моё подразделение. Выхожу, поздоровался, вынимаю из кармана крестик. Вижу: кое-кто из солдат ухмыляется – поняли, в чём дело. Я сделал лицо строгое.

– Вот что, говорю, товарищи-солдаты. У каждого из нас на родине осталась мать. Вспомните, как вы прощались с матерями, когда уходили на войну из родного дома. Одна мать родной земли сыну в платочек завяжет, другая – записочку в рубаху зашьёт. Вот младшему сержанту Петрушкину старуха-мать на память о своей материнской любви подарила этот крестик – то, что ей самой всего дороже. Он и берёт дорогую для него память о своей матери. А матери наши – наша любовь, наша родная земля, наша Родина, которую мы защищаем. Можно ли над этим смеяться?

Вижу, призадумались мои ребятаки. Вижу, на Петрушкина поглядывают.

– Ну, как, – спрашиваю, – дошло?

– Точно, – говорят, – товарищ майор, дошло.

Вернул я крестик Петрушкину – тем и окончилась вся история. А Петрушкин опять стал лучшим и самым храбрым солдатом”.

Известно, что маршал Жуков (об этом писала дочь Георгия Константиновича Мария) однажды урезонивал ретивого политрука, ругавшего солдата, у которого на бруствере стояла иконка: “Дурак ты, дурак, политрук. Она ему дорогá!”.

Об этом же рассказывал после войны участник Сталинградской битвы Василий Грязнов. Он вспоминал, как в окопах Сталинграда к ним пришёл Шолохов. Идёт он по ходу сообщения и, нет-нет, выглянет, посмотрит в бинокль в сторону фашистов. А кто-то из солдат и говорит: “С биноклем, товарищ полковник, поосторожнее. У немцев снайперы начеку”. Шолохов улынулся в ответ: “Благодарю за упреждение, но я снайперов не боюсь. Заговорённый я, брат, от пули”. Ну, солдаты нашего окопа окружили его. Все сразу узнали в полковнике Шолохова. Я говорю ему: “Может, Вы, Михаил Александрович, и молитву какую от пули знаете?” “Знаю”, – отвечает Шолохов, – и те молитвы, что имеются в “Тихом Доне”, и новые. Много знаю молитв, но сейчас у меня на уме и в сердце одна. Начинается она так: “Во имя отца, и сына, и матери моей – ни шагу назад” (М. Шолохов. Собр. соч., том 8, стр. 112).

В леоновском “Нашествии”, в платоновских рассказах, в книге про бойца Василия Тёркина тип поведения героев был вековечный, христианский и отнюдь не противостоял тому героическому духу, который взращивался социалистическим обществом (Господь спасал Россию).

У того же А. Платонова, который в 1942 году добровольцем ушёл в армию, а затем был откомандирован в “Красную звезду”, одними из употребляемых слов были “одухотворённый”, “дух” и “душа”. Платонов вводил, по существу, понятия “духовная память народа”, которая несла в себе как историческую, так и память сердца и души.

“Ничего не совершается без подготовленности в душе, особенно на войне, – писал Платонов в очерке “О советском солдате” (“Три солдата”). – Отсюда его дух. А у пришельцев, явившихся на нашу землю грабить, жечь, уничтожать всё живое, – пустодушие. И поэтому война – это сражение “одухотворённых людей” с “неодушевлённым врагом”.

Поразительно точное определение сути борьбы русских людей с фашистскими захватчиками!

“ПУСТЬ ВДОХНОВЛЯЕТ ВАС ОБРАЗ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ...”

Уже до войны прорывались в общество, к читателю, выстроились в оборонный ряд и охоронную дружину Александр Невский и Суворов, Кутузов и Нахимов. Спрос на историческую литературу, на рассказ, на очерк о великих сынах России рос день ото дня.

Глубинная история и события Отечественной войны перекликались. Автор известных романов “Чингисхан” и вышедшего в 1942 году “Батый” В. Г. Ян в газете “Литература и искусство” (15 мая 1943 г.) сформулировал задачу перед авторами таких произведений: “исторический роман, прежде всего, должен быть учителем героики”.

Очень современно прозвучал роман С. Н. Голубова “Багратион”. Он проводил читателя по полям сражений начала XIX века, показал великое сражение при Бородино, беззаветность русского воина и русского полководца. А то, что Багратион был русский полководец, никто не сомневался, как русскими пол-

ководцами были в те годы К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, Р. Малиновский, да и сам Сталин не претендовал на звание грузинского военачальника.

Может быть, не все черты и достоинства великого полководца показал Л. Раковский в своём романе “Генералиссимус Суворов”, но его бесстрашие, любовь к солдатам, победоносность там были ярко явлены.

Как бы предвосхищая свершение исторической справедливости, А. Степанов переработал и издал в 1944 году написанные ещё до войны 1-ю и 2-ю книги романа “Порт-Артур”. Это была книга о самоотверженных, благородных офицерах, людях чести и долга, о великих тружениках войны – русских солдатах.

В 1941 г. были изданы книги документов и материалов о войне нашего народа с врагами. Вот только книги того периода, что выписаны из абонементов Томской библиотеки:

– Отечественная война против германских оккупантов в 1918 г. Гослитиздат. 1941 г.

– Отечественная война 1812 г. Сб. документов и материалов. Ин-т истории. Изд. АН. 1941.

– Тарле Е. Отечественная война 1812 г. Разгром империи Наполеона. Госполитиздат. 1941. 110 тыс. экз.

– Шугрин М. Славные страницы истории русского народа: борьба с немцами захватчиками. Новосибирск. 1941. 10 тыс. экз.

– Бахрушин С. Иван Грозный. Госполитиздат. 1942. 50 тыс. экз.

– Брагин М. Фельдмаршал Кутузов. Детгиз. 1942. 25 тыс. экз.

– Воины русского народа 1858–1878 гг. Библиографический указатель. Книжная палата. 1942 г.

– Корнейчук А. Фронт. Пьеса. Искусство. 1942. 20 тыс. экз.

– Лесков Н. Рассказы. Детгиз. 1942. 50 тыс. экз.

– Мавродин В. Брусилов. ОГИЗ. Госполитиздат. 1942. 50 тыс. экз.

– Отечественная война 1812 г. Сб. стихов. 1942. 100 тыс. экз.

– Рожкова. Денис Давыдов. Партизан 1812. 1942. 200 тыс. экз.

– Сибиряки на фронте. Сб. очерков, стихов. ОГИЗ. 1942.

– Симонов К. От Чёрного до Баренцева моря. 1942. 25 тыс. экз.

– Симонов К. Русские люди. Пьеса в 3-х действиях. Искусство. 1942 г. 20 тыс. экз.

– Тарле Е. Наполеон. ОГИЗ. 1942. 50 тыс. экз.

– Ярошевский Э. Александр Невский. ОГИЗ. Новосибирск. 1942. 20 тыс. экз.

Уже в 1943 году вышли очерки “Герои Краснодона” в “Правде” тиражом 100 тыс. экз. Стала выходить серия “Великие борцы за русскую землю”: Данилевский “Александр Невский” (250 тыс. экз.), Осипов К. “Адмирал Макаров” (23 тыс. экз.), Пигарев К. “Солдат-полководец. Очерки о Суворове” (100 тыс. экз.).

В 1944 г. вышли книги о Кузьме Минине Данилевского (200 тыс. экз.), книга Н. Коробкова о фельдмаршале Румянцеве-Задунайском.

Все исторические издания того времени были, конечно, книгами об Отечестве, о народной силе, о служении России, даже если они были о царях или великих полководцах.

Алексей Толстой выпустил блестящую по слогу и слову книгу о Петре I, где император предстаёт как государственный деятель, заботящийся о державе, подбирающий верных соратников по государственным делам, живой, импульсивный, стремящийся к победам человек. Конечно, в этом случае были и параллели с руководителями страны. Но это уже зависело от фантазии и образованности читателя как хранителя исторической памяти.

Борцом за русский язык был Алексей Югов. В годы войны вышел его роман “Даниил Галицкий”. Казалось, к чему эти далёкие сопоставления? Нет, во всём был смысл. Советская Армия двигалась по древним славянским землям, где удерживал западные границы славянства Даниил Галицкий, гордо стоял и против немецкого нашествия.

Помню, как в апреле 1941 года стремительно вошла в наш первый класс учительница и сказала: “Дети, у нас сегодня победа! Ура! Да нет, ребята, это семьсот лет назад Александр Невский разбил немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера!”. На доске она написала: “Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет”. Так в наше сознание входила история. Показательно, что

книги, брошюры об Александре Невском, русском святом князе, в годы войны были опубликованы в количестве более миллиона экземпляров.

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Заканчивалась война. Всё естественнее звучал колокол победы. Литература вышла на небывалую живительную высоту правды, героических, драматических, трагических человеческих обобщений.

Великий Михаил Исаковский чувствовал горечь победы, знал её великую цену. Сколько погибло солдат на его родной Смоленщине! А сколько сожжено сёл и деревень, уничтожено мирных жителей, женщин, стариков, детей!

Мы помним Бухенвальд, а кто вспомнит русские Ивановки, Николаевки? Где им памятник? Где правозащитники? Как умело и тихо забыла Европа, да и наша доперестроечная и перестроечная власть о 17 миллионах погибших мирных жителей. Не о 9 миллионах бойцов идёт речь, те ведь погибли в боях, сражениях, концлагерях, а эти под бомбами, в пожарах, при массовых расстрелах, насилиях, на немецких заводах и полях. Ну, как же не забыть Европе, развязавшей войну, вооружившей Гитлера, толкнувшей его на Восток, свою вину. Как не переложить её на двух “тиранов”, якобы стоивших друг друга! Ух, как бросились поддерживать этот тезис наши либералы, ведь им за это что-то перепадёт с барского стола толстосумов Запада. И не заболит у них сердце о 17 миллионах погибших от врага наших мирных людей. А у Исаковского душа изболелась, в конце войны он сердцем пишет народный реквием, великую печальную, сжимающую горло песню-плач “Враги сожгли родную хату”, каждый куплет которой — глыба памяти и боли.

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.
Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: “Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.*

Боже мой! Какая горестная картина встречи.

*Готов для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...”*

Подлинно эпической картиной заканчивается баллада:

*Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.
Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
“Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...”
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

Вот он, былинный русский богатырь, прошедший с боями всю Европу, отмеченный скромной наградой и отстоявший Родину, которая вся сожжена и испепелена.

У ВОЙНЫ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Да, у войны и женское лицо. Правда, сказать об их подвиге у литераторы в полной мере не было ни сил, ни времени. Фронтовые писатели были там, на передовой. Это уже после войны Фёдор Абрамов в “Пряслиных”, Валентин Распутин в “Живи и помни”, Анатолий Иванов в “Тени исчезают в полдень” покажут невероятный, тяжёлый, спасительный для страны женский труд в тылу. А тогда и сами женщины-поэтессы славили бойца, пророчили победу. Вызывает восхищение подвиг ленинградки Ольги Берггольц. В осаждённом городе она написала свои лучшие, пульсирующие сердечной болью поэмы “Февральский дневник”, “Ленинградская поэма”:

*Был день как день,
Ко мне пришла подруга,
Не плача рассказала, что вчера
Единственного схоронила друга,
И мы молчали с нею до утра.
Какие ж я могла найти слова?
Я тоже ленинградская вдова.
Мы съели хлеб, что был отложен на день,
В один платок закутавшись вдвоём,
И тихо-тихо стало в Ленинграде,
Один, стуча, трудился метроном.
...Когда немного посветлело небо,
Мы вместе вышли за водой и хлебом
И услышали дальней канонады
Рыдающий, тяжёлый, мерный гул:
То армия рвала кольцо блокады,
Вела огонь по нашему врагу.*

Великие слова Ольги Берггольц “Никто не забыт – ничто не забыто” ныне высечены на многих могилах.

Но не забыты ли? Не забываются ли жертвы и победы?

А рядом великая Анна Ахматова, за которую боролись многие “литературные круги”, а она не принадлежала никому, она принадлежала России. В Союзе писателей России (Комсомольский проспект, 13) есть скромная (может быть, чересчур скромная) мемориальная доска писателям-фронтовикам, писателям-воинам, и там знаменитое, поистине мемориальное стихотворение Ахматовой “Мужество”: “Час мужества пробил на наших часах и мужество нас не покинет”. И как великое завещание: “И мы сохраним тебя, Русская речь, // Великое русское слово”.

Ну и, конечно, памятен был в военные годы “Пулковский меридиан” Веры Инбер, стихи Маргариты Алигер.

Женщины держали на своих плечах, руках и слезах весь тыл. Они убирали урожай, собирали автоматы, закручивали стабилизаторы у мин, строили, возводили эвакуированные предприятия. Помню, отец говорил: “Войну в тылу женщины выиграли”.

... В июле 1941 года отец, работавший секретарём Марьяновского сельского райкома партии, попросился добровольцем на фронт, ему строго сказали: “Убери урожай, прими эвакуированных с Украины, наладь на станции встречу и еду для едущих на фронт красноармейцев Сибири”. Отец всё это сделал (даже я, первоклассник, помню, как мы выносили к поезду варёную картошку, яйца, лук и яблоки). Урожай был убран отменный. Молодцы марьяновцы! Но вдруг грянул гром. Представитель ГКО (Государственного Комитета Оборона), строгого и требовательного чрезвычайного органа власти, обнаружил, что в закромах колхозов и совхозов осталось зерно. “Семенной фонд — это священное для колхозов”, — объяснил отец. “Святое — сдать до

зёрнышка”, — заявил представитель ГКО. “К расстрелу!” Арест и ожидание приговора. В это время из Таганрога перемещалось авиационное училище — надо было готовить лётчиков для фронта. В Марьяновке была степь, там и решили построить аэродром. Секретарь обкома обратился к представителю ГКО: пусть Ганичев построит, он всё и всех в районе знает, а потом разберёмся. Отца выпустили, он и построил аэродром через месяц. Строгий выговор, предупреждение, а на следующий год в районе самый высокий урожай по Сибири (сработал семенной фонд). Отцу дали орден Трудового Красного Знамени. Так вот: от расстрела — к ордену.

Бывали и курьёзные случаи: когда строили аэродром, отец, проверяя качество укладки алюминиевых полос, услышал, как две женщины, разбивая ломом смёрзшуюся землю, говорили о войне. Одна сказала: “Ну, прёт и прёт Гитлер, скоро и к нам дойдёт”. Другая, с ожесточением опуская лом, ответила: “Ну, допрёт, тогда мы ему ноги-то из ж... повыдёргиваем”. Отец подошёл, сказал: “Спасибо, женщины, за боевой дух. Давайте-ка я вам выпишу по дополнительной пайке хлеба”. Женщины отказались: “Ты, командир (отец был в военной форме), отдай-ка вон лётчикам, пусть не отощают перед полётами”...

В Омске в прошлом году поставили необычный и величественный памятник, скорее мемориал “Труженикам тыла”. Девять символических фигур. Так вот, в этом памятнике женщины составляют большинство: мать с ребёнком, крестьянка с серпом, медсестра, женщина с рабочим (в годы войны половина населения работала на заводах и предприятиях), девочка с колосками. Белые крылья — консоль — обрамляют памятник. Это незримая связь тех, кто ушёл на фронт, с теми, кто послал их. Это памятник женскому лицу войны.

Артиллеристы, Сталин дал приказ

Ну, конечно, не обойти роль и место Сталина в литературе военной поры.

В прошлом году на парламентской встрече в Костроме, посвященной патристическому воспитанию, сбережению памятников истории, 65-летию Победы, которую вёл председатель Совета Федерации С. Миронов, выступил директор Института военной истории, доктор исторических наук, генерал Махмуд Ахметович Гареев. Он, в частности, сказал, что вот поднимается вопрос, чтобы на 9 Мая не было нескольких исторических стендов с портретами И. В. Сталина, что мы выиграли Великую Отечественную войну вопреки Сталину. “Такого ещё в истории не было, — сказал боевой генерал, — чтобы войну выигрывала армия и страна вопреки своему главнокомандующему. Если такое возможно и страна может без руководства обходиться, зачем сегодня у нас два руководителя?” Зал засмеялся и поаплодировал генеральской иронии. Ясно, что не под дулом пистолета “вальтер” писались песни и стихи о Сталине, хотя многим, особенно в начале войны, было горько и обидно: просмотрели, проморгали, не подготовились.

У Ивана Стаднюка в книге “Война” при описании первых действий высшего руководства есть сцена, когда члены Политбюро пришли в здание Генштаба (на Знаменке, где он и нынче). Сталин стал жёстко распекал Жукова и Тимошенко за поражения. Жуков не менее жёстко ответил и вышел из кабинета. Сталин бросил Берии: “Пойди, посмотри, чтобы не натворил чего-нибудь”. Как понимать эту сцену? Мог ли Жуков застрелиться? Или отдал бы приказ охране арестовать Сталина, считая его виновником первых поражений? Я расспрашивал у Стаднюка, он многозначительно молчал: “Потом узнаешь”. Спросил у Чуйкова, который был тогда советником в Китае, тот пожал плечами: “Навряд ли”. Адмирал Н. Г. Кузнецов, с которым я подолгу беседовал на больших прогулках в садике на улице Грановского, считал (я знал, что у них с Жуковым были нелады): “Георгий всё может с его характером”. Николай Николаевич Яковлев, замечательный историк, сын опального при Сталине маршала Яковлева, раскрывший впервые у нас в советское время роль масонов в февральской и октябрьской революциях (книга “1 августа 1914 года”), твёрдо сказал, что не мог Жуков этого сделать, ибо генералы, хотя и были недовольны политиками, не давшими им, как считали военные, всесторонне подготовиться к войне, считали Сталина безусловной государственной фигурой, лишившись которой в начале войны руководство страны показало бы, что вверху разлад, и фактически проложило бы путь к капитуляции.

Думаю, те, кто восторженно писал о Сталине, были искренни. Замечательный писатель, моряк Михаил Годенко, написавший легендарную книгу “Минное поле” о переходе нашего флота из Таллина в Кронштадт, сказал мне однажды: “Знаешь, мы, моряки, когда шли в атаку, не кричали “За Родину!” “За Сталина!” – больше ругались. Но скажи нам кто тогда, что из-за Сталина мы терпим поражения, мы бы того пристрелили как геббельсовского пособника”.

Вот никак С. Куняеву не удаётся выпустить книгу поэтических произведений о Сталине, написанных в предвоенные и военные годы: В числе авторов Б. Пастернак, К. Симонов, М. Рильский, Я. Колас, М. Шолохов, Л. Леонов, К. Федин, Б. Полевой, О. Гончар, М. Исаковский, А. Твардовский, А. Сурков, А. Софронов, И. Эренбург, М. Алигер, В. Инбер, А. Толстой, Вс. Иванов, А. Бирюков, П. Павленко, П. Антокольский, А. Яшин, В. Лебедев-Кумач, П. Тычина, А. Ахматова, П. Сосюра, Эм. Казакевич, А. Фадеев, Н. Тихонов, да и все остальные советские писатели – те, кто воспевал победу, славил советского солдата, испепелял фашизм. Ныне по требованию фальсификаторов они могут быть изгнаны из нашей истории, из литературы во имя “защиты прав человека”, причём очень богатого, олигархического человека из Нью-Йорка, Лондона, Тель-Авива, да и нашего – с Рублёвки.

Какие слова тогда следовало бы поставить в песню, которую пела армия:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину —
Огонь! Огонь!*

(автор слов В. Гусев)

Народ, генералы, солдаты, поэты поверили Главнокомандующему. Правда, впереди ещё были многие послевоенные годы со своими оценками, с драматическими фактами. Но это не отменяет роль Главнокомандующего в победе. Кесарю – кесарево. Богу – Богово.

И ещё два факта нашей и мировой истории.

В конце 1943 года на слова С. В. Михалкова и Г. Эль-Регистана (музыка А. В. Александрова) был создан Гимн Советского Союза. Позднее из этого текста очень тяжело было выбросить исторически точные и закономерные слова.

*Союз нерушимый Республик Свободных
Сплотила навеки Великая Русь...*

Ныне остались тоже чеканные строчки:

Россия — великая наша держава...

А вот такие, казавшиеся незыблемыми, слова:

*Нас вырастил Сталин
На верность народу.
На труд и на подвиги
Нас вдохновил*

– исторически испарились, но двадцать лет страна вставала под эти стихи. Меняются взгляды, и какой гимн будет у нашей страны через 20 лет, можно только догадываться.

А вот пример зарубежной истории. После разгрома Наполеона Бонапарта в Европе не было более бранного слова, чем слово Наполеон. Его именовали: тиран, деспот, узурпатор. В каждой стране добавлялись свои отрицательные дополнения. России было что добавить в адрес грабителя, оккупанта, поджигателя не только Москвы, но ещё и сотен русских городов и деревень. Франция не скупилась на уничижительные эпитеты, ибо этот узурпатор принёс ей

неисчислимы бедствия, почти уничтожил всю старую роялистскую элиту, духовенство, раздавил церковь, погубил самую сильную и здоровую часть французских мужчин. По некоторым сведениям, рост французов после наполеоновских войн понизился на 15 сантиметров. Вот уж деспот так деспот. Французы попытались устроить свою жизнь по-старому: вернули королевскую династию Бурбонов. Те оказались не способны наладить жизнь в стране: в историю вошла знаменитая фраза, которая характеризует многих реваншистов: “Они ничего не забыли и ничему не научились”. Затем появились новоиспечённые короли. Но их смели революции. Возникла республика.

И о чудо: слава Наполеона во Франции возродилась! По указанию короля Луи Филиппа, под влиянием общества и бонапартистов останки Наполеона в 1840 году привезли с острова Святой Елены, где он отбывал наказание за свои злодеяния и умер. Были изданы десятки хвалебных книг “о подвигах” императора, а его прах был погребён в знаменитом Доме инвалидов. Затем был построен мавзолей из карельского порфира, который был подарен Николаем I. Как Россия уважает чужую славу! К мавзолею потянулись тысячи французов. Были и мы там, в его основании помещены барельефы побед Наполеона, в том числе взятия Москвы. Русская женщина-гид, когда вела нас по мавзолею, тихо попросила: “Вы только не заглядывайте вниз, не склоняйтесь. Французы самодовольно говорят: “Вот и русские кланяются победам нашего императора”.

Когда же мы научимся ценить своих почивших вождей?

ПЕСНИ В ГОСПИТАЛЕ 1943 ГОДА

Зимой в январе 43-го я оказался в омской больнице. А рядом стонал, хрипел, тяжело дышал, иногда бесшабашно пел госпиталь. Страшно было в полночь, когда кто-то душераздирающим криком обращался к сестре: “Сестрица, сестрица, дай морфию, ну, дай же ты, стерва! Я ж умру завтра!” Потом, наверное, был укол, становилось тише. Днём после обеда, когда проходил медицинский обход, госпиталь радовался, запевал песни. Наверное, вот эти:

*Оба молодые, оба Петя,
Оба полюбили медсестру.*

Чей-то голос выводил:

*Ну, что ж, не любит, так и не надо,
Зато уж я её люблю.*

Его прерывали: “Ну, хватит. Не рви душу, найдёшь другую”.

Часто пели “Шаланды, полные кефали”. Все затихали, когда один раненый (как нам сказали, почти слепой) запевал, медленно подбирая музыку:

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

“Это на нашем фронте написано”, – сказал он, закончив песню.

Да, после первых набатных и укрепляющих дух песен появились и лирические, даже грустные, хотя политорганы грусть, тоску пытались в войска не пускать. Нынешние “умники политкорректности” заносят это в разряд жестокой тоталитарной цензуры. А то был закон войны: сохранить высокий боевой дух, не дать унынию, безволию, безразличию овладеть бойцами.

А песни-то и сами меняли характер. когда армия стала наступать. Это видно по стихам великих песенников Алексея Фатьянова “На солнечной поляночке”, “Соловьи”, “Горит свечи огарочек”, Евгения Долматовского “Моя любимая”, “Офицерский вальс”, “Песня о Днепре”, Владимира Агапова “Тёмная ночь”.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

XIX век был “золотым” веком великой русской литературы. Для русской, советской литературы периода Отечественной войны это были годы возвышения Родины, нашего Отечества, прославления русского характера, требования возмездия, прославления воина, утверждения любви и гуманизма.

Если бы наша литература не создала ничего, кроме романа “Они сражались за Родину”, повести “Взятия Великошумска” и поэмы “Василий Тёркин. Книга про бойца”, то всё равно была бы великой, а этот её военный период заслужил право быть занесённым в вечно живую летопись русской словесности.

Сдается мне, что из всех праздников советской эпохи в XXI веке всенародным останется лишь праздник Победы 9 Мая. Да и то на него покушаются десталинизаторы.

Этот день – и день Памяти, и день Скорби, и день Торжества. Может быть, впервые в XX веке весь народ в ту весну 1945-го был един. Была усталая, изможденная, но полная торжества страна. Был великий, израненный, преодолевший унижения и оскорбления поражениями народ-победитель. И эта Победа уже в генах каждого русского человека, в памяти истинного гражданина России, соотечественников бывшего СССР. Ее не вытравить, не изничтожить, как бы ни старались вынырнувшие из небытия и оседлавшие многие российские СМИ группы бывшего геббельсовского агитпропа, из структурно неформившегося, но цепкого комитета “Антипобеда”. Правда, таких агитпроповцев сейчас поменьше, чем в начале перестройки, – народный гнев и отпор примяли многих. Но посеянные семена предательства то и дело дают ядовитые всходы. Вот одна газета перед праздником Победы дает интервью с лидером чеченских сепаратистов под видом объективной информации. Ну, действительно, почему было не дать в 1942 году интервью с фельдмаршалом Паулюсом или с самим Гитлером?

“Московский...” же так называемый “комсомолец” отвел целую полосу предателю Резуну, уже который год доказывающему: правильно, что Гитлер напал на СССР первый, иначе бы Сталин вскоре напал на него, бедного. Гитлер ведь стремился “спасти европейскую цивилизацию”, которой он, Резун, ревностно служит. На целый газетный лист газетка развела глубокомысленную беседу об этом “историческом открытии” Резуна (так называемого Суворова). Нет сомнения, что Божие наказание не минет предателя, коль судебные, государственные и карательные структуры бессильны.

Да простят меня читатели за гневные и резкие слова, когда мы говорим о Победе. Но я воспитан в годы Великой Отечественной войны и замирал у черной тарелки репродуктора в день скорбных сводок, когда наши войска оставляли города, радостно кричал соседям, когда из дребезжащей мембраны прорывался отнюдь не громоподобный, а хриплый голос Юрия Левитана, извещающий о победах под Москвой и Сталинградом. Я вместе с мальчишками расставлял флажки и двигал ленточку на запад на карте Европы в 1945 году. Для нас, пацанов и девчонок, это была война наших отцов, наших братьев, всех родных, это была Отечественная война, а не какая-нибудь Пуническая, или даже Вторая мировая, или тем более – “война двух хищников”, как изволят выражаться либеральные писаки. Для нас Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев и Александр Матросов были живыми современниками, утверждавшими победу своим подвигом. Тогда и помыслить было невозможно, что кто-то покусится на их жертвенность, на их мужество. Правда, и власть заботилась, чтобы их героизм не пустили по ветру, не запятнали, и поддерживала тех, кто воспевал воинов и героев. И это отнюдь не было проявлением тоталитаризма. “Певец во стане русских воинов” – это лучшая традиция отечественной литературы. Когда в январе 2000 года писатели России провели свой “фронтной” пленум в воинских частях, сражающихся с сепаратистами и бандитами в Чечне, мы не раз вспоминали фронтные строчки А. Твардовского, Л. Соболева, А. Толстого, К. Симонова, А. Сафронова, Б. Полевого, А. Фадеева, В. Кожевникова, И. Эренбурга, А. Суркова и других писателей разящего слова Отечественной войны. Среди авторов той военной поры постоянным было и имя Михаила Шолохова. Когда мы с Валентином Осиповым в издательстве “Молодая гвардия” в 70-е годы решили выпустить книжку его военных публикаций, то набрался солидный том публицистики. У Михаила Александровича тема войны была постоянной, пульсирующей,

живой. Он, как никто другой, представлял трагичность войны и величие победы в ней. Он хотел запечатлеть образы рядовых, вынесших на своих плечах ее тяготы. Он хотел обозначить судьбу человека в ее разрушительное время.

Вспоминаю его рассказ, в котором, возможно, есть некоторые пропуски, недомолвки, связанные с тем, что слышал я его двадцать пять лет назад. Михаил Александрович рассказывал, что с передовой Западного фронта он приехал в редакцию “Красной звезды”, отдал подготовленный материал и вдруг получил приглашение в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами, аналог общества Дружбы).

– Я, – говорил он, – еще подумал: идти или не идти. Одежда – гимнастерка, галифе помятые, подмасленные, фронтовые. Да и обещал возвратиться поскорее. Но воксовцы звонили, настаивали: “Важная встреча! Нам присылают американскую помощь!” Ладно! Пришел в Дом ВОКСа. Все толпятся вокруг кресла, на котором восседает невзрачный, по-английски на скворца человек. Подбегают и ведут к креслу. Представляют по-английски:

– Это наш всемирно известный русский писатель Шолохов.

А он, сидя в кресле, небрежно протягивает мне руку. Разобрало. Я как крикну:

– Встать!

Он и вскочил, обе руки протянул. Оказалось, в прошлом из Одессы. Нагайку казачью помнит. Пригласили за стол. Провозгласили тост. Гость на меня с опаской косится, а Илья Эренбург ему рассказывает: в Калуге его поразило, что в центре города повесили еврейскую девочку. Я даже по столу пристукнул:

– А тебя, Илья, не поразило, что во рвах и на улицах тысячи русских убитых лежали?!

С досады хлопнул полстакана водки и вышел. Кто-то за мной побежал, кто-то просил возвратиться, но я отмахнулся.

Пришел в гостиницу и думаю: сейчас уехать на фронт или утром? Решил утром. А утром – стук в дверь. Открываю... Два капитана с голубыми петлицами:

– Товарищ Шолохов?

– Да...

– Пройдемте...

Ну, вот, думаю, говорил же себе, что надо вечером было ехать. Выхожу, сажусь в машину. Те двое рядом, с двух сторон. Едем от гостиницы “Москва”. Смотрю: если прямо, то на Лубянку к Берии, если направо, то в Кремль. Повернули направо, еще раз направо, проехали через Спасскую башню в Кремль. Провели меня по коридорам, заводят в кабинет и исчезают. За столом Поскребышев, помощник Сталина. Молчит, и я промолчал, сел. Смотрю на галифе, а они замаслены над коленками. Тушенку в землянке поешь, а руки потом положишь на колени... Пятна получаются. Звонкок. Поскребышев зашел. Через минуту выходит, распахивает дверь, показывает рукой – заходи. Зловеще шепчет: “На этот раз тебе, Михаил, не отвертеться”. Я пожал плечами, еще раз подумал: “Надо было вечером уехать”, – и зашел. Дверь за мной аккуратно так закрылась. У окна спиной ко мне стоит Сталин, курит трубку. Молчит. Проходит минута, вторая. Затем тихое покашливание и из дыма трубки жесткий голос, с характерным акцентом:

– Товарищ Шолохов, гаварят, вы стали больше пить?

У меня что-то мелькнуло в голове, не объясняться же, я и ответил:

– Больше кого, товарищ Сталин?

Трубка у него вся закружилась, он запыхал ей, запыхал, головой покачал и, отойдя от окна, с легкой улыбкой пригласил сесть. Прошелся вдоль стола и спросил:

– Скажите, когда Ремарк написал “На Западном фронте без перемен”?

– Кажется, в 28-м, товарищ Сталин.

– Мы не можем ждать столько лет, товарищ Шолохов. Нам нужна книга о тех, кто сейчас сражается за Родину.

А я уже о такой книге думал... Еще мы говорили о солдатах, о генералах, о женщинах, о жертвах... Когда выходил, Поскребышеву под нос кукиш сунул:

– На!

И вечером был на фронте.

Наверное, именно там, на Западном фронте, где шла кровавая битва и где летом 1942 года, как считало наше командование, должно было про-

изойти решающее сражение, Шолохов и вбирал в свою творческую память кровь и пот, драму и героизм войны. Командование ошибалось. Гитлер пытался решить судьбу войны на юге, двинув свою армию на Ростов, Кавказ, Сталинград. Шолохов в эти дни был на юге, он писал и печатался в газете “Правда”. 22 июня (в годовщину начала войны) печатается рассказ “Наука ненависти”. Он писал в начале июня о своём главном герое: “Мне вот Герасимов покоя не даёт... Однажды встретился с пленным офицером, который гнал в тыл скот. “Меня на фронт не допускают, сбежал из лагеря от немцев, из плена. А вы, наверное, на фронт?” Вот тогда ещё прорисовывался образ Соколова из “Судьбы человека”. А ведь ещё 16 августа 1941 года был приказ Ставки, который приравнивал пленных к предателям. Постановление ЦК, в котором говорилось о том, чтобы отправлять пленных не в тыл, а на фронт, вышло после публикации рассказа. Случайно ли?

В июле немецкие бомбы упали на дом Шолохова, погибла мать Михаила Александровича, утрачен архив писателя. Шолохов на Сталинградском фронте. Там произошёл разгром немцев. В феврале 1943 года 6-я армия Паулюса капитулировала.

В мае 1943 года “Правда” напечатала первые главы “Они сражались за Родину”. Роман пишется уже всю оставшуюся жизнь, переделывается, дополняется.

В 1947 году в Вешенской он сказал корреспонденту И. Араличеву, что роман “Они сражались за Родину” пишется труднее, чем “Тихий Дон”: “Меня интересует участь простых людей в минувшей войне. Солдат наш показал себя в дни Отечественной войны героем. О русском солдате, о его доблести, о его суворовских качествах известно миру. Но эта война показала нашего солдата в совершенно ином свете. Я хочу раскрыть в романе новые качества советского воина, которые так возвысили его в эту войну. В “Тихом Доне” я был свободен перед живыми и мёртвыми, там всё было историей, а сейчас передо мной живая жизнь... Так же, как и во времена “Тихого Дона”, приходится все неоднократно переделывать, тщательно взвешивать каждую деталь. Материала обилие. Хочется роман сделать лучше, компактнее”.

Не буду дальше останавливаться на судьбе этого романа, но после его гениального воплощения Сергеем Бондарчуком в кино мы все ждали третьей части. Не могу рассуждать, потому что, во-первых, не знаю (хотя есть и другие причины), почему она не появилась. По болезни ли, по причине неприятия властей и отчуждения от них писателя, по другим ли каким причинам (мистическим, возможно, причинам, как вторая книга “Мёртвых душ”) не вышла она в свет, не знаю. Но некая надежда теплилась, да и не исчезла сегодня. В последний приезд с В. Осиповым в 1983 году в Вешенскую мы поднялись на второй этаж в спальню, где лежал он, а рядом книга воспоминаний маршала Жукова.

– Читаете?

– Перечитываю...

Сразу нахлынули мысли и соображения. С наивным видом поглядел на шкафы, тумбочку и под простак спросил: “А здесь рукописи третьей книги “Они сражались за Родину” нету?” Михаил Александрович ответил серьёзно, с нажимом на первом слове: “Здесь её нету”. Так и ушли мы, не развеяв своих сомнений.

А то, что написал Шолохов – классика литературы о Великой Отечественной войне.

* * *

Леонид Леонов не раз бывал на фронте под Ленинградом во время наступления Волховского и Ленинградского фронтов. Был свидетелем боевых действий на Украине в районе Киева и западнее его. В ноябре-декабре 1943 года лёгких боёв на войне не было, все они были жестокие и кровавые, во всех них были свои герои, во всех них были зародыши будущей общей победы. Леонов находился в частях танковой армии генерала П. С. Рыбалко. В сражении в районе города Житомира немцы намеревались взять реванш за летнее отступление, перебросив туда свои танковые дивизии из Греции, Италии, Дании. Но наши войска, отступая, перемололи отборные танковые части врага

и 24 декабря перешли в наступление. Всего один день 23 декабря и запечатлён в повести, а фактически в романе “Взятие Великошумска”. Но в нём писатель спрессовал чуть ли не всю войну, вернее, тысячи её обличков, характеров, событий. Так, появившийся в снежной кутерьме генерал танкистов Литовченко, наблюдая, как разгружаются его танки, вслух размышляет перед офицерами, сопровождающими его: “Я говорю: грозен наш народ... Красив и грозен, когда война становится для него единственным делом жизни...” Он собирался прибавить также, что хорошо, если родина обопрётся о твоё плечо, и оно не сломится от исполинской тяжести доверия, что впервые у России на мир и на себя открылись удивлённые очи, что народы надо изучать не на фестивалях пляски, а в часы военных испытаний, когда история вглядывается в лицо нации, вымеряя её пригодность для своих высоких целей. Но офицер что-то буркнул невпопад с непривычки к отвлечённым суждениям... да, кстати, над ухом затрещал мотор...” Начинались картины танкового движения. Автор при завязке показал выгрузку танкового соединения для вхождения в бой и в его повесть. Он обнаружил ошеломляющие знания о танке, траках, левых фракциях, ленивцах, железных ползунах, обо всём, что окружало эту машину танка. Позднее он вскрыл и заставил работать его механическое нутро. Это профессиональное знание и проникновение в военно-технические реалии автора было отмечено позднее в Главном бронетанковом управлении, а замкомандующего сказал Леонову: “Не угодно ли Вам немедленно получить инженерно-танковое звание?” Но не о железе танка была эта повесть. Она о железе и хрупкости человека, об изломах души и её стойкости.

Да, конечно, в центре экипаж Т-34 под номером 203. Каждый из бойцов: командир, лейтенант Соболюков, молодой водитель Вася Литовченко, башенный Обрядин, Андрей Дыбок выписаны автором с тщательностью. Вот командир говорит проштрафившемуся Литовченко: “Только помни, Вася... Судьба не тех любит, кто хочет жить, а тех, кто победить хочет”. Леонов органично соединяет судьбы танкистов, фронта и тыла, армии и отдельных бойцов. Он сумел запечатлеть всенародный характер войны, природу героизма, характер судьбоносного для каждого сражения. “То была мускулистая, могучая жизнь... смерть, подобно собаке, тыкалась в ноги у бессмертных, чтобы ухватить крохи с их великолепного пиршества. И всё это, как живая вода, нужно было нам, гордой, яркой нации, которая, восстав для великих дел, хочет жить вечно и глядеть на солнце орлиным взглядом”.

Известны его размышления: “Герой, выполняющий долг, не боится ничего на свете, кроме забвения. Но ему не страшно и оно, когда подвиг его перерастает размеры долга. Тогда он сам вступает в сердце и разум народа, родит подражание тысяч и вместе с ними, как скала, меняет русло исторической реки, становится частицей национального характера”.

И вот этот кинжальный рейд “тридцатьчетвёрки” и показывает обыденный и невиданный героизм. О забвении они не думали. Об этом рейде “лишь потому своевременно не узнала страна, что он затерялся в десятке подобных ему. Поколениями танкистов он мог бы служить примером, что может сделать одна, хотя и одинокая “тридцатьчетвёрка”, когда её люди не помышляют о цене победы!” Один из зарубежных исследователей творчества Леонова назвал повесть “Взятие Великошумска” лучшим романом периода Второй мировой войны.

Когда я в детстве прочитал “Взятие Великошумска”, то, затаив дыхание, следил за военными приключениями и остросюжетным рейдом танка в тыл врага. В молодости ощутил глубину авторских размышлений и взглядов на природу войны и героизма, на место Родины в жизни солдата. Прочитав сегодня, поражён волшебным умением художника, мастерством писателя, живописными образами военной схватки, увиденным и воспроизведённым сверхнапряжением, невиданным и точным количеством деталей, каждая из которых играла свою роль в художественном полотне. Умением передать медленный, спокойный ритм подготовки боя, ускорившийся в развернувшемся движении и стремительный в бою.

Я вспомнил, как в 80-х годах привёл в Переделкино к Леонову молодых тогда писателей С. Алексеева и Ю. Сергеева. Леонид Максимович завёл речь о сюжете, его увязке с ритмом повествования, с набором деталей, о его страивании, о прочёркивании “хотя бы в голове” судеб героев, которые надо воспроизвести в романе. Наверное, у Леонида Максимовича не было времени, чтобы заняться прочерчиванием судьбы всех героев героической “трид-

цатьчетвёрки” и общего плана военной операции, ибо написал свою повесть-эпопею буквально за несколько месяцев. В одном из исследований о повести Леонова верно было сказано, что “это произведение больших обобщений, широкого романтического размаха, смело сочетающее здесь приёмы романтического искусства, углублённого аналитического исследования современности с традиционной народно-героической символикой” (Е. Старикова. Взятие Великошумска. 1962).

В общем, книга-эпос, книга дыхания и пульса Великой войны, книга-учебник Великого писателя. Умные читатели, почитайте ещё раз “Взятие Великошумска”.

* * *

Ну и, конечно, “Василий Тёркин”, народная книга, книга про бойца, близкая и дорогая, согревающая, утешающая, бодрящая, живительная, как та вода, с которой символически начинается повествование автор:

*На войне в пыли походной,
В летний зной иль в холода,
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-под льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода...*

Живоносной, целебной, глубинно народной была поэзия Твардовского. Его давний знакомый по финской войне Василий Тёркин выходил, как написали позднее, “на пьедестал бессмертия”. Он стал образом бойца Великой Отечественной, побывавшим во всех её бурях, пробирался из окружения с мучительным вопросом: “Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?” Возможно, и сегодня многие из нас задаются этим вопросом. А Тёркин, отступая, вырвался к своим, а там — сплошные сражения, преодоление переправ, фронтовые дороги, ранения, оживающая в его пальцах трёхрядка и пропавший кисет, воспоминания и мечты о родине, о смоленской стороне, о подбитом самолёте, о медали, о любви и о боях, боях больших и малых, о которых с великой печалью, скорбью и надеждой “на вечную память павшим” — сказал Твардовский. Многие отрывки, строфы — это поэтические меты войны. Вот “Бои в болоте”, безвестный бой, где вода была “пехоте по колено, грязь — по грудь...”:

*Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.
— Но позвольте, — скажут снова, —
Так о чём тут речь идёт?
Речь идёт о том болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;
Где в трясине, в ржавой каше
Безответно — в счёт, не в счёт —
Шли, ползли, лежали наши
Днём и ночью напролёт;
Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов был им, не Харьков, —
Населённый пункт Борки.
И в глуши, в бою безвестном,*

*В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.
Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придёт — ещё повстанут
Люди в памяти живой.
И в одной бесстрашной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;
Кто за гордую твердыню.
Что у Волги, у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населённый пункт Борки.
И Россия — мать родная —
Почетъ всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная.
Жизнь одна и смерть одна.*

Василий Тёркин стал бессмертным поэтическим образом. “Он был духовной опорой и подмогой в самую страшную годину испытаний — в Великую Отечественную войну, — писал Ф. Абрамов. — Не было за всю историю русской литературы столь популярного героя, как Василий Тёркин”.

И Бунин, чувствуя величие победы и величие литературы, которая её воспевала, писал: “Я восхищён его (Твардовского) талантом — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, т. е. литературно-пошлого слова”.

Всем бойцам войны воздал должное Александр Трифонович Твардовский. Это был его творческий, великий, военный подвиг. Это был подвиг поэта России, поэта её народа.

Прошлым летом на берегу лимана у Очакова я читал юным ушаковцам, что проводили там свой слёт, не что-нибудь, а “Василия Тёркина”. Были там волгоградцы, николаевцы, москвичи, первоклассники и девятиклассники. Слушали, затаив дыхание, все понимая и сочувствуя, радуясь и грустя, улыбаясь и задумываясь — близок, близок им Василий Тёркин, а ведь семьдесят лет прошло.

* * *

Уважаемый читатель, ещё раз хочу подчеркнуть, что это не исследование (подобное замечательным книгам профессоров П. Выходцева, Б. Леонова). Это как бы личное впечатление и обращение за поддержкой в наши нелёгкие, не знаю, “окаянные” или просто драматические дни. Каждый раз, когда жизнь становится просто невозможной, думаешь: “А тогда ведь было совсем смертельно, совсем гибельно”. Но ведь выжили, победили, и наша литература была тогда рядом с бойцом, вместе с ним на передовой. Она вдохновляла, оживляла, сберегала нашего человека. Давайте и мы будем укрепляться из её источника.

ИРИНА МОНАХОВА

БЕЛИНСКИЙ И ГОГОЛЬ

ШТРИХИ К ДВОЙНОМУ ПОРТРЕТУ

Среди современников В. Г. Белинского, с которыми он больше или меньше общался, особое место занимает Н. В. Гоголь. Хотя их знакомство близким не назовешь: они встречались всего несколько раз в жизни, и переписка их невелика (по два отправленных письма со стороны каждого и одно неотправленное письмо Гоголя Белинскому), но это лишь внешняя часть такого феномена в истории русской культуры, как отношения Гоголя и Белинского — только “надводная часть айсберга”. Как две крупные планеты, они вряд ли могли быть близки друг другу в обыденной жизни — дружить, часто встречаться и постоянно и откровенно переписываться, что называется, “быть накоротке”. (Такого у Гоголя даже и с Пушкиным не было, несмотря на хрестоматийное представление об их отношениях как о дружбе.)

Их разделяли и такие важные обстоятельства, как многолетняя жизнь Гоголя за границей, и то, что деятельность Белинского, помимо литературно-критической составляющей, имела и определенную общественную направленность. Сотрудничая в журналах, он вел порой весьма бурную полемику со славянофилами. У Гоголя же среди них было немало друзей. Правда, он стремился находиться в стороне от противостояния между западниками и славянофилами, не примыкая ни к какому “лагерю” и оставаясь самим собой.

Но, несмотря на все разделяющие обстоятельства, было между этими двумя личностями, этими двумя великими деятелями русской культуры какое-то глубинное внутреннее сходство (в чертах характера, свойствах души), которое определило их взаимосвязь на более глубоком уровне, чем если бы это были внешние приятельские отношения, выражающиеся в большом количестве личных встреч и писем. В итоге эта глубинная взаимосвязь нашла и внешнее выражение, но особенное, значительное выражение. Гоголь и Белинский — эти имена как-то особенно слиты, нераздельно соединены в истории русской культуры. Конечно, прежде всего, благодаря “письму Белинского к Гоголю”. Такое название (уже давно ставшее всенародно известным) получило письмо, написанное Виссарионом Григорьевичем в июле 1847 года в Зальцбрунне. Это, наверное, самое известное частное письмо вообще в истории русской культуры. Не только гениальный талант его автора и личность адресата стали тому причиной, но сыграла тут важную роль и особенная взаимосвязь их судеб. Не случайно Белинский начал свое послание не с формально-почтительных приветствий, а со страстного признания, которое задало тон всему письму: “Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженно*го человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния,

в какое привело меня чтение вашей книги. (...) Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развигия, прогресса”.

Белинский стал, наверное, самым чутким и наиболее глубоко понимающим читателем и критиком художественных произведений Гоголя. Именно Белинский первым увидел великого художника в авторе своеобразных повестей, отличающихся малороссийским колоритом. Он увидел в Гоголе не только комика (что всем бросалось в глаза и чем понимание многих современников и ограничивалось), но и трагика. Не просто остроумного описателя быта и нравов (сочинения которого некоторые критики называли “сальными”, “грязными” и т. д.), а настоящего поэта, “поэта жизни действительной”. То, что писал о Гоголе Белинский, — это порой не только меткие оценки, но и настоящие прозрения, когда критик как будто открывает под внешним слоем содержания, видимым многим, скрытые пласты. Уникальность его опыта осмысления творчества Гоголя — и в глубине анализа, и в его мгновенности (по историческим меркам). Гоголь вовсе не был для Белинского давно признанным классиком, как для нас сейчас. Для него гоголевское творчество было живым явлением, развивающимся у него на глазах, значение которого нужно было моментально постичь и убедительно доказать это всей читающей публике, опираясь лишь на свои понятия о прекрасном, свою интуицию и эстетический вкус.

Но самой, может быть, уникальной чертой работ Белинского, в которых идет речь о Гоголе, была способность их оказать реальное влияние на дальнейшую творческую судьбу писателя, а значит, и в целом на развитие русской литературы. Без его поддержки, по замечанию И. А. Гончарова, “и Гоголь не был бы в глазах большинства той колоссальной фигурой, в какую он, освещенный критикой Белинского, сразу стал перед публикой”. Многие современники относились к автору “Вечеров на хуторе близ Диканьки” несерьезно, в том числе и закоснелые “ценители” искусства, не готовые к восприятию новой эстетики, нового стиля, нового творческого метода, принесенного Гоголем в литературу, и, в конце концов, нового пласта жизни, “впущенного” им в изящную словесность. Поэтому постоянная “борьба за Гоголя”, которую вел Белинский, была важна и для того, чтобы оценить по достоинству его творчество, и для того, чтобы поддержать и обосновать теоретически новую эстетику, привнесенную Гоголем (ее отличали реализм, истинная народность, яркая самобытность), и для того чтобы поддержать самого Гоголя на его пути новатора. Только такой критик, как Белинский, выше всего в искусстве ставивший вдохновение гения, которое ему дается свыше, и сотворенные (“рожденные”) в результате такого вдохновения произведения, мог дать такую мощную, окрыляющую поддержку художнику, столь необходимую для новых свершений. (Ведь, например, свою первую книгу “Ганц Кюхельgarten”, получившую отрицательный отзыв критики, Гоголь уничтожил — сжег почти весь ее тираж.)

Впрочем, эти особенности творчества Белинского общеизвестны. Но интересен и другой аспект темы “Белинский и Гоголь” — соотношение самих по себе этих двух личностей, что не могло не сказаться на их общении — личном и творческом. При некоторых существенных различиях между ними, в их характерах и обстоятельствах жизни есть основательный пласт сходства, близких, родственных моментов — внешних и внутренних, о чем могут поведать и их письма, и воспоминания современников о них.

Они были почти ровесниками: Белинский родился в 1811 году, Гоголь — в 1809 году. Довольно близки не только даты рождения, но и смерти — соответственно 1848-й и 1852 годы. Литературная деятельность их обоих связана с первой половиной XIX века. Оба они ушли в расцвете лет: Белинский — не дожив нескольких дней до своего 37-летия, Гоголь — не дожив нескольких недель до своего 43-летия. Оба они имели слабое здоровье, которое смолodu дало о себе знать. Белинский часто болел еще в юности, что во многом было связано с нуждой, плохим жильем, скудным питанием, одеждой не по сезону. Позже это привело к чахотке. Подобно гоголевскому Башмачкину, он хорошо знал, как это ходить морозной зимой в тонкой прохудившейся шинели. 20-летний Белинский — студент Московского университета сокрушался в письме родителям: “Я весь обносился; шинелишка развалилась, и мне нечем защититься от холода, а новой никогда не дадут. (...) Мне непременно нужно запастись каким-нибудь сюртучишком и прочим, принадлежащим к нему пла-

тьем”. В таком же духе и 21-летний Гоголь, будущий автор “Шинели”, недавно поселившийся в Петербурге, жаловался матери на недостаток средств для защиты от сурового петербургского мороза: “До сих пор я не в состоянии был сделать нового, не только фрака, но даже теплого плаща, необходимого для зимы. Хорошо еще, я немного привык к морозу и отхватав всю зиму в летней шинели”. Гоголь чувствовал слабость своего здоровья тоже еще в юности.

Жизнь и того, и другого как бы оборвалась на полуслове. Так и не создан был второй том “Мертвых душ” – таким, каким его хотел видеть автор (иначе он не сжег бы рукопись этой книги в конце жизни). Так и не был осуществлен грандиозный замысел Белинского, о котором он упоминал в статьях и письмах, – большие циклы статей о Лермонтове и Гоголе, подобные циклу статей о Пушкине. В то время, когда Белинский освободился от своей “журнальной каторги” (забиравшего огромное количество его времени и сил сотрудничества с “Отечественными записками”) и стало возможным осуществление этого плана, Виссарион Григорьевич уже был безнадежно болен – ему просто не хватило для этого времени жизни.

Было много общего и в них как в личностях, в их человеческой природе. Это, прежде всего, искренность, распахнутость. Правда, с одной существенной разницей. У Белинского это свойство проявлялось во всем: его характере, взаимоотношениях с людьми, стиле его статей. У Гоголя, который в своей частной жизни был, наоборот, довольно сдержанным и даже порой скрытным, тем не менее родственное Белинскому свойство в полной мере проявилось в его творчестве. Гоголь-художник, жадно вбирающий впечатления на своем пути и умеющий как никто до него откровенно рассказать о жизни, о человеке (в том числе на основе исследования своей души), был предельно искренним и в восприятии жизни, и в изображении ее в своих произведениях.

Еще одна, не менее яркая черта, которая была свойственна и Гоголю, и Белинскому, – самоотверженность в служении российской словесности. Возможно, это общее качество больше всего объединяло, сближало внутренне этих не близких в обыденной жизни людей. Каждый из них, по-видимому, представлял себе, что без такой самоотверженности ни тот, ни другой не могли бы достичь в своем творчестве такого уровня и стать каждый открытием: Гоголь – как “отец натуральной школы”, Белинский – как основоположник русской критики.

Гоголь в довольно юном возрасте понял, что его делом, которому он должен посвятить себя, является литературное творчество. И с годами всё больше он связывал свою жизнь с выполнением порученного ему свыше (как он считал) дела – созданием его главной книги, “Мертвых душ”. Характерны слова, сказанные Гоголем в беседе с провинциальными актерами в 1851 году: “Искусство требует всего человека. Живописец, музыкант, писатель, актер – должны вполне, безраздельно отдаваться искусству, чтобы значить в нем что-нибудь”. Его собственная жизнь вполне соответствовала этому правилу, и во многом обстоятельства жизни Гоголя определялись таким самоотверженным, рыцарским служением своему делу. Еще с довольно молодых лет он почувствовал, что готов отречься от личного, семейного счастья, будучи призванным служить искусству, и, подобно монаху, остаться навсегда в одиночестве, причем не только вдали от семейного счастья, но и вообще от “внешней”, суетной жизни. В одном из писем 27-летний Гоголь замечал: “Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живет он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом”. Состояние души Гоголя, его настроение и даже самочувствие всецело зависели от того, насколько успешно и плодотворно идет работа над его очередным произведением. Если работа не клеилась или ее результат автора не устраивал, это повергало Гоголя в тяжелое состояние – и не только по настроению, но порой и по физическому самочувствию.

С некоторой внутренней отрешенностью от мира ради сосредоточенности на своем деле связано во многом и его одиночество в личной жизни. Он так и не создал свою семью, не женился, возможно, опасаясь, что страсть к женщине и семейные заботы будут препятствовать выполнению главной задачи его жизни. Еще в юности он осознал “опасность” таких увлечений для себя: “Это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение. Я бы не нашел себе в прошедшем наслажденья, я силен бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия, и потому-то к спасенью моему у меня есть

твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть”. И в поздний период своей жизни 40-летний Гоголь, переживающий свое несчастливое увлечение А. М. Виельгорской, брак с которой был невозможен, вполне смиренно воспринимает свою личную драму, трезво понимая, что это не его участь. В письме матери в 1849 году он констатировал: “Ни я не женился, ни сестры мои не вступили в брак, стало быть, меньше забот и хлопот. И в этом великая милость Божия”. Гоголь так и не обрел за всю жизнь своего угла и жил, как путник, перевоза с места на место свое имущество — чемодан с личными вещами и портфель с рукописями.

Белинский столь же самоотверженно относился к своему литературному творчеству — как к служению: “Я литератор — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь”; “Я могу работать, стало быть, могу жить”. С этим его высказыванием перекинутся гоголевские признания: “Работа — моя жизнь. Не работается — не живется, хоть покуда это и не видно другим”, “Не писать для меня совершенно значило то же, что не жить”. И тот и другой воспринимали свою деятельность как нечто высшее. “Я ощущу в себе присутствие Божие, мое маленькое я исчезнет”, — говорил Белинский о моментах своего творческого вдохновения. “Быть апостолами просвещения — вот наше назначение”, — писал он в одном из писем. В том же духе говорил и Гоголь о своем творчестве — как об особом предназначении: “Ныне я чувствую, что не земная воля направляет путь мой”, “Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом”.

Белинский, по существу своего характера, тоже был, подобно Гоголю, в мире скорее отшельник — при всей расположенности к нему его друзей, при многочисленных его связях в литературной среде. “Как попрестальнее и поглубже всмотришься в жизнь, то поймешь и монашество, и схиму”, — писал он в 1841 году. Так же, как и Гоголь, он признавал: “Всякая попытка любить для меня — ад”, “Мне заперты все пути к человеческому счастью”. Хотя Белинский, в отличие от Гоголя, женился, но произошло это лишь за несколько лет до его смерти. Причем его сущность “отшельника”, неустроенного в бытовой сфере, и тут проявилась. По-видимому, он так и не обрел в семейной жизни полной душевной гармонии, как бы подтверждая свои слова, сказанные незадолго до женитьбы в 1843 году: “Я человек не от мира сего. И потому вполне убедился, что для меня не может быть никакого счастья и что в самом счастье для меня было бы одно несчастье”.

Самоотверженность в служении своему делу, следовании своему призванию — одна из самых отличительных черт и Белинского, и Гоголя. Закономерно, что это не способствовало их материальному благополучию. Белинский прекрасно понимал, что он вполне мог бы жить безбедно, если бы поставил себе цель извлекать из своего таланта выгоду: “Моя забота — что-нибудь делать, быть полезным членом общества. А я делаю, что могу. Я много принес жертв этой потребности делать. Для нее я хожу в рубище, терплю нужду, тогда как всегда в моей возможности иметь десять тысяч годового дохода с моей деревни — неумолимого пера”. Белинский никогда не шел по пути получения “дохода”. Писать не то, что думаешь, а то, что выгодно, изменяя себе и кривя душой, — это для него было исключено, как бы ни складывались обстоятельства его жизни, и порой это ставило его просто на грань нищеты.

Таким же бескомпромиссным отношением к своему долгу художника отличался и Гоголь. Всю его писательскую жизнь сопровождали многочисленные “соблазны”. Издатели советовали ему продолжать выпускать все новые и новые малороссийские повести в духе “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, видя успех этой книги. Гоголь от этого отказался. После выхода “Мертвых душ” Гоголю предлагали выпустить эту книгу с иллюстрациями, но он отверг и это предложение. Отрицательно он отнесся и к попыткам ставить “Мертвые души” на сцене. Все эти выгодные возможности могли бы улучшить материальное положение Гоголя, который зачастую испытывал нужду. Однако ни на какие компромиссы он не шел. Не соглашался он и печатать недостаточно совершенные, по его мнению, произведения. Например, так ожидавшийся всей читающей публикой второй том “Мертвых душ” он сжег в 1845 году, затем написал новый вариант и сжег его в 1852 году. Еще в молодости Гоголь четко определил свою позицию: “Я вижу только грозное и правдивое потомство, преследующее меня неотразимым вопросом: “Где же то дело, по которому

можно было бы судить о тебе?” И чтобы приготовить ответ ему, я готов осудить себя на всё, на нищенскую и скитающуюся жизнь, на глубокое, непреодолимое уединение, которое отныне я ношу с собою везде”.

Несомненно, общей чертой Белинского и Гоголя была способность к стремительному развитию и к существенным переменам в творческой жизни: у Белинского – в идейной сфере, у Гоголя – в художественной. Им обоим был отведен судьбой довольно краткий период активной творческой жизни, сопровождавшейся публикацией их сочинений в печати: Белинскому – около 15 лет (с первой значительной работы “Литературные мечтания” до последней – “Русская литература в 1847 году”), Гоголю – немногим более 15 лет (с “Вечеров на хуторе близ Диканьки” до “Выбранных мест”, опубликованных в начале 1847 года). И за такое короткое время и тем, и другим был пройден огромный путь. И тот, и другой каждый в своей сфере стали властителями дум своего поколения, да во многом и будущих поколений. Причем в обоих случаях развитие было настолько стремительным, что порой не только публика, но и близкое окружение и того, и другого автора поражалось совершающимся переменам. Белинский в своем идейном развитии нередко отказывался, отталкивался от вчерашних идей как от пройденных этапов, чтобы тем более полно и страстно увлечься новой идеей.

Таким в определенной степени был и творческий путь Гоголя. Он также нередко охладевал к своим старым произведениям, работая над новыми. Для него это тоже были пройденные этапы, и, отталкиваясь от них, он полностью предавался новым замыслам. Это проявилось с самого начала его творческого пути. Гоголь “Вечеров” – совсем другой, чем в поэме “Ганц Кюхельгартен”. Но несмотря на яркий успех повестей из малороссийской жизни, он отказывается дальше писать в том же духе. И вскоре Гоголь опять уже другой: не “сказочник”, а реалист – в повестях сборников “Арабески” и “Миргород” и в пьесе “Ревизор”. А через несколько лет после публикации “Мертвых душ” Гоголь предстал снова другим – в книге “Выбранные места из переписки с друзьями”. При этом Гоголь как бы “отодвинул” на второй план свою роль художника и даже оттолкнулся от нее, чтобы всецело посвятить себя другому своему призванию – христианина, духовного учителя, для которого главное – не сочинительство, а проповедь. Спустя немного времени, столкнувшись с жесткой критикой этой книги, Гоголь снова сделал резкий поворот, отказавшись от роли проповедника, во всяком случае – в таком прямолинейном варианте, как в “Выбранных местах”, и вернулся к работе над вторым томом “Мертвых душ”.

Таким образом, творческая биография Гоголя была не менее изменчивой и щедрой на крутые повороты, чем идейный путь Белинского. В этом есть глубокое сходство, созвучие их личностей, их талантов. Оба они, ускоренно развиваясь, стремились увидеть и осмыслить жизнь с разных сторон, с разных точек зрения, как будто следуя совету самого же Гоголя “обращать на все стороны предмет и открывать возможности всякого дела”. При этом на каждом этапе как Белинскому, так и Гоголю необходимо было оттолкнуться от прошлого периода, как бы покончить с ним, чтобы полнее предаться новому этапу развития. Оба они обращали особое внимание на способность человека к развитию, к внутренней жизни, к духовному пути. Белинский подчеркивал: “Я больше всего ценю в людях эластичность души, способность ее к движению вперед. Вот беда, когда эта божественная способность утрачена”. Гоголь очень дорожил своей способностью идти по жизни духовным путем, не увлекаясь внешними явлениями и видя “сквозь всё одну пристань и берег – Бога”, и, таким образом, идти к истине: “В конце дороги этой Бог; а Бог есть весь истина”.

При способности к стремительному внутреннему развитию и у Гоголя и у Белинского были неизменные всю жизнь ценности, обусловившие постоянное направление этого развития. Такое главное направление создавало в том и другом случае неколебимую основу, на которой происходили более поверхностные изменения, не затрагивающие глубинного уровня. Такой неколебимой основой у Гоголя была христианская вера, а у Белинского – неизменная всю жизнь, всепоглощающая любовь к человеку, уважение к личности. Все идейные перемены, произошедшие с Белинским, несколько не затронули этой его главной мысли, главной идеи – о счастье человека, о таком устройстве общества, которое способствовало бы, а не препятствовало

счастью личности в нем. В сущности, это было истовое следование одной из основных христианских заповедей — любви к ближнему.

Будучи сами в высшей степени способными к внутреннему, духовному развитию, они оба высоко ценили это качество в других. Более того, они вели порой весьма долгие и подробные эпистолярные беседы с близкими людьми, стремясь помочь им в таком развитии. Особенно много у Гоголя таких писем, которые порой превращались в христианскую проповедь. Нередко и у Белинского встречаются послания поучительного свойства, как правило, не связанные с религиозными мотивами. Но иногда его поучения имеют и религиозную основу, в них встречаются упоминания о Христе, Евангелии. И Белинский, и Гоголь могли высказывать жесткие нелицеприятные упреки в письмах близким людям, чтобы обратить их внимание на их недостатки, слабости, пороки и способствовать их духовному росту.

Еще одно примечательное сходство в личностных свойствах Белинского и Гоголя — своего рода фатализм, признание господствующей воли свыше над своей судьбой и вообще участью человека на земле. Для Белинского это фатум: “В жизни человека есть фатум, и простые люди справедливы, боясь суеверно идти против судьбы”. Для Гоголя — воля Бога: “Богу угодно — и я сей же час мертв в своей комнате, не пускаясь ни в какую опасную дорогу, Богу угодно — и я невредим среди всех ужасов”.

Стоическое отношение к жизни со всеми ее каверзами и препятствиями и готовность всё преодолеть ради чего-то большего, ради высшей цели — эта общая и немаловажная черта характеров Гоголя и Белинского проявилась еще в самом начале творческого пути каждого. Для 20-летнего Гоголя большим потрясением стала неудача “Ганца Кюхельгартена”, а для 20-летнего Белинского — история с его драмой “Дмитрий Калинин”. За это произведение, антикрепостническое по духу, университетское начальство пригрозило отправить его в Сибирь и потом искало повод исключить его из университета, что в конце концов и произошло. Интересно, что в ответ на удары судьбы у них возникает одна и та же реакция. Одни и те же чувства и мысли высказывают они (почти одними и теми же словами), пережив период неудач и испытаний. В письме 22-летнего Белинского звучит не только стоическая твердость, но и философская умудренность: “Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы — чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере не дадут мне погибнуть. Не только не жалуясь на мои несчастия, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня”. В том же духе (и почти теми же словами) написано и письмо Гоголя, тоже почти 22-летнего: “Как благодарю я вышнюю десницу за те неприятности и неудачи, которые довелось испытать мне. Ни на какие драгоценности в мире не променял бы их. (...) Зато какая теперь тишина в моем сердце! Какая неуклонная твердость и мужество в душе моей!”. Удивительны эти моменты психологического схождения, внутреннего созвучия людей, знакомых при жизни совсем не близко, а уж в конце их жизни вообще оказавшихся как бы “по разные стороны баррикад”.

А вот другой пример такого внутреннего созвучия, хотя и противоположный по настроению. В тяжелый, может быть, самый тяжелый период своей судьбы, и творческой, и человеческой, — после громкого провала книги “Выбренные места из переписки с друзьями”, Гоголь писал Белинскому в 1847 году (в ответ на его гневное “зальцбрунское” послание): “Душа моя изнемогла, все во мне потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не был бы нанесено поражения еще прежде, чем получил я ваше письмо”. За девять лет до того Белинский почти точно такими же словами выразил в письме другу Н. В. Станкевичу свою душевную боль, связанную с переходным, кризисным моментом своей жизни: “Я (...) во всё это время находился в ужасных внутренних переделках, в мучительных процессах выхода из детства в мужество, со всеми переругался, был истерзан, исколеван так, что на душе моей не осталось ни одной целой струны, ни одного здорового места”.

Приведенные цитаты показывают важное сочетание свойств, общее для Гоголя и Белинского, — сочетание тонкой душевной организации, способности к утонченному чувству и в то же время незаурядной силы характера, без которой не могли бы состояться их творческие судьбы.

Как Белинский, так и Гоголь были не только литераторами, но и философами, то есть стремились осмыслить действительность и постичь смысл всего происходящего (не только в произведениях, но и в письмах). Это придавало особую глубину и масштабность литературно-критическому творчеству Белинского и духовному творчеству Гоголя. При этом Белинский зачастую основывался или отталкивался от научно-философских идей, но в истоках его мировоззрения всё же было христианство. У Гоголя же его взгляд на мир имел прочное и однородное религиозное основание. Разность их путей не мешает глубинному созвучию в их философских размышлениях о смысле жизни человека. Вот пример из их писем позднего периода, когда, казалось бы, их идейные позиции были далеки друг от друга. В 1847 году Белинский писал: «Совершенство есть идея абстрактного трансцендентализма, и потому оно – подлейшая вещь в мире. Человек смертен, подвержен болезни, голоду, должен отстаивать с бою жизнь свою – это его несовершенство, но им-то и велик он, им-то и мила и дорога ему жизнь его. Застрахуй его от смерти, болезни, случая, горя – и он – турецкий паша, скучающий в ленивом блаженстве, хуже – он превратится в скота». «Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем, забудем, что есть на земле страданья, несчастья. Заплывет телом душа – и Бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней», – писал Гоголь в 1849 году.

Белинский и Гоголь – натуры, безусловно, цельные в своем творческом развитии и целеустремленные. Но они в то же время были натурами сложными и в чем-то двойственными. Известно гоголевское: «Видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы». И в жизни Белинского была своя двойственность: «Моя жизнь сама апатия, зевота, лень, стоячее болото, но на дне этого болота пылает огненное море» (из письма В. П. Боткину 1841 года). Известно, что Гоголь был человеком скрытным, не стремящимся открывать свои эмоции. Однако и Белинский, при всей «неистовости» его натуры, имел подобно Гоголю свое «второе дно». Он мог со стороны казаться порой и стеснительным, и неловким, диковатым и даже, как сам он признался, мог быть подвержен апатии, а под этим видимым слоем горел «огонь», который только порой вырывался наружу по каким-то важным поводам и, конечно, в его «огненном» слове в его статьях.

Возможно, эта двойственность, свойственная и тому, и другому, нашла выражение в том, что было у них нечто сходное в общем взгляде на жизнь, восприятии жизни. В этом взгляде (как видно из художественных текстов Гоголя и из статей и писем Белинского) – как будто постоянно подстерегающее сомнение, что выражается то в юморе, то в сарказме. Не то чтобы тексты Гоголя и Белинского сплошь состояли из острот, но юмористический, иронический, саркастический взгляд на какой-либо предмет легко возникал в любой момент, как будто всегда был наготове. Гоголь замечал в «Невском проспекте»: «Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!». Эта мысль встречается и в его письмах: «Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле». Эта цитата могла бы быть эпиграфом ко многим произведениям Гоголя, показывающим действительность с другой стороны – не с той, с которой она представляется на первый взгляд. Таким же был и пафос творчества Белинского – открыть, показать публике настоящую искусство, созданное на основе художественного образа, истинную поэзию, выражающую дух народа, дух эпохи, и в то же время выявить ложное, наносное – фальшивую, пустую красоту, не связанную с художественным содержанием, и напускную народность, выражающуюся лишь в каких-либо внешних приметах, отделить риторические сочинения от истинно художественных созданий, сотворенных по вдохновению свыше. Такое впечатление, что и Белинским постоянно владело ощущение (осознанное или неосознанное), что «всё не то, чем кажется». Возможно, потому таким стремительным было его идейное развитие, что постоянные сомнения и поиск истины были для него столь естественными. И это всегда двигало его к новым этапам развития.

О некой общности, родственности взглядов на жизнь Белинского и Гоголя красноречиво говорит множество гоголевских цитат, рассыпанных повсеместно в переписке Белинского. По замечанию П. В. Анненкова, Белинский «пропитался» Гоголем настолько, что «беспрестанно цитировал разные лако-

нически-юмористические фразы, столь обильные в его творениях”. Характерные гоголевские слова, образы органически вплетаются в ткань писем Белинского, становясь естественным продолжением и как бы украшением рассуждений Белинского на самые разнообразные темы.

“Созвучие” душ двух классиков в сфере “высоких материй”, в области внутренней жизни логично продолжалось и в некоторых внешних, бытовых аспектах, хотя и служивших, наверно, отражением свойств глубоких и существенных. В обыденной жизни оба они отнюдь не были “светскими” людьми с безупречными манерами. Об их странном поведении в некоторых ситуациях, об их неловкости в светском общении мемуаристами написано много. Оба несколько стеснялись некрасивости своего лица. Их внешность и манеры порой окружающим казались странными, если не комичными. Людей малознакомых, видевших Гоголя или Белинского впервые, мог поражать контраст: могучие таланты, оказывавшие своими произведениями огромное влияние на современников, они в жизни вовсе не были людьми богатырских сил, не имели солидного, важного вида, а наоборот, удивляли иногда нелепостью своего поведения.

И. С. Тургенев, учившийся в Петербургском университете, когда там преподавал Гоголь, вспоминал: “Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории — и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор “Вечеров на хуторе близ Диканьки””.

Подобное же диковинное впечатление производил и Белинский на малознакомых людей: “Кто видел его только на улице, когда в теплом картузе, старой енотовой шубенке и стоптанных калошах он торопливо и неровной походкой пробирался вдоль стен и с пугливой суровостью, свойственной нервическим людям, озирался вокруг, — тот не мог составить себе верного о нем понятия. (...) Между чужими людьми, на улице, Белинский легко робел и терялся” (по воспоминаниям И. С. Тургенева).

Пристрастие Гоголя к щегольской одежде иногда делало его облик нелепым: некоторые вещи в его одеянии выделялись яркой модной расцветкой, например, жилеты, а другие — были, наоборот, старыми и поношенными. Как-то, не имея фрака, он загнул углы сюртука и в таком виде пошел на светский прием, куда необходимо было приходиться только во фраках. Будучи в гостях у П. Я. Чаадаева, Гоголь удалился от общества в дальний уголок и весь вечер дремал на диване.

Для Белинского посещение великосветских салонов также не было органичной частью его жизни. “Он являлся иногда на литературно-дипломатические вечера князя Одоевского, — писал А. И. Герцен. — Белинский был совершенно потерян на этих вечерах между каким-нибудь саксонским посланником, не понимавшим ни слова по-русски, и каким-нибудь чиновником III Отделения, понимавшим даже те слова, которые умалчивались. Он обыкновенно занемогал потом на два, на три дня и проклинал того, кто уговорил его ехать”.

Однако и Белинский, и Гоголь в моменты вдохновения могли своим красноречием завораживать слушателей. Такой, например, была одна из лекций Гоголя в Петербургском университете, которую пришли послушать Пушкин и Жуковский. Незабываемое впечатление производило артистичное, мастерское чтение Гоголем своих произведений. Пламенным оратором становился Белинский, когда дело касалось его убеждений, отстаивания истины. “В этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура, — писал А. И. Герцен, — да, это был сильный боец! (...) Когда касались до его дорогих убеждений, (...) он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким, и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль”.

Характерная черта и Белинского, и Гоголя — резкий контраст между их общением с близкими и посторонними людьми. Оба они могли быть очень душевными и просто осчастливливать своим общением людей в близком кругу —

в непринужденной обстановке, но в присутствии посторонних лиц сразу замыкались, уходили в себя. “Вообще Белинский не терпел разнородного, малознакомого и большого общества, – вспоминал И. И. Панаев. – Он даже, бывало, при появлении в нашем обычном кружке какого-нибудь незнакомого лица изменялся мгновенно, впадал в дурное расположение духа и переставал говорить”.

Точно такую же особенность поведения подмечали и у Гоголя его современники. Характерный случай описан М. А. Щепкиным, внуком великого актера М. С. Щепкина, у которого нередко гостил Гоголь: “Когда сошлись все к вечернему чаю, Гоголь вошел с М. С. в столовую под руку, о чем-то тихо разговаривая. (...) Подойдя к столу, Гоголь быстро окинул всех взглядом и, заметя новое лицо, нервно взял чашку с чаем и сел в дальний угол столовой и весь как будто съежился. Лицо его приняло угрюмое и злое выражение, и во все время чаепития присидел он молча, а за ужином объявил, что рано утром на другой день ему надо ехать в Москву по делам. Так и не состоялось чтение его новых произведений, о чем сердечно горевал Михаил Семенович и все остальные члены семьи”.

Однако и Гоголь, и Белинский, прекрасно осознавая свою некоторую неловкость во внешней, бытовой жизни и, по-видимому, страдая от этого, всё же никогда не придавали этой внешней сфере важного значения. Ведь их видимая неловкость происходила от избытка внутренней жизни, внутреннего содержания, поэтому им порой явно тесны были жесткие рамки “светских приличий”, и вообще сфера этого поверхностного “блеска”, внешнего преуспевания была им чужда. Поэтому оба они и не стремились достичь успеха в чуждой им области. Например, будучи непрacticalными и сознавая это, они и не стремились к материальному благополучию, видя, что это противоречит их принципам, их главному предназначению в жизни, и что это потребовало бы не приемлемых для них компромиссов.

Словом, будучи, что называется, “не от мира сего”, они оба смиренно несли свой крест – крест бедности, бытовой неустроенности, при том что оба они были прославленными литераторами, имеющими огромное влияние на читающую Россию. Гоголь писал в неотправленном письме Белинскому: “Есть прелесть в бедности. (...) У меня нет даже угла, и я стараюсь только о том, как бы еще облегчить мой небольшой походный чемодан, чтоб легче было расставаться с [миром]”. Впрочем, эти слова о бедности адресовались к столь же бедному человеку. Также как Гоголь, Белинский был и беден, и непрактичен: уже будучи широко известным литератором, никогда не умел выгодно договариваться с хозяевами журналов, с которыми он сотрудничал. За огромную работу, которая истощала его физические и душевные силы, он получал весьма скромное вознаграждение. “Всякий дрянной фельетонист, с некоторым практическим тактом, был гораздо обеспеченнее Белинского, живя только одним своим ремеслом, – замечал И. И. Панаев. – Когда речь заходила о плате за труд, он приходил в крайнее смущение, весь вспыхивал и сейчас же соглашался на всякие предложения, самые невыгодные для себя”. Жизнь Белинского закончилась буквально в нищете. После смерти Гоголя у него из имущества оказались в основном только книги и старые вещи из одежды.

Еще одна общая особенность их личностей и судеб. Оба они, при их интенсивной духовной и творческой жизни, как бы “сгорали” каждый от своего внутреннего огня. “Ничего не было для него важнее и выше дела, за которое он стоял, мысли, которую он защищал и проводил; (...) тут он всем готов был жертвовать”, – писал о Белинском И. С. Тургенев. “В нем клопочут самые животрепещущие общечеловеческие вопросы. Он преждевременно истлеет от внутреннего огня, который постоянно должен тушить в себе”, – говорил о “неистовом Виссарионе” М. А. Бакунин. Характеризуя личность и судьбу Белинского, В. Г. Короленко отмечал как главную особенность “пламенное сгорание нервов среди окружающей тьмы, которого и одного достаточно для объяснения, “почему он так скоро сгорел”.

В Гоголе то же самое свойство внутреннего горения с виду не так бросалось в глаза, а больше таилось внутри. Но сущность их натур, их жизни была одна – невозможно было просто существовать, не совершая постоянно творческого подвига. Поэтому их ранний уход, их быстрое сгорание стало хоть и трагическим, но логическим следствием этого свойства. Характерно при-

знание Гоголя, говорящее о внутреннем творческом огне как одновременно о созидательной и разрушающей силе. Ф. В. Чижов вспоминал о своей встрече с ним в 1849 году: “Видно было, что он страдал. (...) “У меня все расстроено внутри, — сказал он. — Я, например, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся; тотчас же воображение за это ухватится, начнет развиваться — и все в самых страшных призраках. Они до того меня мучат, что не дают мне спать и совершенно истощают мои силы”. Гоголь, как и Белинский, был сжигаем внутренним огнем, хотя и таившимся глубоко внутри и, как правило, скрытым от окружающих. Только его ранняя, загадочная, казавшаяся беспричинной смерть стала совершенно явным (и неожиданным для многих) свидетельством его полного сгорания от собственного внутреннего пламени. Да еще его странные слова о своей старости: “Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость?..”; “Впрочем, и то сказать: надобно знать честь. Мы с тобой, слава Богу, перешли сорок лет...”; “Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты?” (из писем 1849–1850 годов).

В конце своей недолгой жизни (почти 37-летней — у Белинского, почти 43-летней — у Гоголя) каждый из них чувствовал себя уже чуть ли не стариком, во всяком случае слишком рано состарившимся. Белинский, хотя даже не достиг 40-летнего рубежа, но тоже успел ощутить “старость” — ослабление физических сил при бешуемом по-прежнему внутреннем огне. “Я едва узнал Белинского. В длинном сюртуке, в картузе с прямыми козырьком и с толстой палкой в руке — передо мной стоял старик”, — вспоминал П. В. Анненков о своей встрече с Белинским, приехавшим на лечение за границу летом 1847 года.

И чисто внешние, “бытовые” моменты в облике Белинского и Гоголя, и более глубокие черты сходства их судеб свидетельствуют о самом существенном в личности того и другого. Их неприкаянность во внешней жизни, их незащищенность перед собственным “внутренним огнем” — это оборотная сторона их погруженности в свое призвание, масштабности и неповторимой оригинальности их личностей, силы их талантов.

И Гоголь, и Белинский оба имели огромное влияние на современников. И это один из основных аспектов сходства их творческих личностей и биографий. Наверное, никакой другой писатель в России не имел такого влияния на современную ему публику именно как художник — то есть самим художественным миром своих творений, их стилем, языком, образным строем. И уж точно никакой критик в истории России не владел умами читателей в такой степени, как Белинский. Об этом свидетельствовали многие современники. Вот как вспоминал атмосферу 30–40-х годов XIX века. В. В. Стасов: “Тогдашний восторг от Гоголя — ни с чем несравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще неизвестный никому юмор — всё это действовало просто опьяняющим образом. С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. (...) Белинский же был — решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский, со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил рукою силача патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники”. И. А. Гончаров сравнивал роль Белинского в литературе с тем, что было сделано Гоголем: “Ему, как какому-то апостолу отрицания, пришлось разыграть в сфере критики и публицистики то же самое, что, другими способами и приемами, разыграл в искусстве Гоголь”.

Их роли в истории русской литературы похожи, и в личностях их много общего, а “Выбранные места” и “зальцбрунское” письмо Белинского стали, наверное, главными документами своего времени, выразившими в максимальной степени боль и надежду современного им общества. Не случайно в истории русской литературы их имена (каковы бы ни были перипетии их взаимоотношений) объединены в чем-то более важном, чем разделившие их

разногласия, как в стихах Н. А. Некрасова: “Эх! эх! придет ли времечко (...) // Когда мужик не Блюхера // И не милорда глупого — // Белинско-го и Гоголя // С базара понесет?”.

Рассмотрев моменты сходства, говорящие о глубоком внутреннем созвучии, родстве этих двух натур, следует отметить в них и черты противоположные. Например, Белинский был по преимуществу человеком открытым в общении, во всяком случае, в кругу своих друзей и близких знакомых. “Верьте моей искренности: я не умею притворяться”, “Я не умею говорить вполголоса, не умею хитрить: это не в моей натуре”, “Я всегда и весь наружу — такова моя натура”, — замечал он в письмах. Он предпочитал прямо, откровенно высказывать свое мнение, не боясь противоречий, конфликтов. Такая прямота помогала ему сохранять дружеские отношения с людьми, разными по взглядам и характерам. Он не замалчивал противоречия, не загонял конфликты вглубь, не таил обиды. Выяснению отношений он посвящал порой длинные письма. Многие друзья не обижались и не сердились на его прямоту, и нередко это спасало их отношения от разрыва.

Гоголь же столь открытым человеком в общении не был, даже с близкими людьми. Например, он считал, что не нужно обнаруживать своего настроения ни перед кем. Идя в общество, не нужно “тащить за собой свою тоску”, а нужно “стараться хоть насколько быть безмятежным, как дети”. Гоголя скорее даже можно назвать скрытным человеком. Он не любил рассказывать не только о своих чувствах и настроениях, но и о своих планах и намерениях, полагая, что другим людям не нужно знать все подробности его жизни. Еще в юности Гоголь признавался: “Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубину души моей”. В дальнейшем скрытность и таинственность Николая Васильевича стали уже легендарными.

Что касается конфликтов, споров, то хотя они и случались в жизни Гоголя, но ему все-таки было свойственно скорее избегать их, чем открыто разрешать. Скорее, его любимой мыслью было примирение. Гоголь даже считал, что в России должен быть человек, примиряющий всех — людей разных взглядов, убеждений, слоев общества. Более того, он хотел бы сам быть таким человеком, о чем написал в “Авторской исповеди”. Он также считал, что разногласия, недоразумения между людьми закономерны, потому что у каждого своя дорога в соответствии со своими способностями и наклонностями, поэтому разные люди видят разные пути к общественному благу: “Мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, пока еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. (...) У всякого лежит какая-нибудь правда”.

С этими размышлениями Гоголя перекликаются мысли Белинского: “Полная и совершенная истина не есть удел человека (исключение остается за одним, но то не человек, а Богочеловек)”. Впрочем, и у Белинского было понимание некоторой суеветности и бесполезности споров, потому что и он при всей своей “неистовости” тоже считал, что споры не нужны, во всяком случае, журнальные: “Все споры смешны. Возразите на чужое мнение, да и замолчите”; “Я положил себе за правило — никогда и ни с кем не спорить о моих статьях, защищая их”. Но, по-видимому, это относилось к тем, чьи позиции были от него безнадежно далеки. О спорах же с друзьями он писал как о чем-то важном и полезном: “Тяжело быть среди людей, которые или во всем соглашались с тобою, или если противоречат, то не доказательствами, а чувствами и инстинктом, — и отрадно встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры”.

Что же касается роли примирителя, то по поводу одного литератора, имевшего бесконфликтный характер, Белинский заметил: “Он примиритель. (...) Ему хотелось бы всех нас свести и помирить. Он не понимает антипатии убеждений и натур. Поэтому роль его жалка: обе крайние стороны смотрят на него, как на половину своего, а в сущности ничьего”. Но при этом Белинский имел в виду прежде всего роль этого человека как сотрудника журнала. Что же касается человеческих отношений, то к Белинскому как раз тянулись многие люди, даже те, кто между собой конфликтовал, и, значит, на деле он сам своей личностью их как бы “примирял” друг с другом. “Я, в этом отношении, в сорочке родился: многие люди различно, а иногда и противоположно, враждебно даже, относящиеся друг к другу, ко мне отно-

сятся почти одинаково, — писал Белинский. — Может быть, тут не одно счастье, а есть немножко и заслуги с моей стороны; а эта заслуга, по моему мнению, заключается в моей открытости и прямоте”.

Белинский не боялся конфликтов: “Я рожден, чтобы называть вещи их настоящими именами; “я в мире боец...”. И за то меня искренно любят человек десять и ненавидят сотни людей”. Гоголь, наоборот, избегал конфликтов. Однако это не означает, что жизнь его складывалась ровно и гладко и его окружало лишь восхищение поклонников. Не было и у него такой идиллии: как и Белинского, его многие любили, но были и те, кто ненавидел. Уезжая надолго за границу после постановки “Ревизора” в 1836 году, Гоголь писал: “Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него”; “Гордость, которую знают только поэты, которая росла со мною в колыбели, наконец не вынесла. О, какое презренное, какое низкое состояние... дыбом волос подымается. Люди, рожденные для оплеухи, для сводничества... и перед этими людьми... мимо, мимо их!”. Вскоре, приступая к созданию “Мертвых душ”, он отметил: “Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками”.

Самое существенное различие в натурах Белинского и Гоголя — это, наверное, отношение к религии, вере, церкви. Это различие со временем только возрастало, во многом тайно, потому что духовный путь Гоголя долгое время проходил скрыто от общества, хорошо знавшего и любившего его как художника. Гоголя-христианина, искренне верующего и даже стремящегося осуществлять христианскую проповедь, знало только его близкое окружение. Когда эта тайная (для многих) сторона его жизни стала явной для всех после выхода “Выбранных мест”, оказалось, что расхождение между Гоголем и Белинским в этой области разрослось до катастрофических (для их взаимоотношений) размеров и превратилось в тот момент буквально в пропасть. Это, конечно, больно ранило Белинского, столь любившего Гоголя и ценившего его доброе отношение к себе. Возможно, непосредственное ощущение Белинским этой пропасти подспудно, подсознательно выразилось в известных словах из его гневного письма к Гоголю: “Взгляните себе под ноги: ведь вы стоите над бездною...”. Как представляется, не только возмущение идеями Гоголя вызвало этот гневный отклик, но и эмоциональное впечатление от действительно разверзшейся между ними пропасти непонимания. Тем более что говорить о “бездне” в том смысле, какой имел в виду Белинский, наверное, не приходится. То, что Белинскому, скептически относившемуся к возможностям религии повлиять на общество, могло показаться “падением” Гоголя, было просто очередным шагом на пути Гоголя-христианина, по существу, представлявшим собой проповедь. Таким образом, самое большое несходство в натурах Белинского и Гоголя привело к самому, наверное, “громкому” конфликту в истории русской литературы.

Почему люди, имевшие так много общего в своих качествах человеческих и творческих, оказались так далеки друг от друга в отношении к религии (Гоголь был уверен, что она способна преобразить общество, Белинский отрицал это)? Конечно, исчерпывающего ответа на этот вопрос быть не может — не всё объясняется внешними обстоятельствами. Но многое становится ясно, если сравнить условия, в которых формировалась личность того и другого в самом начале жизни.

Гоголя с детства в семье окружали искренне верующие люди. Они не просто ходили в церковь, молились и крестились, совершали паломничества в монастыри, но, что самое замечательное, сумели и в жизнь воплотить евангельскую заповедь о любви к ближнему. Родители Гоголя сумели создать в семье атмосферу любви. Это проявлялось не только по отношению к детям. В доме всегда гостили какие-нибудь бедные родственники и знакомые, которым давали приют. Одна из сестер Николая Васильевича по его совету лечила крестьян. Религиозность в родительском доме Гоголя была совсем не формальной, она проникала в повседневную жизнь, что во многом сформировало и его личность, его взгляд на мир. Он наглядно увидел на примере своего близкого окружения, что можно не только на словах декларировать христианские заповеди, но и воплощать их в жизнь, во всяком случае, искренне стараться идти по этому пути. И во многом под влиянием этих детских впечатлений его собствен-

ная вера тоже была не абстрактной, не оторванной от жизни, а деятельной. Поэтому он и писал так убежденно в “Выбранных местах” о том, что надо “призвать Христа к себе в дома”, что каждому на своем месте нужно руководствоваться Христовым законом и именно таким путем преобразовывать жизнь. Он был убежден, что такой путь не только *должен* быть (как самый лучший: прямой и действенный), но и *может* быть в действительности.

Совершенно другие впечатления в начале жизни повлияли на Белинского. Хотя его родители тоже были люди православные и, с формальной точки зрения, делали то, что должно, — ходили в церковь, совершали обряды. Но, будучи знакомыми с законом Христа теоретически, они не следовали ему практически в своей жизни. И мать, и отец Белинского обладали тяжелым характером, поэтому конфликты в семье были обычным делом, что подтачивало их собственное здоровье и заставляло страдать их детей, особенно старшего сына Виссариона, которому от природы, при всей его вспыльчивости и “неистовости”, были свойственны тонкость и деликатность. Грубость отца и прохладное отношение матери, по-видимому, стали одним из самых тяжелых воспоминаний его детства. При этом родители его, наверное, были в глубине души добрые люди. Но их вспыльчивый, неуживчивый характер и нежелание укротить свои бурные страсти — всё это сделало их семейную жизнь мучительной.

Это, конечно, не единственное обстоятельство в жизни Белинского, основательно повлиявшее на его мировоззрение, но, возможно, самое яркое из тех, которые заставляли его задуматься о несправедливости и пороках людей, сосуществующих в них одновременно с религиозностью. Закономерным следствием этого стало его скептическое отношение к тому, что религия и церковь могут усовершенствовать жизнь и сделать ее более справедливой: он, в отличие от Гоголя, не увидел наглядного, живого воплощения этой идеи. Впрочем, такое скептическое отношение к религии, к церкви не было редкостью в то время: церковь, бывшая своего рода государственным учреждением, в условиях отсутствия свободы совести вызывала критическое отношение далеко не только у Белинского. Однако, критически относясь к церкви и ее роли в обществе, Белинский серьезно и почтительно относился к самой по себе религии и ее значению для духовного развития человека. Для Гоголя же вера, религия, церковь — вещи нераздельные. Он вовсе не идеализировал духовенство, но это не препятствовало благоговейному отношению Гоголя к церкви в целом.

Таким образом, путь к бездне, по краям которой они оказались в последние годы жизни, начался в самом начале их биографий. Однако, говоря об этих существенных расхождениях в их мировоззрении, следует учитывать, что не сами по себе они в данном случае важны и не сами по себе они высказывались в их “споре” — “Выбранных местах” и “зальцбруннском” письме. Это не просто их мысли, их кредо. Это проповедуемый каждым из них путь к преобразованию российской действительности, которая каждому из них представлялась весьма несовершенной, у каждого из них вызывала тревогу и боль. И в этом их взгляды и чувства совпадали.

Выдвигая различные, но не противоположные идеи (Гоголь — духовно-нравственного совершенствования человека и на этой основе общества в целом, Белинский — демократических реформ), они предлагали, по существу, разные пути к одной и той же цели. При этом каждый из них был всецело увлечен своей идеей, что вполне понятно. Они выразили главные идеи, которыми должны руководствоваться все, кто стремится, как и они в свое время стремились, изменить отечественную реальность к лучшему. Сочетание и того, о чем писал Белинский, и того, о чем писал Гоголь, — внешних реформ и внутреннего совершенствования человека и общества — это единственно действенный, благодетельный путь. Помня об исторических событиях, произошедших со времен Гоголя и Белинского, уже невозможно не видеть этого, не понимать насущной необходимости сочетания этих разных, но вовсе не противоположных путей — идущих не в разные стороны, а параллельно к одной цели. И если смотреть из сегодняшнего дня на идеи Гоголя и Белинского, учитывая накопленный с тех пор исторический опыт, то и существовавшая тогда между ними пропасть исчезает. Они уже представляются очень схожими в самом важном качестве: и те, и другие для нас ценны, и те, и другие желательны усвоить, как урок, для собственной же пользы, для движения вперед.

В этом споре проявилось как различие, так и сходство между Белинским и Гоголем – в человеческом и творческом плане. Оба они (Гоголь в “Выбранных местах”, Белинский в “зальцбруннском” письме) выступили со страстной проповедью гуманизма: Гоголь – с христианских позиций, Белинский – с просветительских. Чего тут больше – сходства или различия? И со стороны Гоголя, и со стороны Белинского это был подвиг. На автора “Выбранных мест” ополчилась почти вся читающая публика (а вовсе не только Белинский). Люди разных взглядов и убеждений дружно осуждали его, высмеивали, упрекали, называли сумасшедшим. Попал он в немилость и у властей, так как в этой книге решил всех учить как жить, в том числе и царя. По его мнению, монарх “неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна любовь. (...) Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое – быть образом того на земле, который сам есть любовь”. Кроме того, монарх должен обратиться всех “как бы в собственное тело свое, возболев духом о всех” и передавать всю любовь подданных ее “законному источнику” – Богу. Даже после смерти Гоголя, даже в некрологе его имя запрещалось упоминать в печати. Как известно, И. С. Тургенев, нарушивший этот запрет и опубликовавший некролог Гоголю, был за это арестован и наказан ссылкой в свое имение Спасское-Лутовиново. Белинского, по-видимому, только смерть спасла от преследований. О том, какие последствия могло бы иметь “зальцбруннское” письмо для его автора, можно судить по тому, какая кара постигла петрашевцев, в том числе Достоевского, за чтение этого письма.

Таким образом, в “роковых” опусах Гоголя и Белинского – “Выбранных местах” и “зальцбруннском” письме гораздо больше общего, чем это может показаться на первый взгляд. Оба эти сочинения – оппозиционные, каждое по-своему. Раньше стереотипно считалось, что Белинский здесь выступал как революционер, а Гоголь – как реакционер. Формальный повод для подобных оценок был такой: главный пафос “зальцбруннского” письма – необходимость отмены крепостного права, а в “Выбранных местах” о каких-либо политических переменах речь вообще не идет. Однако высшая власть в России давно уже к тому времени искала путь к отмене крепостного права, и в годы создания письма Белинского и преследования петрашевцев за его чтение этот путь (по историческим меркам) уже подходил к концу, то есть к реформе 1861 года. Хороша же была революционность Белинского, если она совпадала с основным направлением развития России, которым следовала в тот момент высшая власть, то есть движением от крепостничества к его ликвидации! Так что революционным его письмо, по существу, назвать трудно. Оппозиционным – да, так как, не дожидаясь спущенных сверху реформ, он осмелился четко сказать, какова общественно-политическая ситуация в России и какие реформы ей необходимы.

“Выбранные места”, хотя никаких политических реформ не предлагали и поэтому, с формальной точки зрения, могли показаться реакционными, по существу, стали не менее оппозиционным сочинением, но оппозиционным не только и не столько к власти, сколько ко всему обществу. Не случайно эта книга была негативно воспринята почти всей публикой (за редким исключением), а не какими-то определенными “партиями” или сословиями. Это и неудивительно: всей России, всем соотечественникам Гоголь высказал упрек, что они живут далеко не по-христиански. Всем без исключения, в том числе и царю, он дал советы, как устроить жизнь по закону Христа (а по тону книги – скорее, поставил такую задачу). Этот подход, при ближайшем рассмотрении, реакционным назвать нельзя. Это призыв к развитию, к движению вперед. Но только основой для этого развития, по Гоголю, должны быть не политические реформы, а духовно-нравственное преобразование человека и общества. Но неизвестно еще, что сложнее. Может быть, предлагаемый Гоголем путь – как раз самый труднопреодолимый. Гоголь не только упрекнул всех в том, что не следуют на деле закону Христа, декларируемому на словах, но еще и задал всему российскому обществу такую задачу, которую оно, может быть, вообще выполнить не в силах, включая царя. Легче уж осуществить очередную реформу.

Так чьи идеи более оппозиционны, более кардинальны – Гоголя или Белинского? Определенно царю легче было отменить крепостное право, выполнив тем самым главную из обозначенных Белинским в “зальцбруннском”

письме задач, чем выполнить совет (наказ), высказанный Гоголем, и “сделаться весь одна любовь”.

Но в любом случае два связанные между собой факта русской литературы и общественной мысли – “Выбранные места из переписки с друзьями” и “зальцбруннское” письмо Белинского к Гоголю – это вещи, в сущности, настолько же сходные, сколько и различные, потому что обе в основе своей оппозиционные, обе представляющие собой проповедь, обе выражающие главные для развития России идеи – каждая свою. Таким образом, некоторые разрозненные сходные черты личностей, характеров дополнились сходством, в чем-то гораздо более важным, общественно значимым. Без преувеличения можно назвать оба эти произведения гражданским подвигом каждого из них и уроком для нас – их отдаленных потомков.

От редакции:

Продолжение разговора о наследии Виссариона Григорьевича Белинского читайте в ближайших номерах.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ДУША РОССИИ

Мой друг Юрий Васильевич Убогий совершил творческий подвиг – создал книгу повестей о великих русских писателях, чьи судьбы так или иначе были связаны с калужской землёй.

Я читал эту книгу и чувствовал, как память моя вытаскивает из своих глубин множество картин и событий, казалось бы, навсегда утонувших в прошлом.

Со времён учёбы на филологическом факультете МГУ я запомнил из лекций знаменитых лингвистов, что “великий и могучий русский язык” сложился на основе курско-орловского диалекта, на просторах, откуда вышли Тургенев, Бунин, Лесков.

Но моя калужская земля тоже русская и сердцевинная: разве она не была причастна к сотворению великого языка – и разговорного и литературного?

Моя местнопатриотическая ревность усугублялась ещё потому, что родную область со всех сторон окружали земли, которые дали России Толстого с Ясной Поляной, Тургенева со Спасским-Лутовиново, Твардовского со Смоленщиной. А про московскую землю – родину самого Пушкина – что и говорить! Да и чеховское Мелихово тоже коренное Подмоскovie.

Да, таких литературных исполинов калужские подзолистые почвы не вырастили, разве что произвели на свет двух пророков – Константина Леонтьева да Константина Циолковского, но и тех, как и положено по русской пословице “нет пророка в своём отечестве”, современники не поняли и не оценили.

Однако – и это утешало меня – моя малая родина неспроста властно притягивала к себе столько славных имён отечественной культуры, что всем остальным землям оставалось только удивляться этому явлению и завидовать. Не могло же быть случайностью, что пушкинская судьба привела поэта на Полотняный Завод в дом Гончаровых, сожжённый остов которого с чёрными окнами-глазницами я много раз с волнением разглядывал во время своих послевоенных отроческих путешествий по берегам Угры.

А южнорусская “редкая птица” Николай Гоголь находил в Оптиной пустыни гораздо больше пищи для души, нежели на земле вечного и, казалось бы, так любимого им Рима. И не случайно губернаторша Смирнова-Россет стала главной персоной его “Выбранных мест из переписки с друзьями”. А когда Гоголь написал, что “надо проездиться по России”, то это означало для него “проездиться”, подобно Чичикову, именно по расхлябанным калужским дорогам.

Наше православие – глубочайшая тайна исторической судьбы России, и недаром Гоголя и Толстого властно влекли к себе и Оптина, и Тихонова пустынь, и Шамордино.

Не забудем и Боровско-Пафнутьевский монастырь, а также сорок церквей губернского города, о которых по случаю какой-то небольшой победы во

время Крымской войны было сказано в “Севастопольской страде” Сергеева-Ценского: “Колокольный звон стоял, как в Калуге на Пасху...”

Помимо крупнейших исторических событий (стояние на Угре, оборона “злого города” Козельска, битва с французами под Малоярославцем) в истории Калужского края существовало нечто внеисторическое, нематериальное.

Однажды в 1950 году я уходил из Загородного сада после легкоатлетической тренировки и вдруг увидел, что к стеле с изображением Гоголя, стоящей посреди вековых лип на месте сгоревшей в 1918 году дачи губернаторши Смирновой-Россет, где когда-то гостил Николай Васильевич, подошёл высокий худой старик, осенил себя крестным знаменем, приложился к профилю Гоголя, словно к иконе, и опустил перед стелой на колени.

Может быть, именно тогда я не то чтобы понял, но ощутил, что литература в России нечто большее, нежели сочинение романов и поэм. Сколько бы ни читал русский человек исторических книг Карамзина, Ключевского, Тарле и прочих знаменитых историков, он всегда будет судить о Пугачёвском восстании по “Капитанской дочке”, о войне 1812 года по “Войне и миру”, о гражданской войне по “Тихому Дону”, о Великой Отечественной войне по “Василию Тёркину”... Великая русская литература для читателей XIX–XX веков была одновременно историей, обществоведением, идеологией, религией, школой нравственности, философией жизни, учебником эстетического воспитания. И то, что сегодня преподавание литературы изгоняется из школьных программ – нельзя назвать иначе, как преступлением против генетического кода русской жизни.

С 1937 года на Золотой аллее, протянувшейся вдоль Березуевского оврага, стоит ещё одна стела с бюстом Александра Сергеевича Пушкина. Путь к возведению этой стелы так же, как и к стеле Николая Васильевича Гоголя, был неимоверно труден...

12 февраля 1921 года в день смерти Пушкина, когда, по словам Герберта Уэллса, Россия лежала во мгле, маленькая горстка питерских литераторов собралась в Доме искусств, где Александр Блок произнёс знаменитую речь “О назначении поэта”, в которой предупредил ретивую чиновничью чернь революционной эпохи, чтобы она не вмешивалась с помощью цензуры в “музыку истории”. Выступивший через несколько дней после Блока Владислав Ходасевич, вспомнив пушкинский сонет, назвал своё слово о Пушкине “Колблемый треножник”.

И Блоку и Ходасевичу не без оснований казалось, что великая культура почти погибла, что всё, по словам Анны Ахматовой, “расхищено, продано, предано”...

Но случилось чудо: после шестнадцати лет исторического кошмара, мучительных поисков пути, после нэпа и коллективизации, после Беломорканала, “Поднятой целины” и “Страны Муравии” грянул 1937 год. Столетие со дня смерти Пушкина стало величайшим и всенародным праздником почти пасхального воскрешения из мёртвых того, кто сказал сам о себе: “Нет, весь я не умру, душа в заветной лире...”. Но, к несчастью, без того, что сегодня называется Большим Террором, не могло случиться этой возрожденческой мистерии. Трагедия – это всегда палка о двух концах. Лишь с уничтожением антирусской и антинародной партийной, чекистской и гулаговской элиты имя Пушкина, во многом поруганное в 20-е годы, было восстановлено во всех ипостасях. Множество городов, улиц, площадей, парков, музеев, библиотек страны были названы в его честь. Собрание его сочинений, вышедшее в роковом 1937 году, до сих пор считается наилучшим за всю историю России. Сотни памятников и мемориальных досок возникли в больших и малых городах от Москвы до самых до окраин. Именно тогда бывшая улица Коровинская (по имени купца Коровина) была переименована в Пушкинскую, куда в угловой дом на пересечении Пушкинской и Циолковского меня принесла из роддома мать и где прошли первые восемнадцать лет моей жизни.

Осип Мандельштам, конвоируемый тремя сотрудниками НКВД в Чердынскую ссылку, глубже многих историков и политиков понял суть происходящей в стране контрреволюции, когда писал:

*Чтобы Пушкина чудный товар
не пошёл по рукам дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами
Племя пушкиноведов.*

Части исторического тела России, расчленённого в 1917–1922 годах, в Пушкинском тридцать седьмом стали сростаться, как в русской народной сказке, словно спрыснутые живой водой. Поистине всё происходило, как в пасхальном песнопении:

*Смертью смерть поправ
и сущим во гробех живот даровав.*

Лишь поэтому через четыре года после воскрешения Пушкина из мёртвых Сталин решился произнести на знаменитом параде 7 ноября 1941 года имена “классовых врагов” Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Александра Суворова и тем самым вернул народу ещё один пласт истории, “какую нам дал Бог”. Наверное, поэтому сутью повести Юрия Убогого об Иване Бунине являются страницы не только о романтическом приключении молодого писателя на Калужской земле, но и те, в которых великий изгнанник, изрыгнувший яростную книгу “Окаянные дни” — о преступлениях революции, через четверть века взмолился о победе Советской России в битве под Москвой и Сталинградом и даже о том, чтобы со Сталиным, летящем на самолёте в Тегеран, ничего не случилось. Именно эта молитва была последней каплей “живой воды”, необходимой для того, чтобы тело России, расчленённое в эпоху “окаянных дней”, срослось окончательно. Бунин в те трагические дни, как никто из эмигрантов, понял, что судьба и Михайловского, и Полотняного Завода, и Ясной Поляны, и чеховского Мелихова, и гоголевской Миргородчины, и его собственного Ельца решается в “снежных полях под Москвой” и на обугленных руинах Сталинграда.

Конечно, он помнил, как в 1914 году кайзеровская Германия с первого дня войны одновременно воевавшая на Западе против мощных французских и английских армий, тем не менее опрокинула на Востоке войска сильной и крепкой России, не испытавшей ни гражданской войны, ни коллективизации, ни массовых репрессий, захватила прибалтийские и польские земли Российской империи и за 4 военных года не позволила ни одному российскому солдату ступить на германскую землю. А ненавистная ему Советская Россия, “совдепия”, принявшая на себя удар не только Германии, но всей объединённой фашистской Европы, оправившись от первых военных неудач, во второй половине войны с триумфом вошла аж в десять европейских столиц! Ну как же после этого было Бунину не переживать за жизнь и безопасность Сталина. Адвокаты демократии истошно вопят, что Сталин ухватился за союз с церковью, как за последнюю надежду в войне. Но это — ложь, потому что встреча с иерархами состоялась после трёх крупнейших побед Красной армии — московской, сталинградской и курской, когда судьба войны была решена, а Сталин, думая о будущем страны, вознаграждал русскую церковь за самоотверженный и бескорыстный вклад в священную войну, в близкую победу.

Сталину после пушкинского юбилея и всемирно исторической речи 7 ноября 1941 года с перечнем героев русской истории было, как говорится, рукой подать до сентября 1943 года, когда он пригласил к себе трёх высших иерархов православной церкви и объявил им о восстановлении патриаршества, об освобождении священников, боровшихся с безбожной властью, из мест ссылки и заточения, о восстановлении русской церкви в её исторических и духовных правах, настолько, насколько это было возможным во время страшной войны. Грех разгрома православия, начавшийся со знаменитого ленинского письма 1921 года, был искуплён властью-победительницей, убедившейся, что во время смертельной и “священной” войны церковь стояла на стороне не только народа, но и власти, и потому ей была дана возможность восстать из праха и подняться с колен человеком, о котором ещё один знаменитый изгнанник, Александр Вертинский, впоследствии написал:

*Он стоит, как серебряный тополь,
принимая последний парад,
сколько стоил ему Севастополь,
сколько стоил ему Сталинград?
И когда подходили вандалы
к нашей древней столице отцов,
где нашёл он таких генералов
и таких легендарных бойцов?*

Мне вспоминается, что 60-е годы был модным вопрос, содержащийся во многих анкетах, изучающих общественное мнение: какие бы три книги вы взяли с собой на необитаемый остров или в космическое путешествие? Однажды, задумавшись на этом неумным и утопическим вопросом, я всё-таки выбрал для себя эти три книги: “Капитанская дочка”, “Тарас Бульба” и “Записки охотника”. Поэтому сегодня я рад представить читателю книгу Юрия Убогого. Если бы дополнительно выбрать что-то из Бунина, то в сегодняшнее время, когда обозначился тупик всей Западной цивилизации, я бы прибавил к этому перечню его пророческую новеллу “Господин из Сан-Франциско”. А из Чехова, которого на старости лет я полюбил по-настоящему, его повесть “Степь”.

Не хватает у Юрия Убогого в этом прозаическом венке во славу русской литературы повести о Льве Толстом, можно сказать – о почти нашем земляке. Я знаю, что Юрий Убогий давно обдумывает её и выстраивает в своём воображении, но не даются пока ему в руки калужские страницы из жизни яснополянского еретика и пророка. Дай Бог, чтобы во втором издании этой увлекательнейшей хрестоматии из жизни наших классиков, появилась и повесть о самом страстном и неукротимом из них. . .

А вообще-то, если русская литература как предмет останется в российских школьных программах, я бы хотел, чтобы книга Убогого стала своеобразным учебником для школьной молодёжи будущей России.

А ещё хорошо бы на Золотой аллее в один ряд с пушкинской стелой поставить стелы наших знаменитых “калужан” – Льва Толстого, Николая Гоголя, Ивана Тургенева, Антона Чехова, Ивана Бунина. Калужская земля достойна такого мемориала.